

НЕ БУДИ ЛЕШЕГО
ЮРГЕ КИТОН

Юрге Китон

Не буди Лешего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238698

SelfPub; 2024

Аннотация

То не ветер ветку клонит, то иду по лесу я. Звать меня Лесной Хозяин, можно проще – Дух Лесной. Леший я. Слежу зорко за вверенной мне территорией. Гоняю лешаков и упырей всяких, а кот Баюн у меня частушки поет. Непристойные. Но только рядом с лесом – в самом лесу нельзя. С этим строго. Василиса, Кощей, Горыныч – в гости заглядывают. Летом ясным я бодрствую, зимой впадаю в спячку. И если устал больно, тоже в неё, в родимую. А если мимо идёшь, путник или путница, лучше ты меня не буди!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2. Упыри и вурдалаки попадают одне	11
Глава 3. Лешаки	16
Глава 4. Водяной и бражка	19
Глава 5. Сообразили	24
Глава 6. Не дразни Кикимору	31
Глава 7. Зазноба что заноза	35
Глава 8. Знахарка Гостята	41
Глава 9. Василиса	46
Глава 10. Мара	56
Глава 11. Жена Кощея	62
Глава 12. Весна, капель и девичьи слёзы	69
Глава 13. В доме женщина	73
Глава 14. Гостята и Кощей	84
Глава 15. Нечистое братство	101
Глава 16. Кощей	107
Глава 17. Руби лес, полетят щепки	119
Глава 18. Кто в лесу Хозяин?	124
Глава 19. Надо возвращаться	129
Глава 20. Разговоры перед бурей	133
Глава 21. Ночь с богатыркой	142
Глава 22. Сестричка Лесовичка	148
Глава 23. Водяной	157

Глава 24. Накануне	163
Глава 25. От края до края	179
Глава 26. Прыжок Смерти	183
Глава 27. Гори огнём	188
Глава 28. Багровая река	194
Глава 29. После боя	217
29.2	222
30. Миропорядок	226
31. Кота не отдам	231
Глава 32. Сердце леса	236
Глава 33. Остывшая ушица	239
Глава 34. Проводы	252
Глава 35. Потёмки	256
Глава 36. Прости, прощай, лето	268
Глава 37. Рада в лесу	276
Глава 38. Дальний лес	303
Глава 39. Неожиданный гость	309
Глава 40	318
Глава 41	322
Глава 42. Тишка и Кощей	326
Глава 43	332
Глава 44	336
Глава 45. Здесь будет лес	343
Глава 46	351
Глава 47	364
Глава 48	376

Юрге Китон

Не буди Лешего

Глава 1

– Ты почто беспокоишь меня, погань ты крылатая? – стою, смотрю на парящую птицу чёрную. А она на меня смотрит. Глазом своим блестящим подмигивает.

– Не упаду я, и мясо моё тебе не достанется. Да и на что оно тебе, моё мясо? Оно же у меня мёртвое.

– Ну а моё какое? – отвечает мне птица птичьим клёкотом. – Так что и твоё мне будет в самый раз.

– Курица ты неошипанная, – посмотрел я на топор. Даже если докину и попаду, потом идти за ним. А леса уже окраина, выходить негоже.

– Подлети-ка поближе, а? – пернатую тварь уговариваю.

– Тебе зачем? – отвечает мне тварь пернатая.

– А как думаешь? – живым глазом ей подмигиваю. – Есть разговор.

– Отсель говори.

– Летела бы ты... Куда летела.

– Так предвестник я.

– И что забыла тут?

– Так за тобой я.

Ещё раз на топор взглянул. Да попаду, конечно, но из лесу выходить... Вся же нечисть встрепетается, что Леший на территорию посягнул. Прибегут из полей и лугов, вой поднимут. Скажут, что притесняю. Шагу лишнего не сделаешь...

– Как за мной?

– Так велено.

Тварь пернатая крыльями машет, перьями сыплет. А здоровая будет, но тощая. Это кто же такую на службе держит?

– Кем велено-то?

– Так я от Кощея жены.

– От Мары что ли?

– От неё.

А ей чего от меня надо?

– Пусть мужу своему голову дурит, а мне с ней ни делать, ни делить нечего.

Хватило уже.

– Муж за Василисой убежал.

– За той же самой?

– За очередной, – мудро изрекла пернатая нечисть. – Слышь, Леший, мне твою печень принести велено.

– Это что за невидаль? В наших краях такое не практикуется.

Да и какой она ей? Что-что, а печень уже вусмерть посажена. Посмотрел на рожок, что на поясе болтается. Давно он сух, надо бы исправить.

– Ои меня ничего не получишь, лети восвояси.

– Не ближний свет, с пустыми когтями не полечу, – и давай нападать, тварь подлая, подлетит да клюнет, да в небо назад. И так раз несколько.

– Всё равно не справишься, – отвечаю ей. – А я в лес уйду.

– Не уйдёшь, пока я буду твоих стращать, мелких духов тащить да жрать.

– С поля тащи, не моя забота.

Запищали под ногами, жалуются.

– Кто так предвестника гонит? – птица молвит. – Совсем ты, Леший, без уважения. Вот в других лесах...

– Ну и лети к другим.

– Мара послала к тебе.

– А кроме печени ей от меня ничего не надо?

– Сердце ещё просила, – птица хотела голову лапой почесать, да вовремя опомнилась, крылами замахала. – Да добавила потом, что у тебя нет его. Тоже, поди, пропили?

Отдал. Потому что дурак дураком молодой был. Так и помер. В том же лесу, в котором я теперь Леший. Тоже потому что дурак был. Теперь, значит, нечисть я, уже сто лет поди как.

– Улетишь ты или нет? Про “подобру-поздорову” не спрашиваю. Какое у тебя, у костлявой, здоровье?

– Э, обижаешь! – и опять налетела. Тут-то я её за шею хорошо схватил, да почти свернул, да по макушке рогатой клювом получил. И чуть глаза живого не лишился. Не дело это. Поцарапала меня вражина пернатая, смрадом мёртвым

дохнула. Вот бы клюв ей этот обломать, но как? Не поймаешь же курицу, скользкая. А размера она такого, что, пожалуй, и в небо за собой утащит и о землю бросит.

Уже решил топором, как чую, кто-то об ногу трётся.

– Мяу!

– Баюн, ты, что ли?

Смотрю, кот чёрный в ногах, когти свои стальные о мой сапог точит.

– А ты, котяра, не обнаглел ли? – его спрашиваю, а сам по холке поглаживаю. И тут идея посещает меня хорошая. Чай, Баюн не топор, воротится обратно.

– Эй, пернатая, лови подарочек!

Взял кота за шкурку я, шепнул ему на ухо.

– Ну и ты, Баюн, не оплошай.

Ну и запустил котом в курицу.

Хорошо полетел Баюн, что снаряд. Летит и частушки поёт матерные. Я такого в лесу не люблю, не попускаю. А в небе пускай летит, ругается. Разумная тварь Баюн или нет, говорить ли умеет, или шпарит по заученному – про то мне неизвестно. Он что комната китайская, слов много, толку мало, но живность осмысленную хорошо изображает.

Вцепился Баюнка в курятину, перья быстро повыдергивал, заискрил, зашипел да когти острые вонзил во все места мягкие. Хотя вряд ли есть такие у пернатой твари этой.

– Ты пошто хулиганишь, Лешак ты злой! – нечисть крылатая ругается.

– Какой я тебе Лешак, Леший я. И то я не хулиганю, а провожу боевой манёвр. Называется “кота метание”.

– Сними его с меня, полечу обратно! А ты иди к Лешему... Тьфу ты, – птица плюнула. Видать, поняла, послала к кому. Баюнка долго держался, не отпускал. Наконец она его скинула, и на крыло припадая раненое, полетела восвояси, ругаясь.

Глава 2. Упыри и вурдалаки попадают одне

*Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднюю порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.
Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.
Ваня стал;— шагнуть не может.
«Боже!— думает бедняк, —
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.
Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем».
Что же? вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.*

А.С. Пушкин. Цикл "Песни западных славян", стих "Вур-

далак"

Иду я вдоль кромки поля, скрываясь в тенёчке, думаю, с чего бы предвестнику от Мары прилетать? Рядом Баюн идёт, и на ходу раны зализывает, умывается.

– Сильно потрепало тебя? – спрашиваю.

– Мяу, – отвечает.

– А сказка где, стишок какой, песенка?

Посмотрел на меня кот, подумал. Вздохнул. Пошёл дальше.

– Баюнка, ты не серчай. Надо было прогнать нечисть пернатую.

– Тьфу! – сплюнул кот чёрные перья из пасти.

Идём молча.

Чую, земля под ногами шевелится. И шум стоит нехороший. Как будто старые кости где-то ломает. Посмотрел в рощицу, а там ветви сухие с земли поднимаются, всё ходуном ходит.

– Заложные, что ли, беспокоятся... К чему бы?

А покойники те заложные, неприкаянные, мною упомянутые, а ну давай с земли вставать, ветки с себя снимать и поначалу друг на друга прыгать. А потом выстроились в одну линию и пошли.

– Надоело мне всё, – говорю и на кота смотрю. – Что они полезли, Баюнка, как думаешь? Вроде не русалочья неделя, лежали бы да лежали.

– Мяс.

– Мяс? Много у меня к тебе вопросов.

Первый упырь повёл носом и пошёл на нас с Баюном. Баюн тоже повёл носом, посмотрел на упыря, потом на меня, покачал головой из стороны в сторону и в лес сиганул.

Ладно, котик, это не твоя битва. Не всё же тебе одному отбиваться. Поднял я топор.

Рубить упырей – дело нехитрое. Только почто повставали они, да много так?

– Тут я, нечисть поганая, – поднял землицы ком и запустил в одного вурдалака. Кровь моя для них невкусная, бесполезная. Да безмозглые они, разве разберутся? Нападать будут на всё что движется. Зверья много попортят, а то и человек заблудших или на окраине леса в лугах работающих. Так-то человек мне не сильно жалко, но, опять же, на подвластной мне территории негоже вурдалакам шалить.

Нечисть поганая внимание на меня обратила. Побежали. Прыгают, зубы свои гнилые выпустили, пальцы с длинными когтями растопорчили. Снял я с пояса топор. Мне бы два топора сейчас, да носить их неудобно. Разве что – оба за спину приделать? В две бы руки я б упырей этих мигом раскидал.

На поясе у меня нож, рожок и фляга. Это само собой, вещи нужные, их тоже не снять. Ну да меньше думок, больше дела. Первого вурдалака порубил. Второго за пасть поймал и откинул. И дальше топором.

Рублю, значит, вурдалаков направо и налево, а всё же думки в голову лезут. С чего вурдалакам вставать? Кто-то поднял их? Уж не лешаки ли с соседнего леса?

Я за этой территорией пригляд держу, она вроде как и моя, и ничейная. Отобрал я её у другого Лешего давным давно. Ну и, понятно, что двум Лешим в одном лесу не бывать. Теперь тот лес мой, сосед, злобу притаивший, сюда глаз не кажет. А вот лешаки его остались и в услужение не пошли. Растут, множатся, злобу копят. Могли они вурдалаков натравить?

Вроде всех порубил. Стою, дух перевозжу. Топор только затупил об их гнилые черепушки. Как смотрю – опять ветки задвигались, но то не на земле, а в чаще. Выстроились передо мной лешаки – бывшего Лешего с этого подлеска прихвостни.

– Гляди, целехонек!

– А что на меня любоваться, чай не красна девица.

– Много нас а ты один.

– И в прошлый раз так было.

– Меньше нас было, запомятовал?

Что моя башка нынче, в ней грибы и мох.

– Леший ваш с вами был, а теперь вы без Лешего. И многих ваших нет.

Проросли давно травой сорной на полянке спорной.

– А нас числом теперь много побольше. И без Лешего справимся.

А ведь и впрямь вся роща ими утыкана. Стоят, как боро-
вики все, сбитые, морды кабаньи, свирепые, на головах рога
загнутые. Клыками по подбородку шерсть истёрли. Ишь как
много их! Неужто селян тащат да в лешаков обращают? Из
заложных только упыри получаются. Не кладбищенские же?
Колдун, что ли, объявился? Леший их колдуном не был.

– Ну так начнём, может? Что-то смотрины затягиваются.

Ну так они и начали. Всё ж таки плохо, что топор у меня
один.

Глава 3. Лешаки

Рубились долго. Эти твари клыкастые кусаться на умеют – клыки загнутые мешают. И бодаться не могут – рога кривые. Махались топорами.

Их много, они круглые да юркие. Я один, и весу тяжёлого. Но хоть не совсем ещё дерево, поворотливый.

А так знатно меня порубили всего. Как бы и впрямь в землю не уйти и не прорасти мохом.

Но пока стою, отбиваюсь. А надо ж их, кабаняков невежливых, со своей земли согнать.

– Добиваем, кажись! – кричат. И ничего ж не посоветуешь, если кажется, нечисть ж мы.

Чувствую, жжётся что-то в нутре. Вниз смотрю, отнял от брюха руку. Кровь течёт по животу, вся моя шкура промокла. Да и рёбра поломали, раз мне не вздохнуть.

Тяжко стало, но стою пока, хоть ноги проседают. Как нежить не смертен, но выбить дух можно, помру. И никуда не денусь. Останусь мёртвым пнём, зарасту травой – пришлым лешакам на веселье.

Но это лес мой, и раз пока не издох, видать ещё здесь нужен. А эти лыбятся, стоят, довольные кабаняки, наверное уже между собой лес делят.

Травушкой сладко пахнет, землицей пахнет, если не брежу. Ну подойди только кто: голову отрежу.

А рукояти топора не чувствую больше. Живой глаз уже не видит, пока смотрю мёртвым.

Что-то тянут они. Близятся по кругу. А я ж на горке стою из их же кабаньего люду.

Окружили и свалили. Ну вот и всё. Зарубят. А битва славная была. Хоть не спился заодно с Водяным, ушёл достойно, в бою, как хороший Леший.

Вдруг тень чёрная надо мной промелькнула. И частушки матерные по лесу раздались. Видать, есть в них сила великая, потому как так разозлили они меня, что я с места вскочил. Не потерплю в своём лесу матерщину.

Баюнка когти стальные выпустил и от лешака к лешаку прыгает. Как бы не порубили кошака-матершинника топорами. Мне его, нечисть хитрую, ещё в студёном ручье вымачивать в наказание.

Поднялся я, сначала на одно колено, потом на оба. Топор нащупал, глаз затёкший протёр. Подождал, пока силу в руках почувствую, а то начал уже в духа превращаться, тело не слушается. Материальное оно частично, частично живое, но больше мёртвое. Такое сдвинь. Сила нужна большая. Но она же и подмога. Обратился к лесу и стал лесом сам. До последней веточки, зверушки и мышки-норушки. А потом силу эту в тело потребовал – во временное пользование. Вот тогда встал.

– Кота не обижайте, лешаки поганые.

– Сам ты нечисть поганая, а кто-то из нас будущий Леший.

– Не понял.

– Кто тебя победит, тот следующий Леший будет, – объяснил второй, Баюнку тягая за хвост.

– Так деритесь друг с другом, – предлагаю я.

– Так начнём, когда тебя завалим.

– Я буду главный, я сильный самый, – один Лешак встал, подбоченился. Кажись, я тут Лешим буду!

Кажется ему...

– Баюнка, – кота подзываю. – А ну-ка, пойдём, объясним гостям нашим разницу между “быть” и “казаться”.

Всех мы их положили в этой же рощице слоём ровнёхоньким. Будут берёзкам удобрением.

Глава 4. Водяной и бражка

– Баюнка, сможешь мне туловища эти валежником закидать? – кота спрашиваю. Негоже оставлять их так валяться. И хоронить нельзя – чай, нежить, земля не примет. Но и так оставлять негоже.

– Мяу, – ответил Баюнка. Уши подранные, на морде кровь запеклась. Пасть было разинул, частушкой, видать, ответить хотел, потом чихнул только и в лес удрал.

Понятно, прибираться мне одному здесь.

Лешаков прикрыл ветками, уже не встанут они, в упырей не превратятся. Как на солнце выгорят, иссохнут, воздухом очистятся, травой взойдут, после того только с землицей перемешаются. Станут её костью, мышцей, нервами. Но это потом. А пока мне мертвечину эту таскай перетаскивай, в рядочек укладывай да ветками закрывай.

Умаялся.

Иду, самого шатает знатно. Добрёл до ручья большого, наклонился к воде, встал на одно колено. От одежды моей по студёной водице след кровавый пустился. Эх, нехорошо. Ладно бы к мёртвой воде пришёл, а то к обычной речке. Вдруг как прыгнет мне кто на спину! И топор мой на дно пошёл, и я чуть за ним не туда же. Но удержался. Скинул с себя вражину, за шкурку схватил. Смотрю – Лешак недорубленный!

– А ты что, самый хитрый? Схоронился где, пока другие

дрались? Захотел взять хитростью?

Молчит.

– Леший живой ваш?

Молчит.

– Или прогнал вас из лесу, так вы пошли себе новый искать?

Ни слова не молвит.

– Много вас развелось, откуда взялись вы? Тесно вам стало? Или плодит вас кто, чтоб на меня натравливать?

Тишина в ответ.

– Да ты ещё хуже чем Баюн. Тот хоть иногда мяукает. Утоплю я тебя.

И сунул его башкой в речку. Держу, не отпускаю, жду пока перебрыкается. Вытащу – так, может, будет сговорчивей.

Вытащил. Спросил ещё раз. Лешак сговорчивей не стал. Нравится ему, может, купаться?

Окунул ещё раз. И ещё. На третий раз из воды Водяной выныривает. Я даже растерялся. Был бы топор под рукой, может, и стукнул бы с неожиданности его по лбу.

– Ты что творишь, мракобесина лесная? Ты почто мне воду мутишь, рыбу пугаешь?

– Так вот, – показываю ему Лешака морду кабанячию.

– Не убежит? – Водяной отплывает слегка.

– Нет, за рога крепко держу его.

– Это что же, Лешак?

– Он.

– А не можешь ты его топить где-нибудь в другом месте?

– А где мне его топить прикажешь? Чай каждая лужа твоя.

– Ну... придумай что-нибудь. Почто тебя голова такая здоровая да рогатая? Поди ума палата. Топором стукни!

– Уплыл топор на дно. У тебя где-то.

– Погодь, – Водяной под воду ушёл, вернулся с моим топориком. В воде он его ещё держал, а над водой поднять не смог.

– К чему такая тяжесть большая? – спрашивает.

– На тебя, небось, отовсель не нападают.

– Так моя река всё больше по твоему лесу протекает.

Удобно, – Водяной крикнул.

– Мзду буду брать.

– Так я завсегда! – он отдал мне топор и снова нырнул.

Вынырнул он с флягою. – Вот! Я что и приплыл-то!

– А говоришь, воду мутят.

– Ну это... Ты от Лешака своего избавляйся. Или, смотри, может, третьим будет?

– Буду, – ответил Лешак.

– Глянь, он разговаривает! – я его от удивления из рук в воду и выпустил. Водяной хоть брезгливый, но поймал и вытащил.

– Ты это, Лешаками не разбрасывайся. Наконец-то кто-то пьющий попался акромя нас с тобой.

– Так это вражина. Убить меня хотел, – я взял будущего собутыльника за шкуру. – Пойдёшь ко мне, нежить нера-

зумная, в услужение?

– Я разум имею, – обиделся Лешак. – В услужение не пойду, а выпить выпью.

– Мудр, – Водяной хлопнул по фляге. – Ну так что, нежить лесная, выпьем за здоровье речной нежити?

– Что в фляге? Живая вода?

– Обижает! Брага!

– Человеков обнёс?

– У них сегодня праздник. Ночь Купальская. Хотели в реку вылить такое добро, шалопаи, меня, видать, задобрить. Так я не дал, всю флягу забрал да унёс.

– То-то они, верно, удивились.

– Не, все хороши уже, – Водяной руку к шее поднёс, жестом показал, насколько. – Аж завидно. Ну и, как говорится, что в воду упало, то пропало.

– Наливай уже, разбухтелся.

Водяной снова крикнул, три листа кувшинки сорвал и сделал нам чарочки.

– Мне не надо, у меня своя посуда с собой, – протянул ему рожок свой.

– Сколько наливать?

– Края не видишь?

– Это по-нашему, – Водяной вернул мне рожок, Лешаку протянул брагу в кувшиновом листе, сам тоже себе соорудил чарочку.

– Ну... будем!

– Куда ж мы денемся.

Глава 5. Сообразили

Выпили. Разлили ещё. Я у Лешака спроси возьми:

– Так изжили Лешего своего?

– Сбежали... Был Лешак Разгуляк, сказал что в лес нас новый уведёт, надо только Лешего местного, тебя, то бишь, со свету изжить. Да и будет лес наш. Хватит леса и новому Лешему и дружине его.

– А ты всё один да один, а, ваше Лешачество? – пьяный Водяной мне подзуживает. – Смотри у соседа какое войско!

– Только что-то разбегается, – я потребовал себе ещё. Выпил. Кости внутри срастались дюже больно. Скрипело всё, переплетались жилы заново, зарастало мясо.

– Тебе живой водицы, может, достать? – Леший подмигнул.

– А у тебя есть?

К тому источнику не ближний свет.

– С собой есть немного. Но бодрит так, что в нутре поколачивает!

Конечно, если живое принимать в мертвое.

– Взбодрисься?

– Нет, – я отказался. – Оставь пока.

– Как знаешь! – Водяной фляжку прибрал.

– Мне дай! – Лешак лапы протянул, мигая пьяными зенками.

– А ты обойдешься! Чай, весь мертвечина? Это нам с Лешим надоть, у нас внутри кое-что живое имеется, а тебе будет с живой воды одна гадость!

– Жадный ты, – Лешак сплюнул.

– Ты почто в мою реку плюешь, нежить! Топи его, Леший! Водяной наш уже хорошо поддал.

– Да в твоей реке чего только не плавает!

– У меня чистота образцовая и порядок! – Водяной обиделся. Добавил:

– А не я бы, так плавал бы тут заодно и один Лешак!

Я решил их разнять да спросил у Водяного.

– А... как ты тут? Тебя, что же, Кикимора твоя отпустила пьянствовать?

Не в коем случае не чтобы обидеть его зазнобу. Действительно она Кикимора.

– Э! Не! Говорю же, ночь Купальская, молодцы будут в речку нырять, а она на это дуже смотреть любит.

– Кикимора твоя смотреть любит на молодцов? – переспросил я. Может, что недопонял. – А тебе это не обидно?

– А чего? Она занята, а я вот с вами!

– А ежели зазноба твоя решит развлечься?

Лешак, слушавший про Водяного с Кикиморой, злорадно похрюкал.

– Дак а как ей с ними развлекаться? Если к ней в лапы попали, то всё – считай, покойники. Утопленники, стало быть. Живой то ей кто дастся?

– Так... и ты, Водяной, не больно живой, с тобой же она как-то умудряется.

– Я есть нежить сильная! – Водяной ударил себя в грудь. – Во всех смыслах, – добавил под хрюк Лешака, – и вообще, вы пить-то будете?

– Наливай.

И только Водяной наш в флягу полез, вынырнул к нему пескарник и ну что-то на ухо нашептывать.

– Ну вот – говорил же я! Так и есть. Утащила моя Кики-мора под воду какого-то молодца!

– Ну так... Всё, посидели? Спасать поплывёшь? – спрашиваю.

– Сдался он мне? Молодцом больше, молодцом меньше. Пусть развлекается.

– Нехорошо же? – спросил я. – Всё ж таки на твоей реке бесчинствует.

– Сам не знаю, что ей в трясине не сидится? А тебе, Леший, жалко человека, что ли? Хорошо же сидим!

– Ну наливай, не задерживай.

А пескарник опять затрещал чего-то под ухом. Не выдержал я, поймал в руки рыбёшку.

– Я, тварь ты неразумная, любой глас лесной знаю, а вот по рыбьему не кумекаю. Чего ты трещишь?

– Ну дай послушаю! – Водяной рыбу забрал и к уху приблизил.

– Девка какая-то меня кличет. Просит помощи, называет

Батюшкой.

– Какая ещё девица?

– Ну чьего молодца утопили, видать.

– А...

– Пить то будем? Фляги половина ещё!

– Спасать разве не пойдём? Обратилась честь по чести.

– Нам только пьяным кого-то спасать. В прошлый раз чуть Баюна не женили на моей Кикиморе. Ты, Леший, сватом был.

– Может, с тех пор Баюнка злобу на меня затаил? А зачем тогда жизнь спасает? Непонятно.

– Ну если ж Кикимора до сих пор с тобой живет, стало быть, не сосватали.

– Сорвался план! – Водяной в сердцах шлёпнул по воде перепончатой лапой. – Да Баюн сильно сопротивлялся!

– Воду он не любит. Или баб вредных...

– Будь у меня жена добрая, разве бы я пил?

– Так женись на Кикиморе, может, она подобрее?

– Леший, ты когда сам научишься брагу ставить? – вдруг спросил водяной. Про Кикимору, видать, говорить не в мочь ему.

– А зачем? – не понял я.

– А как все людишки изведутся? Мало ли какой мор у них случится? А как мы жить будем-то! Без браги? Живой водой печень в один миг убьём! Научись, Леший, друг, а?

– А почто я?

– Ну а кто в лесу все травинки былинки знает? Неужто бражку не сообразишь?

– Из чего её настаивать-то?

Пескарик запищал пуще прежнего.

– Да помолчи ты, рыбина! – Водяной пришикнул. – Не разумеешь? Важные разговоры разговариваем!

– Ну ка, спроси, чего надо ему?

– Да девка та всё просит моей помощи. И честь по чести называет Владыкой речным, кличет Батюшкой.

– А девку как ту звать?

Нехорошее проснулись предчувствие.

– Да сам только что сказал – человек тебе не жалко!

– Как звать девку, спрашиваю?

– Ну-ка, пескарик... – поймал рыбку Водяной. – Как девку ту звать? Как? Ага... Рада дочь Радимира и Зоряны.

Рада? Бедовая, так ей дома и не сидится.

– А парень кто? Не Родька ли, Велимира сын?

– Про парня на знаю, но девка просит за суженого.

Он, значит. Вук, его волк белый, загрустит. Не заболел бы. Да и девку жаль.

Смешная она.

– А ну-ка, Водяной, поехали умишко на место ставить твоей Кикиморе.

– Ты чего! На допили же!

– Позже допьём.

– Дак я допью! – Лешак предложил. Сам уже пьян вдре-

безги.

– Не тащить бы тебя, так с собой бы взяли. Водяной, много осталось там?

– Так пол фляги ещё! А если выжрет всё?

– Да что я один пить буду – одному и не в радость, – прохрюкал Лешак.

Тоже дело.

– Быстро вертайтесь! – а сам к фляге лапы тянет, точно рылом туда нырнет.

– Друже Леший, по воде сильно далече! Река крюк делает, давай по земле? – Водяной мне предлагает.

– Друже скотина ты водная, ты же вешишь как три борова, как я тебя на себе поволоку?

– Друже Лешака окаянная! Не ты бы, сидели, пили бы, как порядочная нежить!

– Друже жаба водяная... – осенило меня. – Быстро обращайся в жабу, да так и быть, домчу вмиг тебя. Мне бы только за волчьей шкурой обернуться.

– Так на тебе же!

Совсем допился. Вывернул, надел с изнанки на правильную сторону и волком перекинулся. Водяной сделался жабой и прыгнул мне на спину.

Лешак с флягой оставленной очень уж нежно обнимался, чувствую, не дождутся здесь нас.

– Водяной, вода живая при тебе?

– При мне.

– А мертвая?

– И она найдётся.

– Ну тогда в путь.

Взглянул я на лес, деревья и кусты расступились, короткий путь открывая. Есть у меня свои дорожки и совсем они не человеческие. Путь по ним одной только нежити ведом. И то не всякой.

Глава 6. Не дразни Кикимору

Прибыли на место мы вовремя, жениха, а теперь получается, мужа Рады мы спасли. Водяной нырнул за ним и, видно, смог вырвать из цепких лап своей Кикиморы. А после мы Родьку поливали мертвой водой да поили живой – ничего, оклемался.

Доставив молодняк на их берег, я заметил в селении большое волнение. Хороший у меня слух, понял, о чём говорят, но расстраивать Раду не захотел. Она только получила любимого своего обратно. Ещё чуть-чуть, ушел бы к мёртвым, а так остался в мире живых.

– Ну так что, Леший, возвращаемся и продолжаем? – Водяной спрашивает.

– С Кикиморой твоей сначала поговорим.

– Сдалась она тебе? – Воднейшество занервничал.

– Надо, жабье величество, надо.

– Может, ну её в болото?

– Вот в болото и ныряй. Я тут вас подожду.

– А чего говорить то? Я как парня этого у неё забрал, так она на меня сердитая.

– Скажи, у Лешего разговор есть.

Воднейшество нырнул и через сколько-то времени воротился со своей Кикиморой.

– Ты почто, мать, молодцев на дно речное таскаешь? За-

бавы для? – я сразу к делу перешёл.

– А тебе что с того, Леший? – Кикимора меня взглядом меряет.

– Да думаю, если не любо тебе жить в речке просторной, в водице студеной, да в болотце тёплом вместе с Воднейше-ством, так переходи ко мне жить.

– К тебе в лес? – Кикимора вздёрнула брови. – Так я же сущность водная!

– Оторвалась ты от своего рода племени. Не знаешь, что Кикиморы везде живут. Не только в воде. Но я тебе создам все условия. Возьму бочку дубовую, воды в неё налью, посажу тебя туда. Будет тебе жарко – поставлю я бочку на ледник, будет холодно – перенесу в костёр. Если бочка подгорит – в котел пересажу тебя для пушей комфортности. Из дел у меня по хозяйству – сущие мелочи. Меня кормить и всячески уважать, развлекать сказками и песнями. Мой дом блюсти в чистоте – полы мести да мыть ключевой водой, одежду мою содержать в порядке – чинить, стирать и шить на меня, а то на мне всё быстро изнашивается. Сапоги чистить, к оружию руки не тянуть, все заботы только по моим лесным хоромам. А ещё в самом лесу прибираться – ветки сухие убирать. И старые деревья. Животных лечить, споры их выслушивать. Ягоду собирать, мох заготавливать. Мне это всё делать некогда – я лешаков отгоняю и упырей обратно в их гноище укладываю. От тебя пустяк сущий потребую – помогать мне упырей порубленных стаскивать да ветками прикрывать. Ну вот,

пожалуй, и всё. Как тебе моё предложение?

– Упырей стаскивать? – повторила ошарашенно Кикимора. – Мох заготовливать?

– Сдюжишь? – интересуюсь. – Коли сдюжишь, будешь как королева в бочке жить. Бочку найду просторную, чтоб ты вся туда помещалась с головою. Что скажешь, красавица?

Кикимора в растерянности на Водяного взглянула.

– Да как же... я же вот... с Воднейшеством живу! – и схватила его под руку корявыми лапами.

– Захочешь уйти, я неволить не буду, – вздыхает Воднейшество.

– Разве мы плохо живем? – Кикимора Водяного по руке поглаживает и в глаза заглядывает.

– Раз ты на молодцев заглядываешься, видать, нехорошо, – снова встрял я. – Но ты, Кикимора, учти. У меня с этим строго. Я тебе не дам спуска в этом вопросе. У меня никаких девиц посторонних, а у тебя никаких молодцев!

– Это самое... – Воднейшество почесал перепончатой пятерней голову. – Я вообще-то, также рассуждаю. Всё одно в реке да болоте ни тебе русалок, ни... – он чуть не отхватил оплеуху, но Кикимора, глядя на меня, вовремя одумалась и снова погладила Воднейшество по руке.

– Так разве же я против такого условия? Просто не оказываешь ты мне должного внимания! А всё больше пьёшь свою бражку, с ним вон, – она опять взглянула на меня и в этот раз взгляд задержала.

– В бочке, значит, жить...

– Ты, Кикимора, послушай и запомни хорошенько, – я подошёл поближе. – Если с Воднейшеством у вас дела будут плохи, если ещё раз он пьяный мне на тебя пожалуется – так я приду и заберу тебя к себе. Знаешь, как мне надоело самому себе обеды готовить, одежду чинить да упырей с места на место переворачивать? Они дюже тяжелые. А тебе чем заниматься? Вот и будет тебе развлечение! Сама знаешь, женщин у нас в округе кроме тебя и нет никого. Так зачем такой прекрасной Кикиморе зазря в болоте пропадать?

– Ой, – зазноба Воднейшества посторонилась, прижимаясь к зелёному боку упомянутого. – Ты, Леший, не горячись так. Хорошо всё у нас. Мало ли чего Воднейшество пьяный болтает!

– Ну смотри, – я покачал головой, отступая. – Тогда плывите себе с миром и живите дружно. А мне глаза не мозолейте, пойду я... горевать в одиночестве.

Я развернулся и направился в лес.

Глава 7. Зазноба что заноза

Идти какое-то время нужно вдоль реки, так что скоро я обернулся на шумный всплеск. Это Водяной нагнал меня и вылез из воды.

– Ты чего это снова от своей Кикиморы убежал? – удивился я. – Вроде всё честь по чести наладили. Побыли бы вы с ней сегодня вдвоем, мне кажется, я её так хорошо напугал, что она будет к тебе даже ласк...

– Леший, я всё понимаю, – перебил меня Воднейшество, ударив лапой в грудь. – Приглянулась тебе моя Кикимора, да и прав ты, единственная одна в округе из нежити женщина... Но ты войди в положение... чувства у меня к ней, – он засмушался, топча по илистому берегу лапой. – Привык как-то, прикипел.

– И головушка твоя прикипела на солнце сегодня или в болоте у Кикиморы так жарко, что ты умом тронулся? – опешил я. – Я же для острастки ей это всё нагородил. Знаю, что женщина она ленивая, работать не любит, да и комфортное болото с грязевыми ваннами на тесную бочку не променяет.

– Бочку, говоришь, – продолжал мямливать Водяной. – Я, смотрю, ты уже и обо всём подумал, создал для неё все условия... И с подогревом, и с охлаждением... Да и... ты вон какой молодой и красивый! То волком перекинешься, то медведем. А я что – или налим, или жаба. Какое тут сравнение,

тьфу! – он сплюнул.

– Я то молодой? – подивился я. – Да мне лет сто как уже.

– А? Бахвалишься ещё? – Воднейшество совсем погрузнел. – Сто лет ему. А ничего что мне все четыреста?

– Я на твою Кикимору не претендую, – сдалась, мне, правда что, такая хитрая зелёная баба. – Будь спокоен и плыви уже к своей зазнобе, пока она ещё дел каких не наворотила, которые нам надо расхлёбывать. Вон утро уже. Времени и так мало.

– Тебе в тёмном лесу какая разница, утро или ночь? – спросил Водяной.

– Есть разница. И мне отдыхать хочется, да и до той самой тёмной чащи ещё добраться надо. Ну, бывай, увидимся, – надоело мне с ним лясы точить, скинул я Воднейшество обратно в реку и пошёл восвояси.

– Э, Лешачество, погоди-ка! – Водяной вылез из реки и быстро пошлёпал за мной, нагоняя.

– Чего? – я обернулся.

– На, возьми, – Воднейшество фляжку мне протягивает.

– Что в ней? Живая вода? – я взял, откупорил, понюхал.

– Не, обижаешь, настойка хитрая, – водяной вздохнул. –

Берег как зеницу ока, но для такого дела...

– Для какого дела? Ты Кикимору у меня на фляжку настойки вымениваешь? – догадался я.

– Очень хитрая вещь, на забродивших ягодах... иноземных, – Воднейшество всё вздыхал да на настойку свою обли-

зывался.

– Взял откуда? Тоже стащил? – я полюбопытствовал.

– Да с чего бы? – Водяной обиделся. – Кум мой заморский подарочек передал.

– Ну раз хитрая вещь, возьму, пожалуй, – согласился я. Чего отказываться? И Воднейшеству будет спокойнее.

– Так это... может, вместе пробу снимем? Заморская вещь... редкая... – Водяной всё переминался с ноги на ногу.

– Нет, пойду я, домой пора, – ответил я и ушёл. Слышал за спиной, как Водяной вздохнул и плюхнулся в воду. А уже под водой точно пробулькал какое ругательство. Сопьётся рыбина недообратившаяся, и меня споит. Покрутил в руках фляжку. Не выбрасывать же? Попробовал. А хитрая штука, хорошая.

Иду себе, никого не трогаю. Устал что-то за сегодня. Упыри ладно, а вот Лешаки ушатали меня знатно. Если ещё нападут, то надо мне лучше подготовиться.

Вдруг кто-то мне на спину прыгает!

– Мяу!

– Чего тебе надо, Баюнка? – кота по морде покорёженной похлопал, хотел скинуть, а он ни в какую.

– Ты, Баюнка, тварь тяжёлая, почто я тебя на себе тащить должен? – у кошки интересуюсь.

– М-м...

– Да не мяукай.

– Я-я-у!

Котяра усами задёргал и когтями начал мне в плечи впиваться.

– Баюнка, так ты что, настойку заморскую унюхал? – я ткнул ему флягой под нос. Послышалось нетерпеливое фырканье.

– Ну держи, попробуй, – я отдал ему фляжку. Кот схватил её железными когтями, принялся горлышко грызть. Грызёт, аж треск стоит.

– Ты посуду мне не порть. Открыть не можешь? Так у тебя же лапки. Давай открою.

Забрал у него фляжку. Открыл, посмотрел на горлышко узкое.

– Ты же и выпить из неё не сможешь, горемычный.

Снял с пояса рожок, налил в него для Баюна настойки, поднёс к усатой морде. Усатая морда жадно залакала. А потом промяукала что-то грустное, но затейное и продолжила лакать ещё.

– Что, Баюнка? Так хорошо, аж плохо? Ты почто мне жизнь спас?

– Мяу.

– Да не выкину я тебя, или ты матерной частушкой мысль не выразишь?

Так он глянул, как будто я его оскорбил только что.

– Ладно, не отвечай. Я пьяный и добрый, и думаю так: тебе, Баюнка, так же как и мне одиноко, вот ты вокруг меня и околачиваешься. Девку тебе найти надо. Или кошку. Но

лучше девку.

– Не мяу-да.

– Чего?

– Мяу...

Показалось, что ли?

– Не надо? Как не надо, они знаешь, как за ушком умеют чесать, ты, скотина усатая, мурчать треснешь!

Баюнка настойку вылакал, снова на спину ко мне залез и на плечах устроился. Пошёл я восвоися.

Шёл, шёл, а до стоянки своей так и не дошёл, где скинул кота-пьяницу, там он лёг и без задних лап задрях. А я хотел в хоромы свои идти подземные. Хорошо у меня там и спокойно. Но не добрался. Далеко ещё. Свалился с ног от усталости. Лёг на землю в траву густую и заснул беспробудным сном.

А на утро чую, лежит на мне кто-то.

– Брысь, – говорю, – Баюнка, нечисть, совсем ошалел!

Гляжу, а Баюн недалече в траве лежит, притаился чего-то и лапой в мою сторону тычет, как будто мне на спину показывает. Глаза кошачьи как две плоски широкие. Чего он углядел-то там?

Ну я пошевелился. И слышу сверху кто-то недовольно вздыхает. А потом обнимает меня крепко и дальше спать. И дыхание у этого кого-то тёплое, и кожа мягкая.

– Ну-ка, кто там такой смелый оказался? Слезь с меня и покажись! – я потребовал. Зашевелился кто-то сверху. По-

тянулся сонно. А потом как вскочит и тонким девичьим голосом запищит:

– Ай! Батюшки! Бревно разговаривает!

Какое я ей бревно?

Глава 8. Знахарка Гостята

С воплями и визгами спрыгнула с меня ночная гостья да прямиком на Баюнку. Баюнка, видимо, такого скорого и неизбежного столкновения с девицей не ожидал, тем паче что не чесать она его за ушком пришла, а свалилась как мешок с шишками сверху.

Тут Баюнку то нервы и подвели!

С одной стороны я его понимаю – у него тоже, небось, похмелье.

Но уж больно ядрёной частушка вышла, как бы жители лесные в обморок не попадали. Так что кинул я в Баюнку тем что под руку попало. Баюнка через девицу прыгнул и был таков.

Много я ему всего сказал вдогонку. И, видать, лишку дал, сильно злобно рычал. Потому как повернулся, а на девице лица нет.

– Хозяин, – говорит, – батюшка, помоги, защити!

Я даже растерялся. Голову почесал. Отвечаю ей.

– Да я и есть Хозяин. И ты это... не верещи так... голова у меня трещит.

Тут девица то в обморок и шмякнулась.

– Ты чего это? – я её поднял, покрутил. Вроде девица как девица. За почти сто лет, что я Леший, на первый взгляд ничего и не изменилось. И косы плетут также, и одёжа похожа.

Что-то раньше девицы от моего вида наземь без чувств не падали. Ишь до чего дожил – сразил наповал. Вот что морда лешачья делает!

– Очнись! – говорю ей, потряс легонько, посадил на пенёк. Подул на лицо ей. Вроде глаза открыла, горемычная. И чуть сразу обратно не в обморок.

– Ну-ка, не смей, – говорю ей. – Раз пришла, рассказывай, кто ты такая и что тебе в моём лесу понадобилось, раз зашла так далеко?

Похлопала она глазёнками, спросила ещё раз, не чудится ли ей. Я ей ещё раз назвался и стал ответа ждать. Тогда девица и рассказала, что звать её Гостятою, что нынче сирота она без отца и матери, и бабка её – знахарка прежняя, уже тоже к предкам ушла, а вот теперь знахоркой вместо неё она, стало быть, Гостята.

– Пришла зачем? – тороплю её. Голова моя болит со страшною силою. Плохую брагу деревенские в реку вылить хотели – ту самую, водяным умыкнутую. Надо бы Воднейшеству их за это пошугать.

Услышал я про мужа её больного. Про то, что жизни никакой нету, свет белый не мил, как он мается, бедненький.

– Что от меня надо, вторую ногу ему сломать? – не в духе я был, признаюсь честно, и завывания девичьи мне не нравились.

– Что ты, батюшка, я же наоборот – вылечить...

– Я уж подумал, может, в лес забрать, чтоб не мучился

больше и тебя не мучил? – зачем девицу изводить стал, и сам не понял, а только желание её меня раздосадовало. Шло оно из сердца, было искреннее, но чуял я и то, что много на том сердце обиды есть и непонимания.

– Меня о таком не просят, – наконец, решил объяснить я. – Если бы тебя зверь обижал, съесть хотел или заплутала бы ты в лесу... а то что там с твоим мужем происходит у вас в селении – в доме твоём – мне знать не надобно и отношения я к этому не имею.

– Так пришла я за папоротниковым цветом! – объясняет мне девица.

– Вчера отцвёл.

Наверное... Нечистая сила его охраняет. Злая она у меня да неразумная. Так – духи блуждающие, кусачие да вопячие. Для меня и какого сильного человека безобидные. А трусливого да слабого, пожалуй, и с ума сведут.

За цветком я вчера не следил – что следить за ним – миг один – раз и нету. Кто бы ещё умел так желание загадывать, чтобы счастливо от него сделалось на душе. А так только воздух сотрясать и красоту момента портить. Красиво цветёт тот цветок. Замирает дух и на сердце щемит горестно – так красиво.

– Батюшка Леший!

– Чего тебе?

– Понимаю я, что тот цвет отцвёл... Да только не хочу я домой с пустыми рученьками возвращаться. Житья мне нет.

Устала я. На два селения одна знахарка, как бабки моей не стало. Извёл меня муженек своими жалобами, а родители его тем паче. Уж тогда лучше ты съешь меня и мои косточки здесь схорони.

А вот тут очень сильно рассердился я!

– С чего мне есть тебя? – рявкнул я зверем диким. И голова моя бедная сразу мне отозвалась. Воднейшество тоже отхватит – и за бражку свою умыкнутую, и за настойку иноземную! Видать взвыл я хорошо, так что девица чуть опять оземь не шмякнулась. Смотрю на неё – худа больно, хоть и жилиста. Чай, не из сахара. А почто же так на жизнь свою жалуется?

– Не люблю я этого, – отвечаю ей. – Ты, гляжу, не помираешь, так зачем собралась кости в землю сложить? Не примет земля таких косточек. Таковую как ты и волки есть не станут – побрезгуют.

– Батюшка Леший, помилуй, за что говоришь так со мной! – глазами хлопает.

– Работать не любишь, мужа не лечишь – хочешь всё даром получить – на чудо надеешься.

– Так то последняя надежда моя!

Я уже повернулся путь держать к себе, сквозь лес бреду, а она рядом бежит, за меня цепляется.

– День светлый и ночь темная свидетели, сколько я работаю! Я рук не покладаю и глаз не смыкаю, пока сами от усталости не слипнутся! Если б был другой выход, не пришла бы

сюда! Но хром мой муж будет всю жизнь и то никак не вылечишь!

– Али хромой будет не люб? – интересно стало мне.

– Люб любым! – говорит сбивчиво. – Так страдает же человек, а мне смотреть сил нет!

– Ладно, пошли в мои хоромы, послужишь мне, – отвечаю ей. – Посмотрим на тебя в деле. Коли по нраву мне будет, как ты поручения все выполнишь, так и быть, помогу тебе в твоей беде. Тогда вознагражу тебя и отпущу домой. И чтоб глаза мои тебя в лесу больше не видели. А если не понравится, как мне послужишь, то долго ещё будешь вспоминать, как тебя в лесу Леший встретил!

Глава 9. Василиса

Отслужила знахарка исправно, помыла полы, обед приготовила, одежду мою вычистила и починила. Вела себя тихо, мне не докучала. По натуре я, хоть и Леший, но добрый. Больше проучать её не стал. Сходил к источнику, хоть он и далече, вернувшись, вручил я девице флягу живой водицы, и флягу мёртвой велел набрать. Объяснил, что с этой водой делать да и отправил девицу восвояси.

И хорошенько напоследок погонял её по лесу, чтобы и дорогу ко мне забыла.

Сделал обход в лесу, всё проверил. До границы дошёл – туда, где меня лешаки приبلудшие беспокоили. Тихо всё. Слилсь с лесом на мгновение, прислушался. Вроде везде порядок. Остался обходом доволен и направился обратно в свои хоромы.

Уже подходил когда, аккурат рядом с бревнышком заметил ступу! Эка невидаль! Подошёл, поднял, покрутил в руках: тяжёлая, вместительная. Баба Яга на такой летает, да только что делать в моём лесу Бабе Яге? У меня тут этих старух хитрых отродясь не водится. Не приживаются они у меня – плохое соседство.

Опять же – проверял же я недавно лес. Тишина была и спокойствие. Непонятно.

Вдруг кто-то из-за спины подходит и мне на глаза ладони

кладёт.

– Угадай, дружок, кто тебе в гости пожаловал? – слышу ласковый женский голосок.

Обернулся, смотрю, стоит, улыбается.

А я взгляд перевожу с неё на ступу и обратно.

– Ты когда, Василиса, успела в Бабки Ёжки записаться? Да и зачем оно тебе надо?

Она только рот свой алый открыла, чтобы что-то ответить, а я на всякий случай поспешил её предупредить.

– Ты учти, мне в моем лесу Баба Яга не нужна. Мест вакантных нету.

– Ты чего это такой неприветливый? – Василиса надулась, поправляя косу. Какая же она Василиса – прекрасная, аль премудрая? Путаю я, и спросить вроде как неудобно...

– Ты как оказалась здесь? Да ещё и на таком аппарате летательном? По воздуху меня не найти.

– Я по реке приплыла, – вздохнула Василиса. – Ступа эта не только воздухоплавающая, но и просто плавающая вполне. А потом уже я по лесочку остороженько долетела. Дорогу то я помню к тебе, милый друг.

– И ни одна пичуга тебя не выдала.

– Видать, и они меня помнят, – она снова томно вздохнула. – Ну или любят сердечно.

Умеет Василиса с животиной контакт налаживать. Не отнять. Как бы не оказаться той животиной.

– Ну так что со ступой? – я вернулся к летательному ап-

парату.

– Прокатить тебя? – предложила Василиса.

– Боюсь, шайка твоя летающая моего веса не выдержит, – так-то, признаться, проверить, как оно летает, хотелось. Да вот только подниматься над лесом сильно далече мне нельзя. Не отпустит меня лес. Я всегда внутри должен быть, в его границах. А по самому лесу на такой штуковине летать – только зверьё напрасно пугать.

– Выдержит, выдержит, – Василиса подошла, приподняла сарафан, чтобы перекинуть в ступу ногу. Облокотилась на меня, чтоб было сподручнее. Забравшись внутрь, поманила меня к себе.

– Ну что, ваше Лесное величество, прокатимся?

– Нет, – я головой покачал рогатой. – С тобой не полечу.

Больно места мало.

Рукою провёл по выструганному дереву. А ведь совсем недавно изготовлено. Свежая эта ступа, недавно пнём была.

– Ну-ка, а тут что? – ладонь моя какие-то символы резные нащупала. Пригляделся, а то кощев знак.

– А что там? – Василиса в лице изменилась, покраснела вся. – Ой, это ерунда какая-то! Это от самой Бабы Яги ступа! Кощей здесь и ни при чём!

– Да мне особо дела нет, даже если б это его ступа была, – признался я. Просто зачем Костейшеству ступа? Он же и так летать умеет. На колеснице своей. – Так ты, стало быть, умыкнула её у Яги.

А у которой Яги? Их же тоже развелось – в каждом лесу по бабке.

– Ничего я ни у кого не умыкнула, – надулась Василиса. – Яга их на поток поставила. Меняет на молодильные яблоки. – Василиса ущипнула себя за румяную щеку. – Её понять можно. Лет как не тысяча женщине. Пытается сохранить красоты остатки. А если от яблок мутить не будет, глядишь, совсем вернёт себе былую молодость. Я то Ягу давно знаю, ох какой она тогда была краси... – Василисушка осеклась на полуслове и мило улыбнулась, смотря в землю и поправляя платье. – Но мне то те яблочки не нужны, – томно вздохнула она. – Я вот и поменяла на средство летательное.

– Василиса, всё спросить хочу. А ты которая из Василис – Прекрасная или Премудрая?

– Ну ты то, Леший, нормальный же мужик! – вдруг всплила она. – Не будь как Кощей, который постоянно своих баб путает!

– Так я же... – я почесал рогатую голову. – Комплимент вроде пытался сделать тебе. Ведь невозможно решить – и прекрасна, и мудра.

Развелось Василис... Как будто имен больше нет?

– Ах, ты в этом смысле, – она снова опустила глазки. – Спасибо на добром слове. Так что же, летать-то будем?

– Обожди, – я ещё по ступе поводил руками, прислушался. Кивнул сам себе. – Смогу сделать себе такую же.

Василиса мне сначала не поверила, но потом спустилась ко мне в мастерскую и старательно наблюдала за процессом. Из пня получилось изготовить такую же почти ступу. Только поболее размером. Ну и роспись по дереву я сделал под себя.

– И как оно полетит? – не верила мне Василиса.

– Я дерево хорошо чувствую, понял как надо делать, чтобы оно полетело, – попробовал объяснить я.

– Это ты ж, выходит, у Яги её молодильные яблоки отнимаешь! – всплеснула руками Василиса.

– А мне-то они зачем?

– Я в том смысле, что не одна Яга, оказывается, умеет ле-

тательные аппараты изготавливать.

Я не так давно вот тоже не умел. Эх, заждались меня в лесу китайском. Встретили бы как родного.

Устроившись каждый в своих ступах, полетали мы с Василисой по лесу. Шороху понаделали, ну хоть зверьё повеселили. И сам я тоже повеселел. Занятная это оказалась вещь летательная.

Вернулись, ступы оставили у порога. Зашли в мой дом подземный. Василиса огляделась.

– Хорошо у тебя, Леший. Спокойно. Лес это тебе не палаты белокаменные. Отдыхаешь тут и душой и телом, – она раскинула руки. – Воздух даже другой. Ой... – она внезапно вся встрепенулась. – Чую, девкой дело пахнет!

– Ты с каких пор человеческий дух чувствуешь? Чай не нечисть, – подивился я. Не так давно Гостята, девица из селения, у меня здесь ночевала. Так она постель всю сменила и в доме прибралась.

– Волос нашла, – Василиса подцепила со стула длинный женский волос. – Богатая коса, – оценила она, скривившись. По одному волосу оценку сделала.

– А вроде убиралась чисто, – только и сказал я.

– Девка из селянок у тебя завелась? Наскучит она тебе, Алёша. Быстро наскучит, – Василиса недовольно покачала головой. А мне странно оказалось, что назвала она меня по имени. Вроде не знала раньше, а теперь откуда-то знает. А она, тем временем, на кровать присела, пояс развязала, косу

начала расплести и мысль свою продолжила. – Вот скажи на милость, о чём ты с ней будешь разговаривать?

– А зачем с вами разговаривать? – я как раз перекидывался в человека, но всё равно успел заметить, как Василисушку скривило от моего “вас”. Сравнял её с девушкой селянкой. Ничего, переживёт.

Утром Василиса, долго и тщательно расчесывала волосы и заплетала при мне косу.

– Хорошо с тобой, Леший, и в лесу хорошо. Только вот надолго если – скучно. Я всё-таки к такому заточению непривычная, – она снова распустила косу, прошла по волосам гребнем и принялась заплетать заново. – А, что ещё хотела спросить, Алешенька, на меня же твои причуды с уборкою и готовкою не распространяются? А то я к такому тоже непривычная. Много у меня всегда было мамушек и нянюшек, да и девок сенных.

– То-то ты сама и косу заплести не умеешь.

– Я б тебя с собой забрала, да ведь нельзя тебе выходить из лесу, – не осталась в долгу Василиса. – Зато как удобно! Всегда знаешь, где тебя искать!

– Иди сюда, помогу, – я поманил её обратно на кровать. Василиса послушалась, повернувшись ко мне спиной, села.

Я не домовый, конечно, но косу ей заплел знатно. Теперь долго не расчесет. Разве что под корень срезать.

Василиса руку за спину завела, косу потрогала. Усмехну-

лась.

– Только девкам моим прислужницам работы добавил. Расчешут, куда же денутся.

– Но и ты наплачешься, пока они космы твои разбирать будут, ты будешь меня вспоминать, – потянув её за косу, я дождался, пока она лицом окажется ко мне. Василиса вскрикнула, закрываясь руками. А потом захохотала.

– Ну и страшная у тебя морда лешачья! Вертай обратно!

– Нет, мне теперь лениво. Любуйся как есть.

Василиса вырвалась, вскочила с кровати, поправила платье.

– Я ещё загляну. Скоро осень багряная. В лесу дюже красиво будет. А потом и пора настанет тихая, снежная. А, может, и вьюжная. Заместо ступы приеду к тебе на санках – будем по буеракам с горок кататься! А! Леший, Лешенька, ну верни личико человеческое, хоть поцелую тебя на прощаньице. Ведёшь ты себя плохо. Надо бы тебе по мне хорошенько соскучиться! Теперь уже не свидимся до зимы!

Стояла она, своей угрозой дюже довольная. Пришлось объяснять ей ещё одни обстоятельства.

– Осенью в лесу работы много, надо к зиме готовиться. Так что хорошо, что не заглянешь – некогда будет мне. А зимой, Василисушка, я в спячку впадаю крепкую. И на того, кто разбудит меня, бываю сильно зол. Поэтому зимой ты в лесу не появляйся. Звери мои голодны, а сам я под землей. И лучше ты, хоть и знаешь ко мне дорожку, сюда не заходи

И до весны меня не буди.

Глава 10. Мара

Постепенно отцвело лето и наступила осень... То, что в селениях вокруг леса что-то изменилось – я сразу понял. Мужики не пришли в лес заготавливать дрова на зиму. Пришли бабы.

И вообще – охотники исчезли, перестали приходить на рыбалку – разве что старики немощные и дети малые. Как один, снялось и ушло куда-то волчье братство.

Что творится и где – мне неведомо. Привязан я к лесу, и хоть то, что у меня делается, знаю хорошо, а что там далее – то только от других узнать могу.

И как назло гостей никаких ко мне не навещало.

Но по слухам лесным ушли мужики рубиться с каким-то пришлым супостатом. С каким? Будь та битва близко, я б о ней наслышан был. Куда-то далече ушли мужики из селений. Оставили дома свои без защиты. Что их так резко подняло, и почему их так долго нет?

А что нет их, я хорошо видел. Насмотрелся за осень, как бабы на себе таскают из леса на дрова бревна.

Чем мог, я подсобил, так, чтобы меня не видно было. Повалил деревья им подходящие, оставил на месте расчищенном. Да поближе к кромке леса.

Смотрел, как женщины на лугу сами заканчивают сенокосы. Тут я разве что лесных духов подговорил поиграть с

ветром, чтобы и до лужков скошенных ветерок добегал, сено сушил, разгонял тучи.

Жалко мне места эти. Не знаю почему. Привстал на одно колено, приложил к земле руку ладонью. Теплая земля, за лето солнцем нагретая. Может, и сам я с этих мест? Жил же я где-то, когда был человеком. Потому, может, болит сердце за эту землю. Хотя какое там сердце? Но что-то внутри гложет, ноет. Болит.

За всю долгую осень подивился и красоте природы нашей – в который раз уже, и дарам лесным. Перед тем, как листва с деревьев опала и землю покрыло снегом, проверил, чтобы всё в лесу было как положено. Ведь в спячку уйду, что медведь. И теперь до весны, когда снег тает и солнце внешнее пригреет, да журчанье ручейков меня разбудит.

Ну или зверь начнет бедокурить и проснусь я.

Птицы перелётные собрались в края теплые, так им я передал наказ, чтобы посмотрели, что вообще вокруг творится, нет ли где битвы какой или опасности. Ответ на мой вопрос принесут они уже к весне. Тех то птах, что летают недалече, я уже давно по округе с этим вопросом прогнал – не видали они ничего. Если что-то и происходит, то пока от нас далече.

Про то, что нет у меня гостей, я не соврал. Но одна всё же заявила. Ещё пока природа красками буйствовала и до снега первого было далеко.

Возвращался я после обхода, и около своего крыльца заметил ступу. Точно такую же, что уже видел.

Снова Василиса пожаловала, значит. Новость меня и не огорчила и не обрадовала. Подумал я примерно так, что сейчас некогда мне развлекать Василису, хоть Премудрой она окажется, хоть Прекрасной – надо бы её как-то выпроводить.

Да вот только голос, что меня окликнул, принадлежал совсем не Василисе.

– Алеша! Жду тебя, жду, а тебя всё нет! Я уже и по лесу погуляла, твои владения посмотрела. Уже скучать начала. Где тебя носит?

И ведь опять ни одна тварь о гостье моей не заикнулась. Словно все языки проглотили или замерли, мёртвыми притворившись.

Оно и неудивительно. Ведь моя гостья – Мара.

Гостья в любом месте, где жизнь течет – нежеланная.

Опять же, зима скоро. Так что Мара, можно сказать, вовремя. Самая пора всему живому затаиться, потому что пришла она. С косой. Но почему-то ещё и на ступе...

– Ты зачем ко мне предвестника посылала, красавица? – спрашиваю со всем почтением, на какое способен, косясь на Мару, а сам ступу её рассматривая. – Печень мою требовала. Где это видано? Я тебе, чай, не Прометей.

– Да и птичка моя далеко не орёл, – Мара подошла ближе.

– Орёл не орёл а нечисть знатная. Крылья одни какого размаха, – я раскинул лапы. – Утащила бы меня в небо и не поморщилась. Чуть голову мне не проклевала.

– Ну прости, Алеша, – Мара приблизилась ещё. – Знаешь же, люблю я действовать с размахом.

– Угробила бы меня ты своими замашками... Тоже у бабы Яги ступу приобрела? – спросил я, меняя тему разговора, рассматривая её средство летательное. И тут снова заметил гравировку Кощееву. Но в случае с Марой не должно быть сильно удивительно. Всё ж таки она Кощейю жена. А вот откуда ступа у Василисы? Решил пока помалкивать.

– А откуда ты знаешь, что от бабы Яги ступа?

Видать, уже попался. Надо бы мох из башки-то вытряхнуть. С Марой шутить нельзя и врать ей тоже не надобно.

– Ну а кто ещё на них летает? – попробовал я выпутаться. – Предположил. Кощей-то, знаю, столярничать не любит. Кощей мне друг, но шкура мне моя дороже.

– Муж подарил, – Мара приосанилась. – А приобретал, кажись, и впрямь у бабы Яги. Даже вон гравировку набил

свою. Я бы свою предпочла, но и так сойдёт.

– Много Яга нынче берёт за такую? – решил спросить. Не то чтобы решил создать столярню конкурирующую.

– Да, считай, целый воз молодильных яблок потребовала, – Мара вздохнула. – И куда ей их столько? Ума не дам! Совсем спятила, старая. Яблочки эти как семечки ест. Хороша, стала, не отнять. Любовь, что ли, какая у неё новая... К тебе не залетала она?

– Баба Яга? Не знаком даже, – тут не соврал. И не стремлюсь к знакомству.

– Из новеньких то у нас ты один считай, – Мара ногтем подбородок поцарапала. – Нежить молодая, неизученная. Остальных-то знаем как облупленных.

– Да и мы с тобой знакомы как под сотню лет.

– Так я не пропускаю новеньких. Все на учёте. Пустишь в дом?

– Пущу, – я дверь открыл, Мару в дом пустил. Ну ладно, я не суеверный.

Глава 11. Жена Кощея

– А муж мой не заглядывал? – прошла, всё осмотрела. Покрутила в руках резные фигурки зверей, мною сделанные. Покачала головой.

– Да я вроде не красна девица, – сказал и прикусил язык. Не то совсем я ляпнул. Не жене Кощеевой такое говорить.

– По красным девицам он большой ходок, что есть, то есть, – Мара на стул присела.

– Давай с такими разговорами к подружкам, не ко мне, – я сел напротив.

– Есть что выпить? – жена кощеева, конечно, внезапная, как... Ну тут понятно и без слов. На то она и Мара.

– Сама ж переживала, что я сопыюсь. Вон намекала мне про печень, – всё не могу забыть пернатую ту тварь.

– Да ладно, не сердись, – Мара вздохнула. – Так есть что или нет? О, что это? Женский волос.

Вот интересно, чей?

– Так это Василисы!

Да как они умеют?!

– Ты как определила? – я спросил.

– Так вижу сразу, – Мара покрутила его в пальцах. Чихнула. И сожгла. В один момент спалила.

– А можешь также все? Только не спали мне дом, – одна беда от этих волосатых девиц. Так вот зачем старательно че-

сала косу Василиса.

– Признаюсь честно, что немного я ревную, – жена кощева царапнула себя по бусам. – Но всё же отлегло от сердца. Уж если Василиса здесь была с тобой, то уж наверное сейчас мой муж не с нею.

Я б не был так уверен. Она мне не жена. А наш Кощей меня ничем не лучше. Запомнить он не может – которая из них какая? И так она ему и скажет, где была. Подумалось про ступу. Такая же ведь точно, как у Мары. Что у него там, отп у бабки Ежки?

– Ты ж женщина, хотя и Мара, пойдём, оценишь, – я потащил её из дома обратно в лес.

– Куда идём, Алешенька? Далече? А долететь не хочешь? Всё-таки смог смолчать про свою ступу. Там слово за слово, увидел, мол, у Васьки, а вот откуда у неё такая? А Маре голову сносить с плечей не обязательно чтоб сразу мужу. Моя будет поближе, хоть я невиноватый.

– Нет, не хочу, да недалече. Вон, до речки.

В реке у нас с Водянычем эксперимент по браге. Мы сделали всё чин по чину, как разумели сами, и флягу ту поставили пока в камыш, чтоб речка остужала. Настаивали, посчитай, всё лето. А чем не повод вот сейчас снять пробу? А то залягу в спячку, Воднейшество всё выжрет в одну харю. Ему во льдах конечно будет скучно. И кто ему что скажет? Ну не ждать же зиму, пока я просплюсь.

– Вообще-то я имела в виду вина какие иноземные... –

Мара морщит носик.

– Ты будешь или нет?

– Алешенька, не знаю.

Наверное ведь не к добру пить с бабой.

– Воднейшество! – я по воде похлопал ладонью. Ко мне присоединилась Мара.

– Алеша, искупаться хочешь? – она попробовала кончиками пальцев воду. – Студеная, как раз по нам.

Так если Мара хоть разочек окунется, Воднейшество уж это не пропустит, примчится сразу. Хотя, не он ли кажет с ряски старой морду? Видать, и отражение прельстило такой красавицы.

– Леший, это что с тобой за дама? – Воднейшество подплыл, вылез на берег. Обтёр лапы об пузо. Мара улыбнулась.

– А кто же этот милый зелёный джентльмен?

– Я Водяной всех здесь речных владений, – Воднейший приосанился. А Мара ручку протянула, щурясь.

– Знакомству рада.

Воднейшество расцеловал ей ручку чуть не до локтя. Мара рассмеялась.

– Желаете ли браги? – спросил наш джентльмен речной, подмигивая глазом.

– Отведаю, пожалуй, – дама согласилась.

Мы сели пьянствовать. Не зная точно, как подействует се пьяное творенье наше с Водяным на нашу уважаемую гостью, вдвоём я их оставлять боялся. Но всё же надо было

сбегать за закуской. Принёс нам яблок и моченых, и диких, кислых – лесных. Мара вся скривилась.

– Да не могу уже я яблоки эти проклятущие есть! – пожаловалась нам красавица гостя.

Я умудрился промолчать, к чему мне знать про возраст. Она красавица с лица, скорей всего и телом тоже, и вообще жена не мне. А даже бы была моей женой – мне не было бы дела, сколько ей лет. Но как-то уберегли же боги – спасибо, умер много позже, чем Кощей. Куда такое счастье?

Воднейшество нажрался.

Не знаю, что мы приготовили за брагу, но даже нечисть с неё может склеить лапы.

Теперь я опасаясь пить. А Маре хоть бы что. Опять же – ну а что ей будет, если она уже?..

– Какой же дивной красоты прелестное творение нас посетило! – выдал Водяной ей. – Какие чудные глаза, какие ножки!

– Тебе башка твоя, смотрю, не дорога, – Воднейшество легонько обнял я за шею, пригибая к себе ближе. – Она жена Кощею.

– Ну и что? Ты думаешь, я побоюсь Кощея!?

Он пьяный вдрабадан.

– Воднейший – если что, то я тебя не знаю, – я посмотрел на Мару. Весела, плутовка. Задумала чего или дурачит нас обоих? А мне опять махаться с её мужем. И снова ни за что. Даже обидно. Было бы за дело.

Пришлось вытаскивать её из цепких лап Воднейшества.

– Тебе вообще по чину положено ли пить? – красавицу закидывая на спину, спросил я.

– Оставь меня, Алеша, я в печали, – сама же лишь устроилась удобнее. – Неси меня в кровать, хочу я сном забыться.

– Хочешь забыться? Забудешься легко. Давай только не у меня в постели.

Но и куда вообще-то мне её тащить? На Водяного никакой надежды. Кикимору не жалко. Но Кощей сравняет лес и реку и всё вокруг с землею из-за Мары. Счастливый брак, это смотрю, вообще не просто.

– И почему ж не у тебя? – вдруг спрашивает Мара. – Ты очень мил мне. Хоть пойму гуляку мужа. Ну чем я хуже?

– Хуже чем Кощей ты точно быть не можешь, – решил приободрить. Хотя когда ты нечисть, тут комплимент сомнителен. Пожалуй, всё зеркально. – Ты хуже во сто крат. Кощею до тебя далече.

– А ты хитёр, Алеша.

– На то я и Леший.

– Ну где ж мне спать прикажешь? – красавица спросила.

Мы дошли, спустил её на землю.

– У меня свободных спальных мест не предусмотрено.

Хотел бы сам я спать в своей постели. Не с Марой же в обнимку? Мне пока дорого что есть во мне живого.

– Скажи, Алёша, неужели я тебе не любя?

– Ты мне подруга.

Она уткнулась носом мне в грудь и рассмеялась.

– За что же мне такой вот честный друг попался? Один разочек захотелось стать гулящей – и то не дали.

– Хорошая ты баба, хоть и жена Кощею.

– Ой ли?

Вокруг слетели листья. Загостилась...

Кощей вот, если явится, костлявый, услышит сразу:

“Жена твоя ко мне пусть больше не приходит,

Я чуть не поседел”.

Иль не выдавать подругу?..

Не помню, как я вытолкал её. Засунул в ступу и отправил восвояси. Мне всё ж таки пора бы в спячку. Землю покрыло снегом. То Мара загостилась.

Выпроводив Осень, пригласила Зиму.

Глава 12. Весна, капель и девичьи слёзы

Спал долго. Сон был тяжёлый. Было беспокойно. И нервничали звери, выли волки. Мне снились сны тревожные. В них лето и девица одна, что было странно. Но толком так не разобрал я, кто это?

Проснулся я под волчий вой. А в лесной чаще темень. Уж думал что зима, и с волка, что посмел будить меня, спущу я волчью шкуру.

Я выбрался. Узнал, что воет Вук.

Присел на брёвнышко, погладил волка морду. Спросил, чего он?

Волк грустит по Родьке. Так, значит, и зима прошла, а Родька не вернулся. А кто-нибудь вернулся? Никого!?

Дела, однако, плохи.

Тогда решил я Вука отправить на разведку. Уж кто-кто, а этот белый волк отыщет Родьку. А с ним и остальных.

Решивши так вот, я с волком попрощался, а самому пора пришла в лесу прибраться. Убрать упавшие от снежной тяжести деревья, ветки, разнять лосей, чтобы друг друга не поубивали. Птиц перелетных встретить. В лесу пока темно и снег, но на опушках, на полянках греет солнце. И кое-где уж оголилася земля. Из недр её по жилам, вверх по древу

бежит сок берёзовый. Жизнь просыпается. И вместе с ней всяческая живность.

И эта живность хочет есть. И Леший, кстати, тоже. Проспал всю зиму. Очень я голодный.

Сначала решил проснуться и привести себя в порядок. Пошёл на речку искупаться. Пришлось ломать лёд. Вымывшись, оделся. Меня в этой воде купание обычно превращает в человека. Ну я пока не против. Пройдусь немного так, пока не занят делом. В обличье Лешего в голове гудит весь лес. А в теле человечьем поспокойнее.

Вернулся на полянку к своему дому. Смотрю, на той полянке Вук. Я подошёл, присел, по морде глажу волка.

– А ты чего здесь, Вук? Ты ж должен уж далёко быть отсюда.

“Привел тебе девицу, тебя искала” – ответил волк на своём языке мне.

– Какую ещё девицу? – не понял я.

“Да вон стоит, подходить боится” – волк мотнул мордою в сторону леса. Там девица, как есть, стояла.

– Ну выходи, коли пришла, – сказал я, поднимаясь. Как же это её волк привёл? Аль понимает она язык лесного зверя?

Через мгновение стало всё понятно.

– Гостиата? А тебе чего? Вылечила мужа?

Она на месте замерла и сдвинуться боится.

– А ты... откуда знаешь моё имя? – прошептала, и ближе

не пошла.

– Да подойди, я не кусаюсь, – я её маню рукою, она ни с места.

– Так ты ж сама назвалась, – напомнил ей я.

– То батюшке Лесному, а тебе нет, – снова шепчет. Тут я понял, что Лешего во мне и не признали. Ведь морда чело-вечья, а рога вот чего-то ни на что не намекают ей?

– Я тоже слышал, – ей пока ответил. Не пошутить ли шу-тку? Но не евши совсем с девицами шутить мне неохота.

– Меня зовут Алёшей, живу здесь же. А ты ж хорошая хозяйка! Подсобишь мне? – и ей показываю на свои хоромы.

Она кивает и подходит ближе.

– Мне к Лешему есть дело.

– Очень срочное?

– Нужна вода целебная...

– Так в прошлый раз же дали.

– Уж кончилась, – потупилась и смотрит в землю.

– Кто-то помирает? – я расстроился, совсем без уважения селяне. Как будто здесь намазано им медом.

– Ракита очень уж болеет после родов. Ей бы немножечко водицы для поправки...

Конечно, жаль её. А воды не жалко. Выдам. Только ж... Жили ж как-то раньше без водицы? Чего-то я с похмелья был сильно добрый. Не надо было мне уваживать Гостяту. Пусть был бы муж хромой. Мне что за дело?

– Как муж твой? Вылечила, начал бегать?

– Так бросил он меня. Едва поправился – сказал, теперь уж он, такой здоровый, найдет другую. Покрасивей и получше. А я жена плохая. Не имею деток, и с лица худая и худая телом.

Гостята как заплачет! Слёзы градом. Вот и капель тебе – омыла обе щеки.

– Да не худая ты... Нормальная девица.

Обычно я куда красноречивей, а тут что-то слова не шли.

Девичьи слёзы – нет страшней напасти. В лесу зверьё раздумает жениться. Даже лоси загрустили. А если лоси загрустили – это плохо. Рога кто будет им ломать? Сам я, что ли?

– Ну полно, не реви, был бы повод, – я подошёл. – Ведь обещалась подсобить мне. По хозяйству... А сама в слёзы?

– Вот только от меня и нужно... что по хозяйству, – слёзы вытирает, а они всё льются. Будут здесь озёра...

– Вот это сильно вряд ли, – тут не верю. Девица-то вполне себе.

– Ты девица красивая, а муж дурак твой, – слёзы её вытер. А дальше... я не то чтоб знаю много способов, как утешают девиц.

Глава 13. В доме женщина

Не знаю, как Гостята умудрилась, но она превратила в еду всё, что нашла на леднике и в погребке. Я даже не подозревал, что из этого можно что-то приготовить. Происходило какое-то колдовство. Меня как на убой кормили. Я даже больше не просил, но и не сопротивлялся.

Она готовила и убиралась в доме. Всё перемыла. Рассказывала про своих соседей. Теперь я знал вообще всё обо всех в её селении. Потом пошло и обсуждение отваров, каких-то снадобий. Сказал ей, что я не болею. Хотя вроде знаю каждую травку, мне ни к чему её предназначение. Ну разве только пахнет если вкусно, тогда другое дело.

Мы спали вместе, просыпались вместе, вместе ели. Оказывается, у Гостяты от холодной воды мёрзнут руки. В моём доме появилась горячая. У меня мало посуды – я ей сделал новую. Баньки у меня нет. Так зачем она Лешему? Даже мысли ни разу не было, что нужна. Твёрдо решил, что как подсохнет немного, буду рубить и ставить баньку. Гостяте негде мыться. Предлагать ей подо льдом в студёной речке купаться я не стал. Гостья моя проверила весь мой нехитрый быт и всё поставила с ног на голову.

– Чудно у тебя, – говорила она, рассматривая, как я живу и обо всём спрашивая. – Очень уж необычный дом. Таких домов и у самых зажиточных селян нету. Хитро так всё

выдуманно и чудно... А откуда такие запасы богатые?

Это она про соль спросила, про заморские пряности, да и про разные овощи. Огородничать я не огородничаю. Кто-то же моё хозяйство ведёт?

– Мокошь заходит, приглядывает, – признался я. – А откуда у неё всё это добро, мне неизвестно. Я ей из дерева что-нибудь делаю, а она снабжает меня провизией.

– Сама Мокошь? – Гостиата удивляется. Качает головой. – Так ты знаешь с Богинею? Или Леший знает? – вдруг спрашивает.

А я всё так и не признался, что я Леший и есть. Боюсь спугнуть её мордой страшною. Так то видела она уже меня, в первый раз ещё, как пришла мужа спасать. Ну пару раз в обморок падала, так это почти все так... И всё же что-то тянул я. Как-то не было обернуться повода.

– Ну и где мне мыться, Лёшенька? – такая она улыбочивая. Когда слёзы в три ручья не льёт.

Кадка показала Гостиате недостаточно прочной, и я посадил девицу в ступу, почти как когда-то Кикиморе обещал. В ступу набрали горячей воды и сидела теперь в этой ступе Гостиата, голову из воды высунувши.

– Ну ты вынырни получше, мне же тебя мыть несподручно, – я водил ей по рукам и шее мочалкой, которую Гостиата сама же и сплела из сухой травы. Травинки царапали гостью распаренную кожу, но девица только довольно ластилась.

– Забирайся ко мне, будет сподручней, – предложила она,

протягивая руки.

– Места вдвоём не хватит, – я стоял рядом. Тогда она выснулась из бочки, обвивая меня руками.

Целовалась Гостята, крепко зажмурившись, прижимаясь ко мне грудью. Её спину и плечи облепили её мокрые длинные волосы. Я перебирал их пальцами. Понюхал. Они ничем не пахли. Как и сама Гостята. Немного той травой, которой мылась. Немного деревом, но больше ничем.

Василиса всегда дурманяще сладко пахла. Чем-то мазала всё тело и волосы. Моя неожиданная гостыя пахла только собой.

– Вытащи меня, Алёша, как бы мне тут не свариться! – рассмеялась Гостята, а глаз не открыла.

– Почему же ты на меня не смотришь? – спрашиваю.

– Я на тебя любовалась всё утро, пока ты спал, и весь день, пока ты в столярне столярничал. А если глаза зажмурить, да ещё и в бочке мокрой сидя, целоваться так сладко!

– Ещё если и не видишь с кем.

– Я же знаю, что с тобой, – она провела по моему лицу пальцами, – я тебя чувствую кожей. – А потом она меня понюхала. – И знаю, как ты пахнешь.

– И чем я пахну?

– Лесом весенним, – ресницы её задрожали, но глаз она не открыла. Лесом, значит. Даже в теле человеческого. Девица попалась с причудами.

– А если посмотреть на меня, что подумаешь? – я держал

её лицо в ладонях, она открыла глаза и сразу на меня уставилась, не смутившись.

– Подумаю, что упала я где-то в чаще лесной и забылась мёртвым сном. И всё это мне снится.

– Так хороший это сон или плохой? – спросил я.

– Хороший сон, – она сильнее прижалась щекой к моей ладони. – Я бы и не просыпалась, как бы не нести Раките водицы целебной. Придётся мне от тебя уйти.

Как хотел сказать ей: “Не уходи”, но ведь и не так далеко живёт она.

– Унеси водицы Раките и возвращайся.

– К тебе вернуться? – она удивилась как будто. – А Леший не прогонит меня?

– С чего бы ему тебя прогонять?

– Разве это не его дом?

Я промолчал, ничего не стал отвечать. Вытащил её из бочки. Успел поцеловать до того как она зажмурится.

Мы не договорили. Голые девицы не особо располагают к долгим разговорам.

– Подушка намокнет, перо в ней испортится, – Гостята перекинула мокрые волосы вперёд, на грудь. – Нехорошо сразу после бани в постель ложиться, не обсохнув. Голову не просушив.

– Вынесем завтра подушки на солнце, они высохнут, – я перетащил её на себя. – Ну или можешь спать так. Тем более,

тебе не привыкать.

– Про что ты? – не поняла она. Я имел в виду первую ночь, когда она на полянке меня за бревно приняла. Но Гостята про то не догадалась.

– Вчера я спала у тебя под боком, рядышком. А зачем рога тебе? – она дотронулась до моих рогов. Я уже и забыл про них.

– Мешают тебе? – спросил. Больше-то меня от человека ничего не отличает. Разве что кость моя толще, вот и рога оттуда идут – чтобы голову защищать. Не от одного топора там на рогах этих зарубины.

– Это из-за того что ты в лесу живёшь? В доме Лешего? Пленник ты его? – начала спрашивать. Пора рассказывать ей всё как есть. Не хочу чтоб одна выдумка на другую наложилась да и покатались как снежный ком. Пока я не врал ей, но и правды не рассказывал. Занятная она больно девица, а меня вдруг стала страшить про себя правда. А если не захочет оставаться Гостята в лесу с нелюдем? Не захочет – так пусть уходит, силой её удержать – зачахнет она. Не будет так больше улыбаться и жмуриться. И ловить пальцами меня в темноте.

– Я здесь... вроде пленника, так и есть, – с этим я согласился. – Нету для меня отсюда выхода. У этого леса я на привязи.

– Неужели Леший такой злой, не отпустит тебя? – испугалась Гостята.

– А зачем тебе, чтобы я был вольный? – решил спросить я. – Я же всегда здесь, не уйду никуда. Чем плохо?

– Человеку лучше среди людей быть, – она погладила меня по шее. Ладонь у неё маленькая, шершавая. Пальцы длинные. – Уйдём со мной?

Я ничего не сказал. Удивился. Или не расслышала она, или не поняла, что мне отсюда ходу нет.

– Я по поверьям людским знаю, что это Леший к лесу своему накрепко привязан, – начала она горячо мне нашептывать. – Но если ты служка его, я попрошу батюшку Лешего тебя отпустить. Если надо, вместо тебя останусь. Буду служить и просить каждый день, чтобы отпустил меня. Он, мне кажется, не злой совсем. Был бы злой, не дал бы мне водицы для женишка моего бывшего. Да и не плохо он со мной обходился. Только дорога обратная испугала меня. Так меня звери гнали и ветви хлестали, что ни жива ни мертва я была от страха, когда из леса выбежала.

Наверное, серчал я, но себе не признавался. Тогда ещё жаль было её отпускать. Что мне её муж. Детей малых у неё нету. Но так она за него просила.

– С собой меня зовёшь, значит? – я устроил свой подбородок у неё на макушке.

– Зову, – она кивнула. – Только избушка у меня больно худая. Не понравится тебе там жить... Всегда я хотела жить в большом доме, – она вздохнула мечтательно. – Быть сама себе хозяйкою, всё обустроить по вкусу своему. Но выпала

мне судьба такая – знахаркой быть и в избушке развалюшке уютиться.

– Или у знахарки не может быть доброго дома? – удивился я.

– Да как-то принято, что знания всегда у одиноких женщин, да у старушек. А кто им будет дом ладить? Помогают, конечно, селяне. Совсем уж не дают моей избушке развалиться. Как они без знахарки-то?

– А рога мои тебя не смущают? Селяне с вилами на меня пойдут, – развлекаюсь я, спрашивая её. Знаю же сам, что никогда я с людьми больше жить не буду.

– Я так разумею, что отвалятся они, как ты из услужения Лешему выйдешь, – она погладила меня по голове.

– Ты, смотрю, уже всё за меня решила, – усмехнулся я, скидывая её себе под бок. Она поворочалась и вернула свою голову мне на грудь.

– А что мне бояться? Ты или прогонишь меня или нет. Или останешься со мной или бросишь меня. Не понимаю я, что у мужчин на уме. Говорите вы ласковые речи, а главных слов не говорите. И муженек мой бывший всплился, конечно, в сердцах сказал, что я нарочно его поздно вылечила, а могла раньше. Бросил он меня и почти сразу ушёл вместе с другими. А так, может, отошёл бы от обиды и вернулся ко мне. Я об этом думала.

– Ты в своём ли уме, женщина? – я её столкнул с себя. – Спать пойдёшь сегодня под порог. С одним мужчиной в по-

стели лежать и про другого говорить.

Я не разозлился на самом деле. Не могу почему-то на неё злиться. Такая она бесхитростная.

– Я тебе рассказываю всё как есть. Чтоб ты всё про меня знал, – она подползла обратно. – Никто больше и не смотрел в мою сторону, кроме муженька моего бывшего. Мельника младший сын он, – зачем-то уточнила она. – Я для их семьи не ровня. Но ты не подумай, что я на богатства их позарилась или хотела в их доме жить. Я как про свои мечты рассказываю, так можно так подумать. Но не потому я. Хотела я всю жизнь с одним мужчиной прожить и верной ему быть. Родить деток. Кроме него у меня никого не было. Вот я и держалась за него. Хотела, чтобы у нас всё по людски было, правильно.

Она хочет детей. От меня никаких детей уже быть не может. Наверно я не знаю, но с чего бы у нежити были живые дети? Отпускать мне придется Гостяту.

– Ну так и если вернется твой муж,пустишь его обратно?

– Нет, не смогу теперь, – она покачала косматой головой. Подсохшие волосы разметались по голым плечам. – Я тебе отдала своё сердце, другого мужчины у меня никогда не будет.

– Сравнила с предыдущим, не в его пользу вышло, – это я зря сказал. Не знаю, чем думал. Но она опять ответила бесхитростно.

– Не в том дело, у тебя доброе сердце.

– Ты обо мне ничего не знаешь.

– Это не правда. Я много чего знаю, – она приподнялась, нависая надо мной. – Ты столярничать любишь, из под твоих рук много красоты выходит. Человек с чёрствым сердцем такую красоту создать не сможет. Руки у тебя умные и дерево ты сердцем чувствуешь.

– И всё?

– А ещё к тебе лесная живность тянется. Это мне особо удивительно, но их ты тоже сердцем чувствуешь.

Видела же она как я волка гладил. Или ещё что-нибудь успела подсмотреть?

– Положено по статусу, – ответил я. – И всё равно ты ничего про меня не знаешь.

– Мы вон сколько уже разговариваем.

– И всё ты про себя рассказываешь.

– А ты меня слушаешь, – она снова устроила голову у меня на груди. – Меня никто никогда особо не слушает. С девушкой одной недавно также, в ночь, разговаривали. А больше и не интересовался мной никогда никто.

Слушать я умею. Только и делаю, что слушаю, что в лесу творится.

– С какой девушкой? – спросил я.

– Так с Радой! Это она меня отправила в лес за водицей для Ракиты. Они с Радой одновременно детей родили, и у Ракиты роды были сложные. Теперь вот надо её на ноги ставить. А мужья так и не вернулись и не знают, что у них детки

родились. Сыновья.

Она опять мечтательно вздохнула и снова я почувствовал укол в груди. С живым человеком ей будет лучше, чем со мной. И умения у неё для людей нужные, а тут, в лесу, они особо без надобности. Что она будет делать здесь – зверьё лечить? Прикапывать вурдалаков? Проверить бы надо, не повставали ли? Завтра пройтись. Хорошо с Гостятой, но я за эти дни из дому не выходил почти.

Рада – та самая девица, на чей зов мы с Водяным снялись Купальской ночью и помчались её жениха из лап Кикиморы вызволять. А потом, почитай, вытащили с того света. И Рада в этом много помогала. Сильная духом девица.

– Когда вернешься и Раду увидишь, чтобы водицу передать, скажи ей, что Леший её видеть хочет.

– Как она придёт к нему, Алёша!? – испугалась Гостята. – У неё дети малые, грудные!

– Двое родилось? – удивился я.

– Один её, второй Ракиты, – пояснила мне знахарка. – А кормит она обоих. Ракита то болеет тяжело.

– Ясно мне. Тебе возвращаться надо, – вздохнул я. – А ты здесь.

– Ну не при смерти она, – начала оправдываться Гостята. – Когда я уходила, ей лучше стало. Несколько капель водицы целебной, что оставалась у меня, подействовали. Пошли со мной! – она схватила меня за руку. – Алёша, пошли! Мне тебе предложить нечего. Кроме избушки у меня ничего нет

Но я буду хорошей женой.

– Зачем мне твоя избушка, я этот дом сам построил, – улыбался я, смешила она меня. Но было и грустно.

– Тогда и ещё лучше сможем построить. Ты столярничать будешь – это очень мастерство хорошее!

Наверное я при жизни был столяром, а может заодно и плотником. Большая у меня страсть ко всему этому.

Но с людьми Лешему не жить на их территории. Я теперь из этого мира, из нежити.

– Я, Гостиата, к людям не пойду, – ответил ей.

– Твёрдо уверен? – она головой покачала. – Поговорим ещё об этом. Давай пока спать.

Глава 14. Гостиата и Кощей

Когда я проснулся, её рядом не было. Я успел почувствовать, как пробежалась по горлу тревога. Но слух у меня хороший – гремят в доме посудой. У печи Гостиата, что-то с утра готовит.

Поднялся с постели, прошёл по дому, увидел там где и ожидал Гостиату. Стояла она у печи, босая, нечесаная, в одной моей рубахе на голое тело. Рубаха ей была большая, много открывала ей шею и грудь, рукава были по локоть закатаны. А волосы распущены, лохматы, за спину перекинuty.

– Ты почто нечесаная у печи стоишь? – рассердился я. – Ты же еду готовишь.

– Ни один волос не упадёт, ты не бойся, – отвечает она звонким колокольчиком. – А если боишься есть что я готовлю, я сама всё съем.

– Нет, я так не согласен, – я подошёл и собрал ей волосы со спины и плеч.

– Ты что ли заплетать меня будешь? – удивилась Гостиата.

– Нет, не буду, – уложил аккуратно её космы обратно. – Посмотрю, как у моей печи Анчутка колдует.

– Кто я? – она рассмеялась. – Дома у себя я сызрани прибранная ходила. И причесанная и с платком, – она запустила пальцы в свои густые волосы. – Да тяжелы у меня косы, тянут голову вниз. Так у меня головушка болела. Только в бане

и отдыхала. И на ночь не расплеталась, уж больно это моему... – договаривать не стала, а я сделал вид, что не заметил. Уткнулся носом ей в шею. В доме было прохладно, а у печи жарко. Нечесаная Анчутка вся разомлела, пока готовила.

– Ты ведовка, вот и тянет тебя ходить простоволосой, – предположил я. Сам уже подумал, что не мне, Лешему, требовать соблюдения людских приличий.

– Никакая я не ведовка, – надулась Гостята. – Знахарка я!

– Ведовка, ведовка, просто про себя не знаешь, – я не мог от неё отлипнуть. Размышлял, что лучше – тащить лохматую Гостятку обратно в постель или дожждаться, пока она закончит с готовкой и меня накормит. Такой бы выбор каждое утро.

Уходить мне надо было на обход. Я уже чуял, что творится что-то в лесу, как не лешаки опять к границе из подлесков подбираются. Надо проверить. Гостяту, значит, тут оставить. Не сбежит она, пока я ей воду не отдал. А у меня и нет её.

– Мне уйти будет нужно, но я быстро вернусь, – говорю ей, наблюдая, как она шустро с посудой на печи управляется.

– Как это уйти? – Гостята пугается. Разворачивается ко мне и хватает за руки. – Меня здесь одну оставишь? А как Леший вернётся, пока тебя нет? А тут я!

– Покорми меня для начала, потом пугайся, – я её к печи обратно поворачиваю. – Заодно схожу к источнику, наберу тебе живой воды.

– Так та водица живой называется!? – догадывается Го-

стятя.

– Она самая эта водица и есть, – не скрываю я. – Один ручей с мертвой водой недалече от дома, ты его видела и к нему за водой ходила. А второй ручей – с живой водой – далеко отсюда. Они из одного места начало берут и есть место, где в озеро смешиваются. Но смешанная вода уже ни на что не годна, так что путать нельзя их.

– Помню, мне Леший так и наказывал: сначала мертвой водой, потом живой, – кивает моя гостья.

– Дождись меня, не уходи никуда, – перебиваю я. – В лесу беспокойно может быть, пережди в доме.

– Хорошо, буду в доме сидеть, – кивает Гостятя.

Поели мы с ней вместе, она пошла посуду прибирать, а я одеваться для обхода. Шкуру вытащил, рассудил, что перекинусь уже когда от дома отойду. А всё же что Гостятя никак мне этот разговор не облегчит, сама не догадается? Как бы то ни было, за водой надо сходить. Достал свой топор, поставил пока у двери. Собираюсь на выход. Гостятя подходит проводить меня.

– Ой, – говорит. – Так это топор Лешего, Батюшки!

– Топор и топор, – отвечаю я. – А ты чего пришла? Со мной идти хочешь?

– А надо, Алеша? – спрашивает. Косу так и не заплела, только в платье своё переделалась.

– А пошли, – отвечаю ей, – пригодишься. Может, драться

придётся.

– Мне драться с кем? – глаза округлила она, ресницами хлопает.

– Нет, топор поддержишь, чтоб я не зарубил кого, – про-
должаю я.

– Топор держать? – переспросила. Подошла к топору, хо-
тела подать одной рукой – не смогла. Взялась двумя руками
– даже с места не сдвинула. Я забрал свой топор сам, усмеха-
юсь ей. – Тяжёлый он, не то что красная девица, ни один че-
ловек его не поднимет. Разве только если богатырь окажется.

– Так ты, Алеша... богатырь, стало быть? – у меня спра-
шивает. А ведь подловила меня. Поняла или нет? Я не че-
ловек просто, я нечисть лесная, сам Леший. Богатырем мне
быть не пристало, силы мои из другого берут исток.

– Мне лес помогает, – отвечаю пока уклончиво. То ли ум-
ная она, что молчит, то ли совсем дура. Иная бы уже догада-
лась. Вернусь и расскажу.

– Осторожен будь, – она привстала на носочки и поцело-
вала меня на прощанье. – И возвращайся быстрее!

Я уже развернулся уходить, как она схватила меня за руку.

– Алёша, а ежели всё-таки Леший первым вернётся, что
мне ему сказать?

Посмотрел в её лицо взволнованное. Не удержался от от-
вета честного, хотя понимал, что не поймет она, а я её толь-
ко напугаю.

– Не переживай так. Он уже всё знает.

Как я и думал, повставали вурдалаки. Пришлось с ними рубиться, а возиться потом с костями их вдвое дольше. Много где ещё снег лежит шапками, не в сугробы же мне вурдалаков прикапывать? Умаялся, пока сложил их как положено, добрался до источника, набрал воды. Думал сам выпить, но негоже живой водицы пробовать вперёд мёртвой. А мне надобно сначала в мёртвом источнике окунуться, чтобы раны на теле зажили. Напал на меня таки помимо упырей обычных ещё один лешак. Но хоть не тот самый, с которым брагу на Купалу пили. Другой какой-то. Больно злой да обидчивый. Порезал мне бочину, но и сам лёг. С концами в землю. То есть, в сугробец пока, а там видно будет. Не принимает их земля.

Возвращаюсь к себе. Всё чин по чину, до дома не дошёл, в человека обратно перекинулся. Оно бы и заявиться сразу так – да больно я страшен. Весь оборван, морда в крови, рог один мне сшибли, нету. Изнежился за пару дней сытых и сладких, обвыкся в теле человечьем, со звериным быстро не совладал, дал порезать себя.

Шёл я обратно, на себя сердясь, а всё же пока что всё закончилось для меня благополучно.

Дошёл до хором своих лесных, а там на полянке перед домом, на бревнышке, Гостиата сидит, на солнышке греется, а в ногах её кот Баюн. И мурчит так, шерстяная кабаняка, что по всему лесу шум стоит, деревья качаются. Сморит деви-

цу, упадёт же в сон. А чего это его так расплющило? Морда довольная, во все стороны усы. Вон оно что! Гостиата его за ушами чешет и по спинке гладит.

– Нечисть ты блохастая, – я из лесу вышел, – найди себе свою девицу, к моей не лезь. Запустил в него сучком, под руку подвернувшимся. Баюнка только “Мяу” своё недовольное промурчал, а с места не сдвинулся.

– Алёшенька, ты почто котика обижаешь? – надулась Гостиата. – Хороший такой котик!

И что, не смутило её ни разу, что котик этот размером с телёнка?

– Молочка бы котику налить, – Гостиата всё его по морде гладит.

– Вон лужа весенней водицы натаяла, пусть пьёт, – махнул рукой я. – Ты как тут?

– Хорошо, – она потянулась. – Приготовила обед к твоему возвращению, подушки вон, вынесла сушиться. Встретила котика. Вот сижу, песни его слушаю.

– Он тебе частушки пел? – напрягся я. Котику то уши пора пооткручивать.

– А он умеет? – удивилась Гостиата.

Не стал выдавать свой талант сразу нечисть блохастая. Ну да и шут с ним. Что мне там про обед-то сказали? Готов мне обед?

– Алёшенька, а что с тобой?

Рассмотрела меня внимательно.

Хуже нет напасти заботящейся бабы.

Особенно если она знахарка.

Побежала Гостята варить мне какую-то мазь и отвары лечебные. Велела раздеться, промыла раны. Заставила сидеть и не двигаться. Я сидел и терпел. Толку от её заботы никакого – мне бы в мёртвый источник прыгнуть один раз и всё само затянется. Но Гостяте невдомёк, что лечить меня не обязательно.

– Гостятушка, я тебе про мёртвую воду зачем рассказывал? – наконец, я не выдержал, когда она какой-то дрянью щиплющей начала мне раны обкладывать.

– Не хочу злоупотреблять, Алёшенька, – девушка головой только встряхнула и своё дело продолжила. – Всё ж таки лечение ваше лесное мне непонятное. А если вода эта мёртвая постепенно убьёт всё человеческое?

– Да она просто мясо сращивает, – попробовал настоять на своём. А сам смотрю, что небо потемнело вдруг и ветер усилился. Шум какой-то, гул по лесу идёт. Будто кость гремит и железный доспех.

– Гостятушка, давай ты потом меня долечишь? – ссадил её с колена своего. Подтолкнул к крыльцу. – Иди-ка в дом.

– А что такое, Алёшенька? Погода, кажется, портится? Серчает Стрибог?

– Ни при чём он, – говорю ей, шкуры свои натягивая.

– Ой, а это, кажется, мой стежок? – она руку к рубахе прикладывает. – Думала, Лешего чинила одёжу, а это твоя, ста-

ло быть?

– В дом иди, – опять её толкнул. И успел едва. С неба громыхнуло. И свалилась сверху нечисть костлявая.

Первый удар отбил топором. Сверху пришлось. Закрыв голову. И второй отбил, но не совсем успел. Рог мне сшибло последний, что целый был. Третьим ударом в землю вошёл. Ну хоть не достал меня Костейшество. Надо бы отвечать, а то порубит ведь.

Так мы и дрались, пока я не понял, что уже в звериный вид перекинулся.

– Что забыла гнилая груда костей в лесу моём? – у Ко-

стейшества спрашиваю.

– Ты еще поговори мне, Лесная труха! Где жена моя? У тебя сидит? – Кощей знай мечами размахивает.

– Ты мне лес попортишь, костлявая тварь, – отвечаю, злой уже сам как есть. Кощей-то, к тому же, горит огнем, как бы на лес не перекинулось.

– Мара где? У тебя? Выходит пусть! Я обоих убью на полянке здесь, – наступает костлявая нечисть, глаза крутятся, желваки ходуном, а суставы скрипят устрашающе. Тысяча лет, как не больше ему, как бы не развалился Кощейшество.

– Есть у меня средство верное, тебе для костей подходящее, – подхватил я горшочек с мазями и об рожу разбил Кошееву.

Костяному, видать, не понравилось.

– Погоди, тут ещё отвары есть, – вдогонку разбил бадью с варевом, которым Гостиата мыла меня. Зря Гостиата, что ли, старалась? Хоть послужит для дела взвар щиплющий.

– Да ты страх потерял, Леснейшество, – Кощей глаза вытер, замер вдруг. А я не успел, я как раз в него ступой запустил, той самой, в которой Гостиата купалась. Вытащил я её с утра на солнце, чтобы высохла. Может, полетать ещё придётся. Не среагировал Кощей, ступа аккурат накрыла его голову. Попробовал он сломать средство летательное изнутри, но не вышло. А я, повернув топор плашмя, забил её в землю, вместе с Кощейшеством.

– Мудрёно дерёшься, Алёша, – раздалось из-под земли. Я

на ступу сверху сел.

– Пока ещё мхом не порос, как вы, нечисть древняя, – сижу на ступе, с Кощеём разговариваю, а сам на Гостяту смотрю. Не ушла она в дом, осталась на пороге. Вжалась в дверь и стоит вся ни живая, ни мертвая. Побелела лицом, губы бледные. Не ожидала увидеть Костейшество? Или на меня любитесь?

– Понимаешь ты, Алёша, что не будь ты мне друг, я б убил тебя? – спрашивают из-под земли.

– Косточкам как твоим в земельке лежится? – спрашиваю в ответ. – Не принимает Мать Сыра Земля, плохо там тебе?

– Нечисть ты окаянная, жену мою не видел, спрашиваю? Или разговаривать разучился, не понял мой вопрос? – земля разлетелась вверх и в стороны, вылез Кощей перед ступой. И тут тоже Гостяту заметил.

– О, так ты тут с девицей! – он вылез, отряхнулся, пригляделся к ней. – Не пойму никак. Селянка, что ли?

– Тебе какое дело? – спрашиваю. – Мары тут нет.

– А была? – Кощей ко мне поворачивается.

– Была ещё по осени, – признался я таки. – Тогда же и улетела.

– А Василиса была у тебя? – внезапно Кощей ещё спросил.

И я тоже мховая бестолочь, при Гостяте уточнить решил.

– А которая?

– Ну... такая... с косою, красивая, – Кощей на морду показывает.

– А побольше подробностей нет у тебя? Они все нынче с косами и ничего с лица.

– Ну я сколько раз говорил тебе – если Василиса, любая – гони взашей!

– Ты про Варвару так говорил!

– Да не один ли бес.

– Ты бы хоть подарки разные дарил. Они же встретятся. Сравнят ступы-то.

– Да Яга красна девица стала, попутала, бери, говорит, сразу несколько, всё равно же тебе пригодится небось!

– Пригодились?

– Ну что ты начинаешь, Алёшенька!

– А это ты, нечисть костлявая, всем в округе девицам разболтал, что меня Алёшей зовут?

– Я стесняюсь спросить, Алёшенька, откуда тебе ведомо, что ведомо то всем девицам?

– Я не виноват, они сами летят, я, если что, к лесу привязанный.

Так мы с Костяным препираемся. Он вылез весь, землю отряхивает. А Гостиата тихонько по двери вниз. Кощей первым заметил и мне тычет в бок.

– А там твоей девице не худо ли?

– Гостиата! – я окликаю её. Она молчит.

– Вареву то щипучее, которым ты в морду мне плеснул, она варила? – Кощей спросил.

– Она, она, – отвечаю я.

– Колдовка, что ль, чуть я не издох, – Кощей мне на лекарку жалуется. Да я тоже, так то, не пойми как цел, ведь лечила меня, припаривала.

– Не колдовка я, – прошептала всё же. От двери отлипла, а ноги не держат.

– Я пойду, – говорит, – и тихонько в лес.

– Гостиата, – опять я кличу её. Не надо было речей про девок. Да вроде она не слушала. Наверное насмотрелась на нас. Морды у нас больно страшные. Что я зверь лесной, что Кощей – одна кость. Кости, череп, плащ и глаза горящие. Тут любой станет дурно – на нас глазеть. Как бы не свалилась здесь замертво.

– Я это, Гостиата, – я к ней подхожу и ей говорю, – ты не бойся меня. Я не обижу тебя.

Она нас с Костлявым обходит стороной. Вопрос задает:

– Шутил так со мной Хозяин Лесной?

«НЕ БУДИ ЛЕШЕГО».
Ю. КИТОН

Это она у меня, стало быть, спрашивает?

– Всё это был морок? – ещё вопрос. Я на морок похож?

Я же здесь стою.

– Ты куда собралась?

Видать грубый и злой мой голос лесной. Гостиата трясётся от страха. Вспомнил, когда за мужа просила, бежала следом, за лапы хватала. И страха никакого не было. Прокричалась после обморока и больше ведь не боялась меня. А тут опять.

– Ты если уходишь, водицу возьми. Помнишь ещё, приходила зачем? – отдал две фляги ей. – Вот тебе две, одну для Рады, вторая тебе. Ну и попросту не растрачивай, если в лес не захочешь опять на поклон.

Она воду взяла, прижала к груди. Смотрит на меня, будто не может узнать.

– Злые шутки ты шутишь, Хозяин Леса. А я такая глупая, наверно было смешно.

– Кто у вас в селении главный сейчас? – её не слушаю.

– Так наверное Рада, – слышу ответ.

– Скажи тогда Раде, что жду её. Только передай обязательно!

– Рада с детьми малыми, какой за ней долг? Или мало я отслужила тебе? – Гостята смотрит в упор на меня. – Если мало, то я послужу ещё. Но Раду не неволь, она людям нужна. И детям своим. И муж у неё.

– Так это служба была? За фляжку воды? – как-то всё не так оборачивается. Не могла она знать, что Леший я. Или что же, всё же догадывалась?

– Отпускаешь иль нет? – снова смотрит пристально. – Меня люди ждут. Ракиту надо лечить. Да хворых полно в селении.

– Раде всё равно передай. Мне надо видеть её. Зачем – то тебя не касается.

Сказал и махнул ей в лес, расступились кусты, деревья подняли ветви свои. Дорожка ей показалась.

– Зверье тебя проводит. Будет тебя гнать, но кусать не будет, не бойся их. Сама дорогу ты не найдешь, так что не хочешь сгинуть, не уходи с тропы.

Напоследок дал ей указания и молча ждал, когда девица уйдет.

Она прямо стояла, не кланялась. Костейшество у дома топтался, ждал. Какой-то есть разговор, видать. У меня к нему тоже, впрочем, есть.

– Пойдем, провожу чуток, – Гостяте сказал и сам толкнул её в лес и за ней пошёл.

– Леший, надолго ты? – спросил Кощей.

– Сейчас вернусь, – ответил ему.

Прошли мы немного по лесу. Остановил Гостяту, привлёк к себе. Присел на поваленное дерево и девицу посадил на колени. Обнял её осторожно, чтобы не раздавить. Голову ниже к ней наклонил, услышал, как сердце её быстро стучит. Быстрее пожалуй, чем заячье.

– Так сильно ты боишься меня?

– Помилуй, ты же не человек.

Ответила она шепотом. Отстранил её, заглянул в лицо. На лице нет и кровинки, белое.

– Гостяте, водицы из фляги хлебни, – забрал у неё фляжку, открыл, поднёс к её губам. – Пей, – говорю, – немедленно.

– Не буду пить, – головой крутит, – это для людей из селения. Для Ракиты это.

– Ты сама упадёшь, того гляди, я сказал тебе: пей, или

напою сам.

Она маленький глоток сделала. Фляжка чуть не упала на землю. Поймал, закрыл, вложил девице в руки.

– Не шутил я с тобой, хотя, по первости, признаюсь, была такая мысль. А потом как-то всё затянулось у нас. Я такой страшный зверь лесной, и буду таким. Так уже суждено, и не колдовство это, не чары. Это просто стал я Лешим в этом лесу и теперь уже и буду им. Буду всегда здесь и всегда таким. И нечисть я окаянная. И к людям мне хода назад нет, и детей от нечисти не может быть. Мужа из меня не получится. Оставаться со мной – свою жизнь сгубить. Но захочешь сгубить – я буду ждать тебя здесь.

Последнее наверное зря сказал, зато высказал ей всё как есть. Только слышала она меня или нет? Какая-то сама не своя она.

Фляги я привязал за пояс девице. Позвал Вука, он сразу пришел. Будто около дома моего службу несет. Тоже новость, должно быть, у него ко мне. Да я уже знаю все новости. И птицы вернулись, рассказали мне, и звери лесные нащёптывают. Совсем не вовремя любовь крутить вздумалось дураку Лешему.

Посадил Гостяту на волка и отправил в путь. Вуку наказал проводить до селения, где Рада живет, а потом не бросить и проследить, чтоб Гостята к себе домой дошла.

На том и простились. Точнее, я простился, Гостята ни слова не сказала мне. Так и сидела с глазами невидящими. И то

ли слёзы в них стояли, то ли какая печаль. Ничего, от воды живой оклемается. Скоро уже подействует.

А позже от Рады узнаю я, что Гостята наказ мой не передала.

Баюнка тоже расстроился.

Глава 15. Нечистое братство

– Давай так: ты с этого края заходишь, я с этого, сюда Горяна пускаем!

– Куда меня пускаем?

– Да вот сюда, сверху!

– А я не согласен! – Горыныч хлопнул по столу ладонью, аккуратно по тому месту на карте, куда Кощей собирался его запустить.

– Ты меня хочешь в эту яму бросить? Ну приземлюсь я, дальше что – окажусь в окружении, и меня числом завалят, как тушу с мясом. На земле я не шибко маневренный.

– Человеком перекинешься и раз, раз! – Воднейшетво размахался воображаемым мечом.

– Ещё хуже, толку с меня в теле человеческого, – Горян махнул рукой. – Другое предложение: кидаем туда Кощей.

– Зачем меня, меня не надо – я с тыла зайду. Это я умею, – Кощей потёр руки, – а сверху жену мою надо запустить – Мару! Бац – и туда её! Хотя бы с того же Горяна сбросить. В полёте.

– В пике, – подсказал я.

– Ну да, – согласился Кощей, Горян смотрел с подозрением.

– Горянка, смотри, летишь, значит, и сначала огнём всё! – Кощей развел руками над картой. – А я с этого краю – тоже

огнем, но по земле пушу.

– А дальше что?

– А дальше ты не приземляйся! Ты Мару скидывай и лети оттуда. Уматывай!

– Если ты туда Мару сбросишь – хана всем. Сразу.

– Выжжем же всё. Леса не будет, – встрял я.

– Тебе чем этот лес сдался? Он даже не твой, – Кощей обиделся.

– Когда мы его займем – будет мой, – сопротивлялся их плану я. – А ежели так, это ты по мне будешь огонь пускать!

– Ну ты так быстро не прикипай к новому месту, Леснейшество! Мы его по большому счёту у другого Лешего отжимаем, чтобы территорию расширить и тебя с собой взять.

– Что меня с собою далеко брать? Нечисть иноземная сама к нам идёт.

– Все селения тогда лесом надо окружить – будет тогда твоя территория. Попадут под защиту. Сделаешь в одну ночь? – Кощей, стратег наш, на меня смотрит.

– Сделаю, – я работу прикидываю. – Не сделать, выходит, не могу.

– А мы там ловушек наставим ещё, – включается Горян. – Вон, зря у нас Кощей колдун? Пусть наколдует!

– Так жену мою берём или нет? Вопрос принципиальный, – Кощей снова голос подал. – Если не её, то кого нам сверху скидывать? Лешего нельзя, его от леса не оторвёшь. От Водяного в небе толку мало.

– Я пожары буду тушить, которые от вас останутся, – подал голос Воднейшество. – Подниму воду.

– Ты это, знаешь лучше чего, – Горян пододвинулся к Водяному, – ты лучше реки так направь, чтобы путь вражине преградить!

– Дак... а людишки что подумают? – почесал голову Воднейшество.

– А нам дело есть, чего они решат?

– Решат, боги бунтуют, а это просто нечисть силой мерится. Кстати, богов звать будем?

– Ну их.

– Ну их!

– Ну их на их...

– Ясно, мне, не зовём, глупость, братцы, сказал, – Горян извинился.

Тут двери распахнулись, и вошла она, не богиня, но кто ж посмеет в красоте её божественной усомниться? Она того сразу и заберёт с собой.

– Мальчики, а вы что здесь все собрались?

– Приветствую, Мара! – это я.

– Почтение моё! – это Водяной.

– Неужели глаза мои видят такую красоту воочию? – это, конечно, Горян.

– Алёшенька, а что это у тебя столько народу собралось? – это жена чужая ко мне подозрительно ласково.

– Совещание у нас, Мара.

– А я, что же, детский плач слышу? – прислушалась она.

– Это у Алёши нашего девица завелась, – объяснил Горян.

– Как так? – Мара брови вскинула.

– Алешенька, как хочешь, а армию соседа Лешего надо себе присваивать, – Горыныч снова ко мне развернулся. – Делай что угодно, но чтоб к началу битвы все Лешаки под твоим началом были!

– Это те Лешаки, с которыми я как несколько лет рублюсь? – не верю я, что пойдут ко мне.

– Они самые, Алёшенька! Тянуть больше нечего, надо чтоб были твои.

– Да кто та девица? – Мара о себе напомнила. – Чуть-чуть нашего Алёшеньку соблазнить не успела я, – и взгляд свой с поволокой на меня перевела. – Теперь, Лешенька, стало быть, твоё сердце занято?

– А ничего, что я, муж твой законный, тут же сижу? – вскипел Кощей.

– О! муж! Приветствую, тебя я сразу не заметила.

– Мара, душенька моя ненаглядная! Предложение к тебе есть интересное! – Горян внимание на себя переключил.

– Какое, Горянушка?

– Как ты на то смотришь, чтоб сбросить тебя в яму огненную к вурдалакам поганым да нечисти разной, да к иноземным харям и марям и их полубожкам кровожадным?

Она подбородок потёрла, подумала. Кивнула Горынычу.

– Предложение мне твоё нравится!

– Ты косу взяла?

– Всегда я с косой. А вот доспех бы мне прихватить.

– Только не как обычно, – муж её снова голос подал. –

Вернуться надо к самой жаре.

– Такое веселье не пропущу. А тебе б головы не сносить, если б меня не позвал.

– Поцеловать тебя можно на прощанье, красавица? – Горян к Маре подошёл и в руки её ручки взял.

– А поцелуй, Горянушка!

– А ничего что муж здесь? – Кощей всё не унимается.

– Ах да, тут же муж, – Мара усмехается. – Ну Горянушке то можно?

Она вытянула губы, поцеловав рядом с губами Горяна воздух, улыбнулась и отошла.

– Не начинайте без меня, мальчики, я за доспехом и сразу обратно. Ступу брать?

– Бери, на ней тебя и запустим.

– Лешеньку могу взять с собой в подмогу? Доспехи тяжёлые, как красной девице их таскать?

– Лешенька к лесу привязан, не может помочь, – Кощей напомнил.

– Ты, Кощейка, ни себе, ни людям.

– Зря я на ней женился, что ли?

Мара сделала вид, что не слушает.

– Ой, жалко.. Ну сама принесу!

– Так я могу помочь! – Воднейшество встал. И так на него

Кощей посмотрел, что Водяной быстро назад на стул свалился. – С другой стороны, спина у меня! Староват я уже доспехи таскать за красными девицами!

Мара ушла, мы вернулись к обсуждению.

– Так я что говорю, я захожу с этой стороны и огнём их, нечисть поганую, огнём!

Кощей разошёлся.

– Они нечисть поганая, а мы тогда кто? – Горян вопрос задает, посмеиваясь.

– А мы нечисть их во сто крат поганее, не мешай их и нас!

– Хорошо, Кощеюшка, как скажешь. Чай я не жена твоя, перечить тебе не буду.

Откуда они все взялись в моем доме и с чего всё началось?

А дело было так...

Глава 16. Кощей

Гостята ушла, я остался в доме с Кощеем. Первым делом, зайдя, он спросил:

– Чем это так вкусно пахнет? Никак снедью!

Я ещё сам не был в доме, поэтому тоже удивился. Не при-
вык ещё, и хорошо. А то пришлось бы отвыкать.

– Селянка приготовила, которая только что ушла, – объ-
яснил я. – Обедать будешь?

– Не откажусь, – Кошей прошёл в дом.

– Ты, Кошейка, пламя своё потуши, – я похлопал его ла-
пами по плечам. – Спалишь мне всё.

– Только перекидываться не заставляй, лениво мне.

– И сам не буду, и тебя не заставлю.

Однако оказалось, что звериными руками мохнатыми да
с когтями длинными неудобно эту хитрую снедь из котелка
доставать да по тарелкам раскладывать.

– Наверное, Кощей, я перекинусь всё же, – я начал шкуру
стаскивать.

– А ты что делаешь, друг Алёшенька? – Кошей только что
сидел, сияя гладким черепом, а вот он уже облик принял че-
ловеческий.

– Ты это как так быстро? – я его спросил, за стол приса-
живаясь.

– А я и вижу, что ты до сих пор так не умеешь, – Кошей

меня по плечу похлопал. – Ты для обращения что делаешь?

– Снимаю шкуру или надеваю. Или переодеваю на другую сторону.

– Это если в зверя? В волка там или в медведя? Или в кого-ты там перекидываешься?

– И в зверя, и в Лешего. В зверя лучше со шкурой, в Лешего и так выйдет, если что-то переодеть с руки на руку или с правильной стороны наизнанку.

– А вот когда я напал на тебя не так давно – летел сверху, ты удар принял в теле человечесем.

– Ну так и что?

– Так я тебя убить мог. Негоже так. Надо ещё до удара перекинуться.

– Я позже перекинулся.

– Переодевал чего?

– Да нет.

– Вот и я не заметил, – он постучал себя кулаком по макушке. – Это всё в голове, Алёша. Всё в голове. Ты ещё только подумал, а уже раз – и принял форму нужную. Это должно от осознания идти, а не от какого-то действия.

– Мы, нечисть лесная, вообще-то сильно к ритуалам привязаны, – не согласился я. – Например мне надо что-то наизнанку надеть, а то покоя мне не будет. Или за помощь свою службу стребовать, должок взять – тоже обязательно.

– Надо учиться одной мыслью облик менять. Раз – и я Кощей, – он как сидел за столом, держал в руке ложку, так и

на том же месте остался сидеть – только уже тварью горящей, из костей одних состоящей.

– Говорю же, дом мне не спали, – я снова сбил с его плечей пламя. Кощей тут же стал человеком.

– Быстро, – оценил я.

– И ты так можешь. Ну-ка, если проще тебе, попробуй плечами вперед повести, одновременно то, что надо, в голове держи, – Кощей прикоснулся к своей голове, показывая. – Ты попробуй, а я пока поем.

Я только действительно собрался попробовать, как услышал:

– Ох ты ж, жена моя, Мара!

– Что жена твоя Мара? – не понял я.

– Никогда не умела так готовить, и уже не научится, – Кощей принялся уминать щи за обе щеки. – Это кто тебе такие яства тут оставил? Мокошь? А ты скажи, она как с лица? Ничего? – он кидал в рот пирожки румяные, второю рукою загребая ложкой из чашки.

– Кощей, ты ж вроде царь, – напомнил я. – А ешь как голодная собака.

– А ты попробуй сначала, потом насмехайся, – Кощей уже перешёл на слобу. Я решил, что если буду ещё мешкать, еда, приготовленная для меня, вся достанется Костлявому.

– Голод на тебе, что ли, какой наложен, – я попробовал щи. Хороши, ничего не скажешь. И пироги хороши, и раз-

носолы любовно так разложены. Любовно... Слово то какое подобрал.

– Так кто тебя так уважил? – спросил Кощей, вытирая руки.

– Так ты же видел её, – напомнил я.

– Женись на ней, – не раздумывая, выдал Кощей. – Послушай меня, я дело говорю.

– Все женатые говорят жениться, – припомнил я. – А только что-то вы потом все налево ходите, а я никому не принадлежу. Чем плохо?

– Если она так готовит, то все эти разговоры ни к чему, Алёша. Послушай Кощея, который сколько веков в браке.

– Так ты всё это время на одной Маре женат.

– Ну и что... Это не значит, что я в вопросе ничего не смыслю. Как ты говоришь, звать её?

– А я ничего такого и не говорил.

– Эх ты, не поймал, – Кощей оглядел стол. – А ещё что-нибудь есть?

– Да, там полная печь всякого.

– Так неси на стол.

– А ты не лопнешь, Кощеюшка?

– Ты за это не беспокойся, знай, накладывай. Так что за девица? Ответишь мне?

– А если не отвечу? – спрашиваю, ставя на стол для Кощея добавки.

– Тогда сам узнаю, я же колдун.

– Тебе зачем она?

– Если ты жениться не собираешься, я её себе заберу. За-
чем такой девице пропадать?

– Так ты же женат, Кощеюшка.

– Ну и что? – Кощей на меня взглянул, как на маленько-
го. – Откуда девицам про то знать?

– А не ведают они, что Кощей женат?

– Не ведают часто даже, что я Кощей, – Кощеество посме-
ивается. – Смотрят, каков я добрый молодец, да ещё колдун.

– Скотина ты.

– Что ты, Лешенька, ко мне так грубо? – Кощей обидеться
обиделся, а есть не перестал.

– Пойдем, Кощейка, лучше порубим Лешаков со мной.
Совсем они страх потеряли, лезут и лезут.

– Так пойдем, чего бы не пойти. Только не после обеда.
Давай вечером?

– Да хоть бы утром можно. Вообще без разницы. Сегодня
я уже гонял их, вот перед тобой как раз. Тоже поди по кустам
сидят, раны зализывают.

– Пошли с утра. Ещё там что-нибудь покушать пригото-
влено?

– Да ты всё съел, Кощей. Ну на утро хватит, может быть.

– Тогда я у тебя пока живу, ну хоть бы до утра.

– И где мне тебя спать укладывать?

– Нету места спального? – Кощей задумался. – Я себе при-
стройку сделаю. Наколдую, не переживай.

– Так ты же в склепе спишь, зачем мне в доме склеп?

– В нормальной, Лешенька, я сплю комнате. И даже на кровати. Ну... иногда в гробу. Но это так, по настроению. Вот если с Марой спать не хочется – так сразу в гроб, и крышечкой закрылся и под кровать. Кра-со-та!

– Мне, холостому, не понять.

– Ну так я делаю?

– У меня всё в доме настоящее.

– Ну и я тоже не буду спать же в мороке. Всё будет настоящее. Хочешь флигель белокаменный?

– Давай и обычную пристройку. Снесу, как не понравится.

– Ну всё, вопрос решён. А девка-то откуда та? Как звать? Ты так и не ответил.

– И не отвечу.

– Ой, да тоже мне, нашлись мне трудности, – Кощей взял из под сдобы чашку, смахнул крошки, налил в неё воды, на меня с неё брызнул, потом по краю чашки начал водить пальцем.

– Что-то не разглядеть, вроде не страшная и не старуха. Хотя по мне так простовата... Так... звать Гостятой.

– Ты что творишь? – я попробовал забрать у него чашку.

– И очень крепко у Алёшки сидит в сердце. Что та заноза.

– Да когда б она успела? – я не поверил. – Гостила пару дней. И вот, ушла.

– Запала крепко, – повторил Кощей. – Тут даже и не знаю,

как подступиться. Разве что утешить, раз один дурень Леший её бросил. Девуцу с такими золотыми ручками. А тебе, смотрю я, плохо?

– Я не бросал её. Она сама ушла. Она ведовка, – я вспомнил лохматую Гостяту. Как она стояла рядом с печкой. Пол дня ж готовила, что мы здесь смели в миг. – Меня приворожили?

– О чём ты, Лешенька? – Костяной усмехнулся. – Как можно, чтобы нечисть?

И всё-таки внимательно он глянул и в блюдо, и на меня.

– Кажись, пропал ты, Леший. Что, очень плохо?

– Ты отобедал? Пошли порубим вурдалаков. Я чую, встали.

– Алёша, только же поели! Давай хоть отдохнем, хотя бы покемарим?

– Как старый дед, крихтишь. Кемарь, а я пойду кого-нить порублю.

– Да я иду, Алеша! Что ты сразу?

Пока рубили вурдалаков, суть да дело, после поговорили про напасть, что нас всех ждёт. Уже я знал, идёт беда большая. Ну не для нас, конечно, для нас битва. Беда хоть бы для Гостяты той же и для остальных.

Кощей уже давно об этом знает. Оказалось, что знает и поболе моего. Он же колдун, он быстро понял, что к чему. Сказал мне, что слетает за Горяном. И исчез.

А я, признаться честно, ждал, что придёт Гостята. Не то чтобы я пнём сидел и ждал. Но была какая-то надежда. Что вдруг опомнился, подумает, вернётся, прибежит обратно.

Допустим, надо ей дойти до дома Рады, там нужно вылететь Ракиту. Может быть, ещё зайти в своё селение. А там что? Если ли важные дела? Могла она вернуться через два дня? Через три дня? Гостята не пришла. Вообще-то я же нежить и могу ждать долго, но... Чего мне ждать? Наверное, напугал до полусмерти. Ну ладно облик мой, а мы ещё с Кошцеём дрались. Обычный человек такое видеть не привык. И видеть бы не должен. Всё таки она ведовка. Ну пусть только выйдет в лес. Уж я... Наверное буду тихо наблюдать из чащи. Или схвачу и утащу к себе насильно.

Ну много всякого я передумал.

На третий день пришел Баюнка. Я впустил его в дом, хотя не собирался. Всё-таки нечисть блохастая, чего ей в доме делать? Но грустный котик был, а вдруг тоже тоскует по Гостяте?

Баюн прошёл, на стул запрыгнул и морду положил на стол.

– Что, Баюнка, больше некому чесать за ухом? – я погладил кота по едва зажившей морде. – Бросила нас девица, Баюнка. Так бывает.

– Мяу.

– А ты всё “мяу”. Ты чего пришёл-то?

– Мяу.

– Выпить нечего. Мы с Водяным закончили эксперимен-

ты. В прошлый раз чуть не издохли. Ну ладно Маре ничего, я сразу в спячку. А Водяной страдал ещё долго.

– Мяу.

– Ну на, попей водички, – я налил ему из кружки в чашку. Баюнка принялся лакать.

– Мёда нету, вина нету, и ничего не хочется, – я сел рядом. – Ходила здесь... носила мои вещи. Еду готовила. Баюнка, тебе, жалко, не досталось! Кощей чуть от зависти не помер. Хотя он бессмертный... И вурдалаки, как назло, все передохли. Или попрятались... И нету Лешаков – не с кем порубиться.

– Мяу.

– В лесу, я знаю, полный беспорядок, – я на стол облокотился. Баюнка на меня смотрел... сочувствующе?

– Ну ничего, скоро будет битва. Будем рубиться с нечистой иноземной. И с колдунами, с воинами, с богатырями, может. Скажу тебе – будет полная солянка. С нами пойдешь?

– Мяу! – Баюнка лбом уткнулся в мою руку.

– Хороший котик, я тебе вина достану, когда всех разнесём. Порвём всех на клочки, Баюнка?

– Мяу.

– И некогда будет скучать по всяким ведьмам...

Через пару дней Кощей снова появился. Сказал, что Горыныч скоро тоже явится. Своим ходом. Прилетит, значит. У меня тут везде лес, куда он будет приземляться? Ну ладно,

опытный летун, как-нибудь справится.

– Алёша, это что за зверь пушной? – Кощей увидел у меня Баюнку. Кот так и не ушёл.

– Это Баюнка, вот, что-то прибился.

– Алёша, ты что, завёл кошку?

– Баюн кот.

– Ты знаешь, что я сделаю? – Кощей меня остановил как раз в дверном проеме. – Я её спалю.

– Кого?

– Да твою Гостяту. Ты себя видел?

– А что не так?

– Спалю Гостяту, на костёр её заброшу и пусть горит. А, хочешь, вместе с нею выжжем всё селение? Чтоб девкам было неповадно в лес ходить.

Наверное, мне было совсем плохо. И браги не было у Водяного, и Лешаки закончились иль скрылись.

Кощей продолжил:

– Поверь мне на слово. Лет через сто забудешь. Не вспомнишь, как и звали. Спалим да и всё. С глаз долой – из сердца вон!

– Кощеюшка, через сто лет она сама помрёт.

– Ну или сама помрёт. Вот видишь, и делов-то! А, может, будет легче? Ты же начнёшь следить за ней, а так: нету и нету!

– Даже не думай. Узнаю, оторву твой лысый череп.

– Да отрывай, хочешь, сам отдам?

Таким Кощеюшку не испугаешь, надо хитрее.

– Найду тот ларец, утку, зайца – и всё, считай, что твоя песня спета.

– А ты найди, попробуй. Я сам не знаю, где.

– Врёшь?

– Может, и вру.

– А кто там будет из нечисти, какие-нибудь бхуты?

– Да всякого полно, – Кощей отмахнулся. – Горян прилетит, обсудим.

– Ну хорошо, я Водяного позову.

– Ты, Лёша, тему не меняй. Сожгём твою ведьму?

– Она не ведьма. И зачем жечь её? У нас всё хорошо.

– Так по тебе и видно.

– А ты не так смотришь. Конечно, я кручинюсь. В опасности моя красавица и всё её селение. Я думаю, как мне её спасти от ужасной участи. Она ведь человек и знахарка – в беде людей не бросит. Что мне прикажешь делать?

Я и врал и нет. Если разобраться – где ложь в словах моих? Я не хочу, чтобы Гостята пострадала. Кощей её не спалит, так то сделает другая нечисть – пришлая. С которой у нас сражение. А ежели мы будем биться – каким уж тут селеньям уцелеть? Не выдержат такого люди.

Кощей вздохнул и покачал горящим черепом.

– Извела она тебя. Она хоть приходила?

– Скоро явится. Я точно говорю, будет скоро. Я уже послал зверьё проводить её к дому.

Кощей вникать не стал. А тут слукавил я, как есть. Гостиату я не ждал. Если не явилась до сих пор – с чего бы ей являться? Конечно, и в лесу я караулил. Она ни разу и в подлесок-то не вышла. Не поймать её. Наверное, я так себя дошёл что поймал бы и забрал. Кто меня осудит? Нежить есть нежить – захотел и взял. Особенно, когда тоска напала.

А встретить я зверьё отправил Раду. Её позвал. Я знал, что она придёт. Если всерьёз придётся нам защищать селенья, нам нужен человек. Чтоб всё на месте и на карте нам показал и рассказал. Чтоб знал, что будет. Чтоб людей подготовил к такой вот буре.

С Радой мы знакомы. С кем как ни с ней держать мне речь? И нечисти другой она будет по нраву. Одна беда, пристал ко мне Кощей – и так невовремя. Взял вот и выдал я Раду за Гостиату. Кощею все селянки одинаковы. Он не поймёт. А Рада ещё и за своих попросит слёзно. Мне, может, будет легче нечисть убедить не разрушать селения. А защитить.

Горян явился первым, Водяной зашёл. И уж потом, попозже, явилась Рада. И не одна, с двумя детьми. Приехала на волке. При чем не посылал я Вука, он сам её нашёл и сам привёз.

Раде я успел всё рассказать. Не знаю, многое ли поняла она, но что так для всех лучше, согласилась.

Глава 17. Руби лес, полетят щепки

– Слышь, а, может, договоримся мирно? Слышишь ты меня?

Палкой в него запустить, что ли, для начала диалога? Стою я на краю своего леса. И Леший другой, сосед мой, стоит с краю своего. А между нами широкий подлесок, где мы постоянно с Лешаками его рубимся. Много, много их тут уже лежит. Вон некоторые берёзки – это уже они проросли. Были свиньи свиньями, теперь на ветру качаются.

Может, глухой он? Сколько ему? Поди больше, чем мне? Палкой, наверное, будет слишком уж неуважительно. Было б у меня копьё... Да зачем в лесу оно кому сдалось. Для какой надобности?

– Ты, Леший-сосед, молодой да борзый, – начал тот вдруг скрипучим голосом, – да с нечистой знатной знаешься. Но ты этим меня не пугаешь. Я сам древний, и тебя переживу. И лес твой присоединю.

– А коли такой древний, что ещё здесь не Хозяин? Стало быть, отбивают территорию эту?

Куда делся мой предшественник, я не знаю. А если я появился, значит, сгинул он с концами. Совсем ушёл. Сколько Водяного не пытал, говорит – не помнит он. С предыдущим Хозяином не водил дружбы. Это я попался компанейский. Только вступил в должность, сразу столкнулся с Кощеем. Не

понял кто это – от упыря не отличил по малолетней глупости. Быковать начал. Раскроил ему череп огненный. Обещал из башки его лампу себе в горницу сделать. Ну вот как то слово за слово и подружились мы. Скучал Кощей, а тут беседа наша ему и понравилась. Закончилась она для меня переломами всего молодого Лешего, но потом сам Кощей меня в источник с мертвой водой и запихнул и кости вправлял на место. Колдун и есть, черепушка проклятая.

– Ты, Алёша, больно нечисть наглая. Надоел ты мне. Но я всё жду, когда ты сам себя изведёшь. Глупый ты... – прокрипел мой сосед.

Вот теперь и Леший из другого леса знает, что я Алёша. Ну ладно все девки залётные, но нечисть поганая моего настоящего имени не должна знать. А лес большой у него. Если прибираться к лапам своим и его владения – это работы себе добавлять. Как будто мало её мне...

– Уважаемый, давай поговорим, дело есть, – я осторожно шаг в пролесок сделал. Замер. Натурой своей тёмной чую западню хитрую. Ногу убрал. – Поговорим отсель.

– Откель где ты, не слышать, – нечисть скрипучая отвечает.

– Так подойдем друг к дружке, может, – ему предлагаю, топор убираю на пояс. Руки показываю.

– Ты мне, сосед, не дружка, – стоит как пень Леший другой и не сдвинется. А я слышу как будто шелест крыльев. Но ещё далеко. И хитрый такой, не птичий совсем. Это по чью

же шкуру летит? А кто – догадался уже.

– Некогда мне лясы точить, – признался, – хотел по хорошему, да нельзя по хорошему с нечистью.

– Про супостата общего и без тебя знаю, – Леший сосед всё же сделал на встречу шаг, – да только что мне тот супостат? Мне что ты, что он – всё одно с кого башку рогатую с плеч сносить.

– А так ты думаешь, мой лес вражина займет, а твой стороной обойдет? Идут они на земли наши, нечисть вся объединяется. Богам тоже интересно стало, вниз поглядывают.

– Тут война людская больше, нам какое дело до неё? – сосед Леший всё скрипит.

– А ты как будто и не знаешь, что невольную нежить приведут и тут выпустят.

– Как выпустят, так они и домой улетят.

– Они к своим хозяевам колдовством привязаны.

– Леший... не отдам я тебе свой лес.

– Я с тебя сейчас твой лес не требую. Мне надо, чтобы крайние селения людские ты лесом окружил, до которых я не дотягиваюсь и чтобы лешаки твои против вражины выступили. Можешь даже сам ими командовать. Но тогда невиданное дело случится – мне тебя придётся звать к себе на перед битвой совещание.

– Мне ваша битва не нужна. Лес затихнет и переждёт. А там посмотрим, кто главным останется. Любому лесу за всегда нужен Хозяин. Нежить иноземная с нашим лесом не

справится. Как хочешь, а Леший в лесу будет.

– Спят твой лес. И тебя заодно. И живность всю в нём спялят, до последней букашки, – злился я, как будто уже за своё добро. Лес большой у соседа. Неужели не жаль ему?

– Сколько-то спялят, сколько-то останется. А как битва пройдёт, может, и твой лес к лапам приберу. Ты будешь или пленённый, или вовсе убит. Кому-то же надо принимать хозяйство.

– Ну тогда мне ничего не остаётся. Придётся убить тебя, – сказал ему и в подлесок шагнул. – Если думаешь, что побойсь зайти на твою землю, зря надеешься. Я хороший Хозяин, твой лес меня как родного примет.

– Такой хороший, что ни один Лешак не завёлся, Лешачек нет, и Кикимора на весь лес одна, и то у Водяного в болоте живёт. А лес твой изо дня в день сохнет да деревья падают, ветви ломаются.

Кручина меня жгёт внутри... По одной ведовке. Как переживу, так и лес оправится. Вслух ответил соседу Лешему:

– Ты моё не считай. Я уж сам разберусь, кто мне в лесу нужен, кто нет, – я сделал ещё шаг. Опять почуял неладное. Да и Леший-сосед как-то посмеивался. Выжидал.

Но слышал я и другое. Предвестник близко. Машет своими крыльями так, что смрадом могильным повеяло.

Колдовство то было соседа Лешего аль нет, а паутиной крепкой, нитью с хороший кулак толщиной упала на меня сверху сеть. Вот как падала сверху, с дерева, видел я, и как

Лешаки из кустов повыскакивали. И как все они побежали ко мне, доставая ножи и топоры. За пару мгновений решится всё. А с неба услышал я будто свист. Прилетела тварь окаянная да что-то сверху мне бросила. Рассекая воздух, оно падало.

Глава 18. Кто в лесу Хозяин?

За пару мгновений решится всё. Пару мгновений, но мне хватит их. Сеть я сразу разрубил топором, одним взмахом по нескольким нитям над головой. В прореху быстро руку вытянул и то, что сверху падало, поймал.

Приятно в руку лёг новый топор, из топорщица цепи выскочили и обмотались мне вокруг моей руки, не стесняя движения, почти до локтя. Ишь, хитро как придумано, как чудно! Сжимать рукоять не надо пальцами. Можно руке отдых давать, и опять же, не уронишь его. А как ежели запустить захочу? Цепи зашевелились, ослабились. Слушают команду мысленную. Хитра вещица, заколдованная.

“Понравился, Алёшенька, подарок мой?” – как будто на ухо прошептала. Вот колдунья окаянная, ведь не хуже мужа будет в колдовстве. Если уже не обскакала его. – “А справишься с таким подарком моим?”

– Отчего же не справиться, справлюсь, – шепнул себе, разрезая то, что от паутины осталось. Уже и первый Лешак под руку поднырнул. Вот и его разрубил я с головы до пят. Подарок Мары как по маслу прошёл. У смерти хорошо оружие.

Остальные отпрянули, да без ума, первый ступор прошёл, снова кинулись. А двумя топорами сподручно как! Давно хотел я себе сразу два топора. Разве что обе руки всегда заняты. Ну так плечами, ногами распихиваю. А рублю с двух рук.

Быстро умаялся. Лесная погань всё никак не закончится.

Так их всех порублю, а пригодились бы. Нехорошо Лешаков на труху переводить. Они нам в битве нужны будут с пришлыми.

Надо Лешего их быстрее изловить.

– Тварь поганая, не поможешь мне? – в небо кричу, знаю, здесь ещё, ждёт поди, чтоб передать мои Маре благодарности.

– Я предвестник, не боевой петух, мне без надобности спускаться к вам.

– Ну а что тогда машешь крыльями? Так то хорошо, ветерок создаёшь. Да берёзы мельтешат, качаются.

– Маре расскажу, как ты справился с топором новым, а убьют тебя, унесу обратно его.

– Я тебя скорее им зарублю, курица ты нещипаная, – в небо некогда смотреть, Лешаков рублю, а по тени вижу, тварь нависла где. А Лешаков много, налетели все, один в спину топор воткнул мне, теперь мешается.

Про сеть их я понял заранее, после предчувствия и увидел сам. Смотрю я не только двумя глазами – больше у меня чем пара глаз. Каждая букашка, птишка каждая, что видит, то мне ведаёт.

А Леший отступает, кружит меня, теперь мы в его лесу, каждый куст помогает ему. Раз – и обернётся деревом, камнем обернётся, зверем малым прощмыгнет под травой. Да медленно оборачивается, вижу я его перемещения. Вот бы

угадать, где появится, да и встретить сразу топориком.

В один момент глаза закрыл, хотел с лесом слиться, посмотреть, получится или нет? Вроде по верху иду, по ветвям и листьям, не пускает дальше лес, не открывается. Крепко в нём засел Хозяин прежний. Корнями за сердцевину крепко держится.

Слух напряг, почувствовал дуновение, то не с крыльев тот ветер, и не природный он. То бежит Леший, сосед, и на меня замахивается. Уже и свист воздуха слышу, почти у уха. От удара ушёл. Рогом зацепился злополучным. Всё никак не отрастет тот рог, не везёт ему. Чуть зарос, опять сбили его. Ну зато и соседец замешкался. Топор бросил свой, схватил нож, сразу в бок всадил. Взревела морда Лешачая. Я подумал одно, что моя морда ведь почти такая же страшная. Не к месту подумал, чем тогда Гостяту испугал чуть не до смерти.

И сразу почувствовал укол в бок. Отвлёкся сильно не вовремя. Одно зло от баб. Хотя к чему эта мысль. Что я медлю, знахарка невиноватая. Лешего ножиком в бок не убьёшь, да топору времени не хватило на замах. Один на земле, второй на цепях. Двинул рукой, цепи обвились, топор в руке зафиксировали. Я пальцами обхватил древко – рукоять приятная, хваткая. И снизу по брюху пропорол его, моего соседа, противника. А у самого в боку уже по два ножа. Боремся дальше, когти в ход пошли. Застряли у меня в шее все. Пришлось рубить лапу Лешему. Теперь топор мне мешается. Послушались цепи, развились, руку освободили мне. Пришлось ду-

шить соседушку лапами. Лешаки не подходили его. Сидели, раны зализывали. Ждали, чем драка закончится. Я уж и так и эдак решал, всё ничего не выходило путного. Друг друга мы покалечили. Уже проткнули пару раз сучьями. И это дало идею мне. Пока катались по полянке с ним, сломал я сухое дерево. И как только вышло сподручно, наткнул на него соседушку. Спиной вперед на сук бросил его и сразу тот сук заставил расти. Пророс тот веткой ветвистою, поймал соседа Лешего как в тиски. Но это надолго не задержит Хозяина. Скоро сучок облетит в труху. Я вытянул руку на одной веревке, что новый топор в неё прилетит. И знать не знал, будет так или нет, так рассудил, что заговоренный он и должен являться по зову ко мне.

Топор лег в ладонь и обвилились цепи. Хотя они сейчас мне без надобности.

Отрубил соседушке голову.

Но этого мало для Лешего. Что ему голова – часть от части его. Он весь лес, он везде всегда. Но сейчас он больше в теле своем. Так надо убить торопиться его. Один раз отпустил – и чем кончилось – сколько уже рублю Лешаков каждый день?

Разрубил ему тело, раскидал по кускам. Сам сел на пень, двигаться сил нет. Смотрю, как Лешаки круг сомкнули, смотрят на меня, приближаются.

– Если подойдёт кто, сразу убью, – я им отвечаю, не двигаясь. – Вы теперь служить будете мне. Пока уходите, свободны все.

Не уйдут, видят, я весь израненный. Целого ничего не осталось нигде. Будут ждать, пока я ослабну совсем и нападут, чтобы добить одного.

Глава 19. Надо возвращаться

Сижу, смотрю, как кровь моя капает, как питает землю жадную. Долго сижу, нет сил сдвинуться. Все силы потратил на Лешего. А надо двигаться, дело завершить. Надо лес этот присоединить себе. Если сейчас не сделать – значит всё зря. Я тут помру, Лешак займёт место моё. И уже никто не объединит лес, никто не окружит селения. Биться, нечисть, и без меня отобьётся. Подумаешь, чего то сожгут. Если я помру, не всё ли равно, что там будет с той же Гостятою?

Опять лезет в мысли ведовка эта. Так ведь и не появилась в лесу. Неужели так и будет прятаться?

Вернётся её мельника сын, пустит его в дом к себе, или пойдёт к ним невесткою. А в лес ей нельзя, я в лесу.

Посмотрел на землю, вся красная. Это сколько же я тут просидел и сколько тут пролилось кровушки... Тут и моя и другого Лешего. Много в этот раз лес потребовал. Встал я. Тенями отшатнулись кусты. Это Лешаки в них завозились, очухались.

Поднял топор, зажал древко в руке. А второй сам на спину устроился и цепями обвился вокруг меня. Так гляди и задушит Хозяина.

Я тихонько пошёл. Смотрел злобно на всех. Лешаки с пустой головой, а хитрые. Остановился у двух берез, положил ладонь на кору шершавую.

– Это мой лес теперь, – сказал и как мог попытался с лесом слить себя. Не дался лес. Слишком слабый я.

– Это мой лес, – я повторил, и снова до сердца лесного пробиться решил. Увидел себя малой пташкой и волком лесным и змейкою. И выкинуло.

– Мой, мой, не сопротивляйся мне, – снова представил, глаза закрыв. Увидел медведя бурого, он не хотел подчиняться мне, долго боролся, но всё же сдался. Увидел волков серых стаю. И эти не сразу мне поддались. Повторил, что Хозяин я, и завтра приду. Чтобы не пугались они без Хозяина. Чтоб не путались и ждали меня.

Отлип от дерева, пошёл к себе. Как раз источник по пути. Надо в нём искупаться ещё.

Шёл медленно и очень долго шёл. Добрёл кое-как до источника. Оружие, одежда, всё в крови. Прямо так в воду и залез, в эту можно и так. Разводы красные от меня пошли по воде во все стороны. Я зашёл ещё глубже и нырнул.

Лежу на дне и смотрю наверх. А если не всплывать? Пусть всё как есть, как угодно, ведь как-нибудь будет всё равно? Ну кому так надо, чтоб я там был, чтобы Леший был я, чтобы спасал кого-то? Ну поборемся, ну прогонем их – эту пришлую нежить поганую. А, может, они нас, а не мы их, и что? Солнце как светило, так будет светить. Люди, не одни так другие – всё такие же. Мне с ними дружбы не водить, браги не пить. Только лес разве что жалко мне... и ведовку одну.

Полежал на дне, подумал вдруг про слова Гостиаты стран-

ные. Что не доверяет она мёртвой воде. Боится такого лечения. Вдруг живое она убивает тоже? А во мне живого-то уже чуть-чуть. Быстро растратил живое всё.

Поднялся со дна, если долго лежать, Водяному кто-нибудь передаст. Примчится со дна меня поднимать... Хотя мёртвый источник – не его же владения? Да и Водяной, поди у меня, тоже с Радой заигрывает. Не поверила нежить, что девица моя, нежить запросто так не обдурить.

Выплыл, вылез из воды, вроде получше стал. Мясо зажило, кости ещё зарастут. Головой повертел, вроде ничего, голова на плечах крепко держится. Много раз меня в шею рубили сегодня. Да не смогли снять с плеч голову.

Пошёл домой к себе, вдруг вижу краем глаза, что-то в кустах шевелится. И как будто щупальце чёрное, и глаза такие горящие. Меня не проведёшь, я сразу понял, что это нечисть поганая, причём точно не наша, пришлая! И уже она здесь, в моём лесу.

А она как прыгнет мне на спину. Спрутом поползла по рукам, по шее мне, начала душить. Я её ножиком. Цепи ожили, что на топоре, тоже вокруг гадины обвилились. Вот тогда я и смог её скинуть с себя. Топор цепи сбросил, вернулся ко мне. Я ещё подивился подарочку. Да и рубанул сразу. Что долго думать. Разрубил нечисть на две части в один удар. Только криво вышло. Тут туша да ноги. И там туша да ноги – и голова. Вот я голову тоже топором снял. Взял её в руки да поволок в дом. Надо братцем показать эту невидаль.

У этой твари тёмная кровь, и весь пол она в доме заляпала. Пришлось Раду просить отмыть опять всё. А сами мы сели допрос вести. Башку эту иноземную положили на блюдо медное. Да Кощей принялся колдовать – чтоб язык расплести у твари этой.

Как и думал, я, таких уже несколько. Бродят тут где-то по моему лесу. Стало быть, это разведчики.

Да и Кощей не дурак. Стал выпытывать. Сколько их всего да что у них как. А тварь не поддается, не рассказывает. Долго он её и так и эдак, да тварь тоже заговорённая. Наконец, мы картину увидели, как-то Костлявый её всё же вытащил. И то зрелище нам не понравилось. Сколько видно на поле от края до края, столько идёт к нам войска, и с ним столько же нежити.

– Мало нас, – тихо Горян говорит. Даже с Марой можем не справиться... Леший, лес другой теперь твой?

– Мой, – отвечаю ему.

– Уже хорошо, но всё равно мало. Надо бы ещё где-то поискать помощи. Всю нежить собрать. Даже ту, с которой совсем мы не знаем.

– Завтра и начнём, – соглашаюсь я.

Глава 20. Разговоры перед бурей

Сидим мы, как то тревожно нам. Кощей гоняет по столу яблочко.

– Ты чего загрустил, Кощеюшка?

– Да Мара улетела куда-то, сказала доспехи чтоб я ей привёз, а она перед дракой оденется. И где она, я не ведаю.

– Так и ты ей не больно отчитываешься!

– Это, Горян, с чего ты взял? Она знает все перемещения, – Кощей вздохнул. – Не поймёте вы. Мара больно неласковая... Вот хотя б... Недавно, лечу домой, – при рассказе он оживился весь, – лечу, значит, никого не трогаю!

– Ну видать, от Варвары летишь?

– Да не суть! – Кощей от нас отмахивается. – И тут подлетает предвестник. Ну тварь такая крылатая. Его Мара гоняет с посланиями.

Нам эта тварь известная.

– Ну и что дальше? – Горян спросил. Мне тоже любопытно стало.

– Ну спрашиваю я у твари: чего, мол? Пошто беспокоишь Кощеюшку? А она голосом наглым, что Мара моя, клюв раззявила да давай частить: три бочки яблочек, одну шкуру лося, пять отрезков шелковой ткани, десять сухих паучат, и пыльцы прошлогоднего папоротника.

– Чего?

– Мара в пудру замешивает, – Кощей пояснил. – Но твоя правда, Горян. Я так и спросил тварь летательную. Чего? Говорю. А она мне в ответ: три бочки яблоч, одну шкуру лося, пять отрезков шелковой ткани, десять сухих паучат, и пыльцы прошлогоднего папоротника.

– Издевается, тварь крылатая.

– Или жена моя издевается, – Кощей вздохнул. – Да нет, так-то понятно всё. Это мне надо залететь и всё это забрать и Маре вручить по возвращению. Но дело то не в этом! Вы послания сравните. Вот хотя б голубка от Варвары что?

– Что?

– Что принесла мне на белых крылышках! Кощеюшка, свет прекрасный мой...

– Хорошо светишь ты лысой башкой.

– Ай.. Не мешайте рассказывать! – он заново начал. – Кощеюшка, свет мой неземной, жаль что так мало побыл со мной, ты мой...

– Козел лесной.

– Налим скупой.

– Ихтиандр злой.

– Это кто?

– Да это так, не по нашему.

– Вы, нежить, слушать будете, или нет? – Кощей на нас обижается.

– Слушаем тебя, свет ты наш неземной, – Горян отвечает ему ласково. – Жаль что ты сейчас не с Варварой, а со мной.

– Отстань, Горян, я тебе всю душу, а ты!

– У тебя же душа, Кощей, чёрная. Ну я к углям привык, давай дальше жги.

– Кощеюшка... так это я говорил... жаль что так мало побыл со мной, только ты ушёл, уже грустно мне, не могу сомкнуть глаз в мыслях о...

– О еде?

– Какой еде, они яблоки одни жрут.

– О тебе! – Кощей закончил фразу.

– Обо мне? – Горян удивляется.

– Да почему о тебе? Ко мне же послание! Ай, идите вы! – Кощей снова надулся.

– Ну так, это самое, Кощейка, – Горян его приобнял. – А летел-то от Варвары?

– Да нет, по делам летал. Я же царь.

– Он же царь! Настоящий!

– Да, царь. Летал по делам! Ну и... за яблоками-то как раз к Василисе.

– А по делам летал наверное к Яге за новой ступой.

– А ты, Лёша, Ягу ещё не видел. Там такая Яга, и у неё такая...

– Нога?

– С ногой, кстати, всё нормально. С ногами. Обе ноги откуда надо.

– От ушей?

– Хватит, может? Она, видать, тоже яблоки как не в себя

ест, такая стала красавица. Василиса уже локти кусает, что сколько ей отгрузила.

– Кстати, если мы внезапно о девицах, – Горян хлопнул ладонями по столу. – Гостятушка-то, смотрю, Лешенька, как-то тебе и не интересна совсем!

– Горянушка, я занят весь день, рублюсь с Лешаками. Лешего вон зарубил, тварь какую-то принёс иноземную – считай, добыл нам лазутчика.

– И всё одно внимания мало уделяешь девице. А девица хорошая, уже родила двух славных богатырчиков и ещё родит. Надо ей срочно родить Горянчиков.

– У неё муж есть, – напомнил Водяной.

– А мне что, жалко, пусть муж воспитывает, – Горян посмеивается. – Ну и я залетать буду. Не обижу. А захочет куда пристроить детей – так я разнесу их по свету. Найду место. Что им в селении куковать, славным детям Горяна – юным Горынычам!

– Ты смотри, он уже продумал всё, – Водяной как будто позавидовал.

– Она гостья здесь, обижать не дам, – я снова об этом высказался.

– Да разве кто обижает, я же так, любя. Да кто откажется от любви Горыныча? Вот завтра и... хотя... а что до завтра ждать? Там помощь ведь нужна, деток как раз укладывать. Пойду, пожалуй, девице помогу.

И он из-за стола встал и к спальне моей пошёл.

– А ты, Горыныч, не ошалел ли в конец? – я ему дорожку преградил.

– Лешенька, ну не твоя же девица, что ты ни себе ни славной нежити?

– Я здесь Хозяин в доме, про лес не говорю, она моя гостья. Под защитой моей.

– А мы друзья твои. И тоже гости в доме. И тоже, Лешенька, под твоей защитой. И хотим себе девицу, – Кощей вдруг встрял. – Тем более, не твоя она.

– А у девицы своя воля есть, – я им дальше пройти не даю. Напомнил. – Она же сама сказала, сидя за столом. Если от мужа уйдет, то только ко мне, к Лешеньке. (1)

– Это она страшилась нас. Но это по незнанию, по первости. А вообще мы же очень хорошие. Вот пойдем, ближе познакомимся.

– Э. Кощеюшка, а откуда взялось “нас”? – Горян спросил. – Я пойду, ты сиди, нечисть мёртвая. Мне нужнее. Я хоть с важным делом иду – увеличивать племя Горынычей.

– Что ты, погань крылатая, по больному бьёшь? – Кощей с Горынычем препирается. – Я хоть буду с девицей ласковый, а ты что – Змей неотёсанный! Я ей вон – платьев надарю, самоцветов-камней! – он щёлкнул пальцами, всё появилось сразу.

– Рада на это не купится, – говорю и вдруг понял, что сказал. Пару раз уже оговаривался да успевал поправляться. А

тут сказал имя её настоящее и не поправил себя.

– Рада? Так стало быть, не Гостята даже? – Кощей растянул рот в улыбочке. – А зазнобу его Гостятой зовут! Стало быть, эта девица не она! Никакого отношения к Алешеньке!

– Я пошёл, – Горян меня отпихнул.

– Нет я, – Кощей схватил его за руку.

– Ты женат, Костлявый.

– Нашёл когда вспоминать, отец трёхсот детей.

– Ну-ка, сгинули все! – я их отогнал. – Никто не зайдет.

Я её позвал, и не про ваши рожи.

– Ну так Лешенька, вот и правильно! Давно пора, иди сам уже! – Горян меня вдруг приобнимает и сам к двери подталкивает. – Я вообще не понимаю, чего ты ждёшь? Сам знаешь, мы не сильно обделённые женской ласкою. А зачем нам твоя девица, стало быть? Ты подумай, скоро большая битва! Может, сгинем все. Погорим в огне. Изрублемы будем супостатами. Так или иначе, все сгниём в труху. А так что-то и после нас останется.

Я пока не взял в толк, о чём ведёт он речь.

– Ты Лешенька, молодой, неопытный. При жизни, видать, не задумался, а после смерти не додумался, что можно успеть.

– Он про что?

– Про своих мелких Горынычей, – подсказал Кощей.

– Так не бывает же детей у нежити! А те, выходят что – вроде Лешаков, бездушные, мёртвое от мёртвого, расстрой-

ство одно.

– С чего хоть взял это? – Горян покачал головой. – А я, думаешь, при жизни триста настрогал? Сколько-то из них, как не часть большую, может, и при жизни... но как Змеем стал, летать-то между семьями стало быстрее, так оно сподручнее...

Кощей вздохнул. Горян продолжил речь.

– Не смотри на Кощю. Мёртвый наш Кощей. И из-за этого сильно мучается. Так он мёртвых царь. Жена – царица мёртвых. Тут уж как ни крути, не выйдет ничего. А я чуть-чуть живой. Немного жизни есть. Стало быть, и от меня родится жизнь. Не каждая то вынесет девица – родить сына от такого вот Горыныча. Но богатырка, как твоя Рада, вынесет.

– А ты зачем мне это рассказываешь?

– Так неужели ты хочешь так помереть, чтоб не осталось от тебя на свете памяти? Если тебе не надо, дай пройти. Ну пусть не бросит мужа, да вряд ли будет он жив. А если станет твоя Рада женой Горянушки, так я её сокрою где-нибудь в горах. И её, и детей её нынешних.

– Плохо тебе, Горян? – я его спросил. – Ну слетай повидай кого из своих трёхсот. Побудь с женою из последних твоих. Поиграй с детьми, которые уже есть. Их триста, тебе так нужен ещё один?

– Так их по трое обычно рождается.

– Число бы вышло красивое, – Кощей снова встрял. Водяной вздыхает, отмалчивается.

– Ну ты это, Алёша, подумай сам... девица эта хорошая. Может, последнюю ночь на земле. Где тебе сейчас другую взять?

– Так плохо всё? – его спрашиваю.

– Алёша, много их, – Горян отвечает тихо. – Очень много.

– Не справимся?

– Справимся, – это уже говорит Кощей. – Но много нечисти положим в бою. Я говорить не хотел, чтоб не накликивать. Но кто-то из нас умрёт.

– А кто?

– Такое не откроется.

– А если открылось бы, пошёл бы?

– Не знаю, – Кощей головой помотал. – И знать не хочу.

И знания такого не пожелаю врагу. Я к жене полетел, – он внезапно выдал. – Не хочу ни к кому, ну... из этих... – он помолчал. – Полечу к жене.

– Я, наверное тоже слетаю... тут недалеко... перенесу всех в горы, – Горян отступил.

– Давайте уже, выметайтесь из дома, – я их выпроваживаю.

– Это, Леший. Я посижу пока. Может, сплаваю до Кикиморы, но потом вернусь, – сказал Водяной.

– Да сиди, мне не жалко. Найдешь где спать?

– Найду. Кощей вон пристройку наколдовал. Там вполне хорошо.

Разошлись они все. Горян снова в проходе замешкался.

– Алёша, ты не серчай. Я к тебе со всей душой. Ты селения защищать взялся не просто так. Кто-то там живет, дорогой тебе? Гостиата твоя настоящая?

– Она.

– Ну так мы защитим, а с этой... я так... – подталкиваю тебя к мыслям правильным. А с ней или нет, ты сам решай, просто может не быть уже времени. Жизни мало в тебе, – он меня понюхал. – Ты как потратил всё? Вроде умер недавно. Умудрился же... Умер с брешью в сердце?

– Не помню. И вспоминать не хочу, – и говорить не хочу, что вдруг приходится?

– Умер с брешью, и не затянулась та брешь. Всё больше и больше расходится. И не заладит никто.

– Зато нечистью буду злой. Не от одного так от другого питаются же.

– Ну да, сила бывает от разного. Наша, пожалуй, от злобы больше. От ненависти да людской нелюбви. Ну бывай... На рассвете свидимся. Облетим с твоей Радой по всем местам, пусть покажет, что где.

– Не обижай её. Девка хорошая.

– Алёша, да я просто так, – он хлопнул меня по плечу и тоже ушёл. Я остался перед дверью закрытою. За той дверью Рада с детьми.

Глава 21. Ночь с богатыркой

Последняя ночь перед бурей. Всем хочется ласки женской. Была бы Рада моей женщиной, никто бы к ней и близко не подошёл. Да нежить ведь умная, чувствует, что мы с ней их всех дурачим вдвоём.

Мне только за Радой ещё следить. Больше делать, конечно, нечего. Но всё же гостя моя, сам позвал.

Хотел уйти спать на улицу, но ноги занесли в комнату.

Девушка давно мне понравилась. Ещё с первой встречи в моём лесу. Но у неё крепко в сердце другой. Хотя...

Одно дело – молодая девушка, неопытная и влюбленная, другое дело – замужняя женщина, что мужа почти год как не видела. Она уж и забыла, что замужем. А нежить отстанет тотчас же. Будут чутать, что моя красавица. Лешего девушка, хоть и на одну ночь. Друзья мои – эти отстанут сами. Они меня сами дурачили, хотя сразу поняли. Но есть и другие ведь. Приметят её, утащат себе. А ей ещё долго нам помогать. Ей надо подготовить своих селян. Будет шастать меж домом и лесом нашим.

Примерно с такими мыслями заваливался к себе в спальню я. Ну и ещё проверить хотел, почему Рада подняла мой топор? Вышло так, что случайно понял – сильнее она обычной женщины. В руках и теле сила немалая. Есть у меня соображения...

Увидел Раду полураздетую. С ногами голыми и оголенной грудью. Она на кровати моей сидела и как раз кормила детей. Настроение у меня никакого нет. И не нужна мне эта девица. Но, может, хоть как-то развеселит. Сколько мне страдать по знахарке?

Решил, что не убудет с неё. А завтра нечисть к ней не подступится. В одном хотя бы будет спокойнее. Конечно, если захочет сама.

– А ты что пришёл, братец мой? – Рада спросила, смущаясь меня.

– А где же мне спать, Рада, если не в своей спальне?

Мы уложили её детей. Они крупнее обычного. Быстрее растут. Я предположил, что Рада поила живой водой. Я угадал. И сама пила. Вот и сила проснулась в ней спящая. В ней есть тёмная кровь, как у нечисти. Но доля малая, можно не считать. Разве что духом девица сильная, значит сдюжит, поможет завтра. Многое надо сделать успеть.

– Радость моя, что там, спят твои богатыри?

– Спят, – она ответила.

– Одного спать уложила, второго уложила. Теперь третьего укладывай.

– Кого третьего?

– Так меня. И можно также, как двух предыдущих, сначала к груди прижать, – я погладил её по плечу. Кожа у неё мягкая.

Испугалась Рада. Сердце быстро колотится. Гостица тоже меня боялась, хотя я в облике человеческом.

– Сынок проснулся, – Рада рванулась к едва пошевелившемуся сыну. Я её не пустил. Стащил с постели вниз.

– Так проснулся же Радогор! – она закричала сдавленным шепотом.

– Так вопить, разбудишь в самом деле, – я заглянул на кровать. Там уже разлёгся Баюнка.

– О, нечисть блохастая на постель пришла, – погладил кота по морде. Баюнка принялся мурчать интенсивнее. Сын Рады и не думал просыпаться.

– А нечисть блохастая у меня понимающая, – я убрал руку с кота и повернулся к девице. – Спят твои детки, Рада. А мне что-то, говорю же, не спится.

Я её обнял.

– Плохо это братец, плохо, ой как нехорошо, – зашептала Рада скороговоркою. – Отпусти меня, братец, отпусти!

– Не братец я тебе, Рада, называй Алёшей.

– Алёша, отпусти... нет, братец, не буду тебя Алёшей называть, отпусти меня, пожалуйста, заклинаю: отпусти!

Отпустил быстро. Слово такое это хитрое. Хорошо Раду бабка её выучила. Нечисть разве что заклинать.

– Заклинаешь, значит. Зачем сопротивляться? Я же вижу, что люб тебе.

– Люб, – она не отвела взгляда. – Всем ты хорош, и добрый ты, и красивый, но говорят: охота пуще неволи. Больше всего

мне хочется мужа любимого увидеть. Так я скучаю по нему, что сердце заходится. Терпеть нет мочи, как без него мне плохо. Всегда я знала, что мне женою Родьке быть. Только как ходить начала и тумачков ему надавала, вот тогда, а может и раньше – как увидела.

– Ты тогда такое понять не могла бы.

– Не могла, а уже чувствовала и сейчас знаю – это одна моя любовь на всю жизнь и так мне повезло, такое счастье случилось, что не развела нас судьба, не рассорила сильно семьи наши, что мы смогли всё же мужем и женою быть!

– Страдаешь, значит, без него, – я приобнял её за плечи. Горячилась она. Шептала быстро. Пальцы дрожали, сжимались на платье в кулаки.

– Да, страдаю. Поганый супостат явился, да с пришлой нечистью – счастья моего меня лишают! – кажется, злилась она!

– Быть тебе богатыркой, Рада, – я убрал ей прядь волос с лица. – Очень ты нраву горячего.

Волосы у неё мягкие. И светлые, как пух или лён. Волной крупной лежат, на кончиках вьются в барашки. Почти как у Гостяты, но у той тяжелее коса. Волос толще и темнее много.

– Я повитуха, какая с меня богатырка! – отмахнулась Рада, сама ещё больше нервничает. Говорила она раньше, что повитуха? С каких пор? Я задумался.

Пахнёт она так же почти, как моя знахарка. Кожа тоже мягкая и тёплая, впитала запахи их простого быта. Селян-

ка и одна и вторая, одежда той же ткани, примерно та же жизнь. И возраста наверно одинакового. Молоденькие обе, а под глазами сеткой по коже словно тонкие паутинки. Ветер и солнце след свой оставили. Говорит она ещё или нет? Я, признаться, слушать перестал уже. Но спросить спросил:

– Плохо тебе? А если сделаю так, что на одну ночь ты про мужа и думать забудешь?

У Рады ярче глаза. И лицо красивое. Тело крепкое. Очень хороша. Недаром все мои друзья, нечисть, под дверью бодались, хотели сюда.

Откажись, Рада. Если другого любишь.

У неё дрожат ресницы. Длинные, тёмные, ну хоть не плачет.

– Плохо, Алёша, – она зажмурилась, кивнула, не размыкая глаз, как ножом по сердцу. Гостята тоже крепко зажмуривалась, когда признавалась в чём...

– Болит сердце, – Рада шепчет тихо. – Так хочу увидеть любимое лицо.

И у неё болит. Зачем я её мучаю? Наверное, мучаю себя.

– Говорю же, забудешь о нём, – мягкая у неё кожа, нежная. Мягкие волосы. Тело будет податливым, если она захочет. Много огня, много жизни в нём.

Девушка, если ты откажешь мне, может, я поверю, что вы умеете любить.

Что сущность ваша женская способна на любовь. Ни к от-

цу или матери, ни к детям своим, не по расчету или прихоти, не для статуса и не для богатства. Не для собственности и не для удовольствия. А так чтобы доверить жизнь тебе и просто рядом быть.

– Как же забыть когда люблю? – Рада ответила.

Если вдруг она не врёт, может, и та не врала.

– А ты в эту ночь забудешь о Гостиате?

Отпустил Раду. Сел рядом. Вдохнул глубоко.

– Утопить тебя в речке, что ли?

Глава 22. Сестричка Лесовичка

Сколько можно с Гостятой сравнивать? Хоть бы уже забыть какнибудь.

Значит, мужа Рада любит, верная. Та, может, тоже – по мужу сохнет. Только вот слабее оказалась телом или воду так старательно выпрашивала. Быстро мысли повернулись не в ту сторону.

Говорила Гостята, что отдала мне сердце, и другого мужчины у неё не будет. Но не знала она, с кем речь ведёт. Нет на ней вины за обещание. Может жить, как хочет.

Рада рядом сидела тихо.

Даже легче стало, что не надо нам.

Я уже кое что другое выдумал.

– Что со мной сделать? – она своё платье поправила.

– В речке утопить. Лёд сошёл уже, но, поди, не выплывешь. Ты хоть богатырка, но пока для тебя вода холодная.

– Так тогда в лесу помру. Перерожусь нечистью, – вдруг она додумалась.

– И то правда, тогда ни в жизнь, ни в смерть от тебя не отделаюсь. Придётся бок о бок жить, – стало мне смешно. – Это ж надо такому случиться! Сколько себя помню, ни разу ещё никого не приходилось так долго уговаривать. Да ещё и неудачно.

– Не отказывают тебе девицы, Алёша? – спросила Рада. –

Так девицам чего отказывать? А я то замужем!

– Замужние тем более не отказывают, – я на неё снова взглянул. – От них ещё и отбиваться приходится.

– Мужья наверное у них... нелюбимые...

– Это дело не моё. Силой тебя заставить, что ли... Уже и как-то отпускать обидно! – решил я шутку пошутить. Надо как то расшевелить себя.

– Ты, я уверена, так не делал никогда, чтобы силою, – осмелела Рада, какие ведет разговоры. Вот и про меня предположения делает.

– Не делал, так сделаю. Я же нечисть, кто мне запретит?

– Будешь со мной, а мыслями с Гостятой, знахаркой нашей?

Зря она так со мной.

– А вот и проверим, – я её сгреб к себе, она завизжала, забыла что дети спят. Хотел я её уже обвить кустарником и утащить лес показывать, как сверху на нас прыгнул волк.

– А ты как здесь?

Это Вук прыгнул. Я оттащил его за шкуру. Вук на меня зарычал. Я его за морду перехватил и тоже зарычал.

Баюн сверху запустил свою мурчалку так, что стены зашатались.

– Прекрати мурчать, Баюнка, усыпишь насовсем детей, – строго ему сказал. Баюн послушался. Вук тоже перестал рычать. Я его погладил по морде, потрепал за ушами.

– Что, Вук? Охраняешь девицу? Знаю, знаю, что не моя

она. Ну так и у неё своя воля есть. Или бы ты загрызть меня рискнул? Вук за тебя вступился, – я повернулся к Раде. – И где прятался? Я и не видел его. Развёл в своей спальне шерстяной живности...

– Спасибо, друг волче, – она поклонилась волку. Ведь перепугалась на самом деле. Шутить надо заканчивать.

– Девица-красавица, я ведь не отступлюсь от тебя.

Посмотрел я на волка и решил, что поможет он мне. И Раде будет так спокойнее.

– Что тебе надобно, лесной братец? – спросила, а сама ещё дальше отползла.

– Так или иначе, а надо мне взять тебя себе.

– Это как же?

– Ждёт тебя за дверью, Рада, ждёт не дождётся другая нечисть. И они не такие как я, добрые, они спрашивать лишний раз не будут. Так что иди-ка сюда!

Надо объяснять ей, что не про своих я друзей? Хотя и им в этом вопросе веры нет.

Вук голову к лапам склонил, Раду подманивая. Она, хоть с опаской, а подползла назад. Я её схватил и посадил к себе. Так, чтобы она не на меня смотрела, а волка видела.

– Сейчас, может быть, страшно будет, Рада, но ты не бойся!

Я показал ей лес. Своими глазами, своими всеми чувствами. Как вижу, слышу, ощущаю всё вокруг. Всю живность,

все малейшие движения.

Пришлось перекинуться в тело Лешего, а потом и вовсе привязать Раду к себе. Она этого не вспомнит, конечно, не поймет сразу, а тело её связало ветвями, крепко вокруг неё обвили кустарник и деревца, иголки хвойные просыпались на кожу, припорошила нас сверху листва.

Надо нам было в лес перебраться, оставаясь на месте, и нас повёл волк.

– Волк – проводник между мирами, Рада, знаешь про это? – подсказал я Раде. – Следи за Вуком внимательно!

Мы оказались в чаще лесной. Густой, чёрной. Не с того начали, да по другому не выберешься, как из одной норы в другую нырнули. Заметил я птиц в небе и к ним мы перекинулись. Снизу расстелилось зелёное полотно леса. От края до края, сколько хватит глаз, колыхалась оно, манящее. Мне долго нельзя здесь, даже мысленно.

Камнем мы рухнули вниз обратно в самую чашу.

Царапали ветки тело, весна будила природу, вся живность наружу вылезла. На земле тепло, трава пробилась свежая. А чуть повыше птицы песни поют.

Солнце пригревает ласковое.

Хочется стать зелёным листом, чтоб его тепло почувствовать. И мы теперь листва.

Лист сорвался с ветки, упал в воду. А мы не лист, мы тяжелее, ушли на дно. Рыбой я не обращаюсь – но можно в выдру. А рыбы вокруг прыгают, сверху утки купаются, гуси

дикие – много птицы здесь.

Ну пора и на воздух, вынырнуть и согреться, и вот мы землеройка, а вокруг копошатся змеи, кроты в земле.

Пора всё разом увидеть ей. Весь лес одним целым почувствовать.

Дышать моими легкими, видеть моими глазами и сердцем слиться с сердцем леса. Кровоток станет реками, руки и ноги – деревьями и кустами, волосы – гибкой травой, тело – живой землей. А душа уйдет в небо – на всю эту красоту посмотреть – а потом упадет обратно – и окажется в теплой норе – в одной сначала, спит там волк, потом в другой – там бурый медведь. А дальше закружило нас, не хотел я это показывать. Но от себя не спрячешься. Останется быстрее отсюда уйти.

А куда не свернешь, отовсюду звонкий девичий смех. Гостята это смеется, но не дается в руки. Вроде рядом, а схватить нельзя.

И снова она нечесаная, с распущенными космами. Как в последнее утро, в рубашке моей, которая с неё сваливается. С чего улыбаться мне знахарке? Уводи нас, Вук.

Мелькнул волчий хвост.

Дальше пошли кусты темные и нежить наша обычная. Морды оскаленные, клыки, разъявленные пасти! И Лешаки здесь пришлые. И упыри завсегда. Как раз те, кого я порубил. Почуял, что Рада боится их. Уйти хочет, но это тоже лес. Надо и их увидеть ей.

– Сейчас нельзя, потерпи, – я ей сказал. – Не по нраву

тебе, так пропусти сквозь себя, не принимай к сердцу близко.

Много пронеслось этой нежити и много дрались они между собою, на части рвали друг друга. Такое случается изо дня в день. То нечисть гуляет, беснуется, то упыри встают, то бегут Лешаки. Так уж заведено у нас.

Пробежались оленем, чтоб выбраться. Из чащи густой да к живой воде. Посмотрели на своё отражение. Оно рябью пошло и вытолкнуло нас. Из мира этого в мир где дом мой стоит. И далек и тот мир от человеческого.

Пока возвращались, тянулось всё. Шелестела листва, пели птички, насекомые стрекотали, всё одним гулом единым собралось. Выдержит Рада или нет? Лес спросил у меня.

– Хозяин, кто с тобой?

И я ответил ему.

– Новая Лесовичка. Примешь на службу?

Ответом лес крепче обвил её тело. Ветви сомкнулись, облепила кора.

– Приму, – был ответ. Радую придушило, но ветви ослабли, она смогла вдохнуть. А потом выбросило нас обратно в комнату. Туда, где и были, на шкуру на пол. Заодно и земли и трухи насыпало. Рада, сидя у меня в руках, открыла глаза. Видела, как прутья разомкнулись, как отпустили её ветви, облетела кора.

Я смахнул с волос девицы землю с листвой. Спросил:

– Как тебе путешествие?

– Это ведь ты был? Ты и наш лес? – говорила она еле как. Видимо, ещё не пришла в себя.

– Так Леший лес свой чувствует. Как часть себя. Как своё тело. Не постоянно, конечно, но можно и так, – я посмотрел вокруг. – Теперь прибраться здесь надо. Всю шкуру засыпали.

– Я уберусь завтра, братец Леший.

– Уберись, сестричка Лесовичка.

– Как ты меня назвал, братец?

– Лесовичкой, Рада. Ты теперь она и есть. Только с Лешаихой не путай. Эти бабы неразумные могут сами из земли и листвы появиться, словно в них кто-то волю и подобие жизни вдунул. Призрак какой воспоминания отдал или колдун пошалил.

– Так что же это значит, братец?

– Ты у меня в услужении. Принадлежишь тоже этому лесу. Но, в отличие от меня, уходить и возвращаться сможешь. Лес тебя будет принимать как родную, звери не тронут, нечисть будет стороной обходить. Отметины на своем теле видишь?

– Где, братец?

– Платье сними, там они. Помочь?

– Обойдусь, братец, потом посмотрю.

– Мужу как-нибудь объяснишь, придумаешь что-нибудь.

Ветви ей синяки оставили, не сойдут с неё эти отметины.

– И зачем тебе это? – спросила меня.

– Сказал ведь уже – мелкая нечисть к тебе теперь не под-

ступится. Друзья мои тоже тебя не тронут, ты мною, как моя, помеченная. И другие побоятся подходить, если меня слабее. Муж твой всё равно не поймёт, синяки да синяки, ну не сходят и не сходят.

– И всё – ничего больше? Кроме отметин на теле?

– Говорю же, в услужении. Только появись в лесу – в один момент могу службу требовать.

Что-то она не обрадовалась.

– Ну всё, пошли спать, Рада, – я с пола поднялся. Рада тоже встала и чуть не свалилась обратно вниз. Я её поднял и донёс до её места с другой стороны постели.

– А могли бы сейчас миловаться с тобой, – напомнил ей.

– Не нужна тебе девица, в другого влюблённая, какой молодец будет этому рад? – ответила. – И мне мужчина не нужен, у которого другая на сердце.

Спустил её на кровать. Хотел уйти уже, а она внезапно задержала меня, схватив за руки. Сказала, заглядывая в глаза.

– Гостиата очень хорошая девушка. Не знаю я, что между вами случилось, но она бы просто так не ушла!

– Передала она, что я ищу тебя?

– Нет, – Рада потупилась, будто пристыженная. – От птиц я слышала. Гостиата не сказала.

Не смогла подружку выгородить.

– Ладно, спи, – я уже почти отпустил, а потом обнял Раду и поцеловал. Просто так, без всякого умысла.

– Что это ты, Алешенька, делаешь? – она спросила сразу

же, как я отпустил.

– А так просто, захотелось, – не смог не улыбнуться, такая она была сердитая. – К чему грустить, скоро рубиться с другой нечистью. Как знать, вдруг завтра все умрём, а ты нормально нецелованная.

И не узнает девица, как приятно поцеловаться с Лешенькой. Несправедливо это, и ни одна девушка несправедливости такой точно не заслуживает.

– Я вообще-то...

– Замужняя. Но уж наверное я лучше твоего селянина. Будешь с ним целоваться, как вернётся, вспомнишь ещё Алёшу.

– Даже ни разу не подумаю!

– Ты ещё скажи, что не понравилось.

– Я тебе тогда отвечу, когда спасёте от беды наши селения!

Ну кто бы сомневался. Опять пошёл торг.

Я обошёл кровать и лёг с другой стороны. Сон не шёл. Может, и хорошо, что здесь сейчас Рада.

Василиса бы и мгновения не думала и началась бы снова моя жизнь беспутная.

Хотя той жизни, может быть, остался день.

Глава 23. Водяной

Рада заснула, а мне не спалось. Выбрался из постели и пошёл проверить дом. За столом застал Водяного.

– А ты что это, Воднейшество, не спишь? Выпить всё равно нету да и не надо сейчас.

– Да знаю, – он махнул рукой. Сидел перед расстеленной картой.

– До Кикиморы не пошёл?

– Да поди спит она, к чему будить?

– Что тогда не в пристройке? Надо чего? – я сел с ним рядом.

– Да ничего не надо, Алёша. Так, сижу, смотрю на карту, думаю думаю.

– Хочешь, вместе твою думу подумаем, – я тоже посмотрел на размеченную на карте территорию. – Завтра столько леса спалим.

– Леший, друзья у тебя, конечно, знатные, – Водяной покачал головой. – Кощей царь, и Горыныч – летающий змей. А я так – нежить речная. И таких как я в каждой реке по Хозяину.

– Ну так а я нежить лесная, и таких Хозяев в каждом лесу. Ты чего это, Воднейшество, начал?

– Да не того ранга я нежить, как-то неловко мне.

– Не хочешь завтра на битву идти?

– Не то говоришь, Алёша. Не о том подумал, – Воднейшество загрустил. – Думаю, сгожусь ли? Я никогда в таких сражениях не участвовал. Не с кем тут у нас рубиться и незачем. Лес, как ты появился, ты и защищаешь. А я... уже давно от дел отошёл. Сiju в болоте со своею страшною бабою. Да ещё и любя она мне.

– Ну так главное что тебе любя. Живи да радуйся, – я его похлопал по плечу. – Живёте вы дружно. Ты речная нежить и она тоже. И никакая она не страшная. Зелена слегка с лица да космата. Да кожа как у жабы бугриста.

– А ты тоже заметил, какова кожа у моей красавицы! – заулыбался Воднейшество. – Хороша шкура у Кикиморы, этого не отнять.

– Ну... да, – поддакнул я кое-как. Видать у разной нежити и вкусы разные.

– И вот пришёл же супостат! Иди теперь, рубись с ним!

– Боишься, Воднейшество?

– Да не то чтобы... – он посмотрел в стол, покрутил рукой. – Не то чтобы... Не сильно я ловок в этом, говорю.

– За реку отвечай, а в драку тебя никто насильно не гонит.

– Да как же я не пойду, Алёша? Неужели я хуже Кошья с Горяном? Ну пусть я нечисть мелкая, низкоранговая. Не такого высокого полёта птица. Налим я речной, но и я сгожусь. Я про другое думаю. Кошья сказал, умрёт из нас кто-то.

– Может, не так разглядел. Мало ли нечисти?

– Да нет, он именно нас имел в виду. Да и уж наверное не

себя, Кощея. Он же бессмертный. Да и не свою жену – она сама смерть.

– Не такой уж Кощей и бессмертный. Про смерть его в игле, что в яйце, только глухой не слышал.

– Ну может. А ведь верней всего, Алёша, что это ты будешь, – он вздохнул глубоко и в карту ткнул. – Врага мы будем в лесные ловушки заманивать и огнём жечь. Посмотри сюда. Правильно я рассудил, что сердце леса недалече от того места, где мы с тобой сидим?

– Да, мой дом аккурат над ним.

– Ну вот, а окружен он мёртвым источником. А по большой дуге живым. И дальше два ручья сливаются в немалое озеро.

– А ты чего эту воду считаешь – ведь не твоя она.

– А всё же вода. И законам природным подчиняется. Стало быть, и мне. Только не годна эта вода для защиты леса. Мало её, да и не того она качества.

– Ты что удумал?

– А то, что если совсем всё будет плохо, я по этим двум руслам реку пушу, и окружит она дом твой и хоть какую-то часть леса. Потому как если весь лес сгорит, стало быть, и ты умрёшь тоже.

– Если мне суждено сгинуть, пусть так, – я помолчал, раздумывая. – Я не боюсь.

– Ты что это, Алёша? – удивился Водяной.

– Ты всё верно говоришь. Мы будем загонять вражину в

ловушку, окружим лесом. И будем сжигать всех огнем. И лес заодно. А лес это я.

– И как же это понять, что ты не боишься?

– До сих пор не пойму, хороший я Хозяин или плохой? Почему Лешаки всё со мной воюют? Почему не перешли ко мне, если так хотят в этот лес? Почему постоянно встают вурдалаки? Какой Леший каждый день бьётся? Я уж привык. Да так быть не должно. Не охотно принимает меня лес Хозяином, а после того, как разрешу пожечь его на корню, так и вовсе он меня отринет. А это и так и эдак смерть. Видать, суждено так.

– Это зря ты так, Лешенька. Тебя всякая птица и зверь уважает. Все в руки идут. Каждая тварь тебя слушается.

– А надо, видать, пожестче. Лес это не лужайка одна с цветочками да травками-муравками. Много всего происходит в лесу.

– Ну ты как хочешь, рассуждай, а я по-другому скажу. Надо будет – я по этим руслам реки пушу, как сразу сказал. Чтоб воды было больше – лес защищать.

– И тогда смешаешь источники с живой и мёртвой водой и ни одного у нас не будет.

– А нам они особо и без надобности!

– Я в своём каждый день купаюсь, – не согласился я.

– Будешь купаться в другом месте. Я тебе реку ближе пушу, вертать не буду. Разберёшься со временем.

Тревожно. Начал заниматься сырой рассвет. Надо бы

немного отдохнуть. Отправил Водяного спать в пристройку, сам вернулся к Раде в комнату.

Девушка спала, раскинувшись по своей половине кровати. Её сын, Радогор, сам добрался до матери и пробовал добыть себе еды. Я растолкал Раду.

– Девушка, у тебя ребёнок голодный.

– А-а, который? – сонно ответила она, высвобождая грудь.

– Да уже оба, – я за ней наблюдал. Она покормила Радогора, не поднимаясь, потом взяла на руки Велислава и привстала, приложив второго ребенка к другой груди. Я положил ей под спину подушку. Рада, прикрывая глаза, прошептала.

– Лешенька, если я засну, положи детей между нами, а?

– Хорошо, Рада.

Она и впрямь заснула. Я забрал у неё ребенка и положил рядом с братом. Посмотрел на Раду. Одел её, накрыл и лёг спать сам. Какое-то время смотрел на детей и на свою руку рядом. Знают мои руки и тепло новорожденных волчат, оленят, другой лесной живности. А теперь подержал в руках детей людских. И те же самые руки мои знают тяжесть топора. Знают, как опускать его на чужие головы.

И лежу я сейчас в кровати с чужими детьми и чужой женой, а её муж умрет завтра, может, и так ничего этого и не увидит.

А сам я? Подсмотрел чужую жизнь за одну ночь. А завтра пойду своей жизнью жить, мне привычною.

Заснул всё-таки. Проснулся уже от того, что Рада сама меня будила. Глаза открыл, понял, что пошевелиться не могу.

А всё потому что на груди у меня спит один ребёнок. На голове второй ребёнок – грызёт мой рог. На животе у меня Баюн, блохастая нечисть, мурчит довольно, а в ногах спит белый волк.

– Девица, признавайся, а ты где спала?

Что-то покраснела она подозрительно.

Со всех сторон обложили, что и не сдвинуться. И это в моей постели собственной. Вот она какая – жизнь семейная...

Глава 24. Накануне

С утра уже все были на месте. Прилетел Кошей. Водяной пришёл сонный. Отлучался всё-таки к Кикиморе. Рада нас накормила завтраком, а после Кошей сообразил для неё одежды поудобнее и подарил меч.

Мы перед облётom территорий задержались, пока ждали Горыныча, с Кошеем вместе тренировали Раду сражаться на мечах.

Ничего путного у неё не получалось. Но вскоре стало выходить. Ну сможет хоть правильно поднять меч, да если вдруг – рубануть как надо.

Прилетел Горыныч, оценил новый облик Рады – но приставать не стал, уважительно ей поцеловал пальчики и предложил на спину забираться.

Рада растерялась.

Тогда сперва он Змеем перекинулся.

Вот и начался этот день.

Нам надо ещё раз, на месте, посмотреть, что где. С высоты полёта взглянуть и на селения, и на реки. А потом задание мы Раде дали – чтоб она заставила всех баб защитной вышивкой и правильными знаками украсить все селенья. И по периметру, и каждый дом. И не от нашей нечисти, от пришлой.

Ещё им надо посадить деревья. Чтоб лесу проложить до-

рожку. За саженцами этими подтянется и остальной наш лес.

Снабдили её всем чем надо. Сначала они с Горяном всё облетели. А как вернулись, ещё всё сверили по карте.

Пора бы уже Раде возвращаться. Один лишь светлый день чтоб подготовить всё и встретить нежить.

Как ей идти в селение – её снова взялся сопровождать белый волк. Я ей сплёл корзинки для детей, чтоб посадила на спину или впереди себя и не тащила на руках. Рада нас выслушала, пересказала все наказания, низко поклонилась и уехала верхом на Вуке – удивлять своих селянок.

А мы уже разведывали местность. Поймали пару чёрных спрутов в моём лесу. Снова обезглавили – допрос уже был не нужен. Кощей увидел всё как на ладони и нам всё показал на медном блюде. Потом на карте. И мы стали собираться.

Ещё по лесу надо разместить ловушек. Кощейке надо много колдовать, а нежити, что мы собрали много – занимать позиции.

Мы ждали Мару.

Прихорашивается она, что ли, перед битвой?

Наконец мы все собрались:

КОЩЕЙ

ЛЕШИЙ

ГОРЫНЫЧ

MAPA

ВОДЯНОЙ

БАЮН

ОСТАЛЬНАЯ СОБРАННАЯ НЕЖИТЬ:

Хотели уже выдвигаться, как в дом мой приходит Кикимора. В руках у неё горшок дымящийся, в нём какая-то зверюга речная плавает.

– А ты как здесь, Кикимора моя дорогая? – смутился Воднейшество, голову чешет.

– Так... убежал ты быстро. Не поевши. Я... вот... – она протянула горшок. – Ушицы наварила. Густой, ароматной, как ты любишь. Да тут на всех хватит, братцы! – она посеменила к столу, неловко передвигая перепончатыми лапами, поставила горшок на стол.

– Да куда ты! – Водяной смутился. – Тут карта у нас.

– Покушайте, братцы, я весь день варила, хороша вышла ушица, забористая!

– Спасибо, красавица, – Горян ей ручку поцеловал.

– Спасибо, краса-Кикимора, – Кощей к груди руку приложил, поклонился слегка.

– За угощение благодарствуем, – я тоже поклонился. – Только горяча уха, а нам как раз выдвигаться надо.

– Так... может, как вернётесь, сразу и откушаете? – суетилась Кикимора. – А я пока в печку поставлю её, чтобы не остыла.

– Эх, хороша ушица! – Водяной ткнулся носом в горшок, запах вдохнул. – Удружила, радость моя, удружила!

– Вот и славно! – расцвета Кикимора. – Только откушайте обязательно! Всё-таки, может, сейчас? Я и на стол вам накрою.

– Пора нам уже выходить, хозяйюшка, – Горян из-за стола поднялся, Кикимору за плечи взял, в глаза заглянул. – Как вернёмся, откушаем обязательно.

– Ты, мать, в болото возвращайся, – начал указывать ей Воднейшество, тоже выйдя из-за стола. – Как я тебе и сразу сказал – сиди в болоте, в реку не суйся. Вообще никуда не высывайся!

– Это правда, уважаемая Кикимора, – Кощей встрял. –

Мы уже на карте всё разметили, и болото ваше тоже. Сиди там и нос из камышей не высовывай!

– Хорошо, братцы, пойду я тогда! – она вместе с нами вышла из дома. На поляне как раз ждала Мара.

– Ну что... – смущаясь, Кикимора подошла к Воднейшеству, руки на него сложила и поцеловала. Да так горячо, что мы, нечисть, в смущении потупились. Разве что Кощей смотрел внимательно, не ожидая такой прыти от Кикиморы.

– А что, завидуешь? – к нему подошла Мара. – Хочешь я, жена твоя любимая, тебя поцелую?

– Ну не откажусь, – ответил ей Кощей, сбивая пламя с черепа.

– Может, личико человеческое покажешь? – жена его спросила. – А то я боюсь пеплом лицо себе попортить.

– Какая ты, Мара, привередливая, – Кощей обратился в человека.

– Вот упущен момент романтический, Кощеюшка! – Мара покачала головой. – Секунду назад хотелось, а сейчас уже не хочется. Ну если будешь драться хорошо, может, я тебя ещё и приласкаю, – и она отошла, вращая мечом и лихо запустив его в ножны.

Кощей вздохнул и повернулся к нам с Горяном, стоящим в одиночестве. Обратился ко мне:

– Выбирай, Леший, хорошо, на ком жениться. А то потом всю бессмертную жизнь мучиться.

– Может, сгинешь сегодня, тогда и мучиться не надо, – от-

ветил Горыныч, отклоняясь от дверей моих. – Ну что, други, пошли уже, что ли? Посмотрим на противника. Кто сверху хочет взглянуть? Лешему не предлагаю.

– Я на колеснице поднимусь, если надо, – ответил ему Кощей, отмахиваясь.

Пошли мы от моего дома на возвышение, откуда будет нам видно, что в лесной низине делается. Кощей нам вид открыл. И на нас, и на них, пришлых. Всю картину да под углами разными.

От края до края раскинулось войско противника. Закат вечерний их в яркие краски раскрашивал. А скоро не один закат художествами заниматься будет. Окрасит всё вокруг в краски багряные и их, и наша кровь.

Много нас, но и противника много. Ещё в вечерних сумерках всё началось...

Глава 25. От края до края

– Ну что, понеслась?

Вечер тихий выдался, сумерки скользили над долиной, медленно наползали на луга и лес серой хмарью. Птицы не пели, ветер не гулял. Видели мы вражеское войско, а вражны видели нас.

Но, вестимо, не всех.

Кто в лесу моём таится, только я знаю. Нечисти у нас много разной. И теперь целая дружина Лешаков.

С неба нас будет прикрывать Горыныч – но не одна он у нас тварь летающая. Предвестник Мары с ней же. Кощей на своей колеснице. Всем желающим выдали ступы.

Как и хотел, Кощей растянул по лесу свою колдовскую сеть. Но для начала надо нам врага разбить и заманить в ловушки.

Колдуны у них верховодят нечистью – если колдунов убить, оно, конечно, нечисть пришедшая сама по себе не исчезнет, но станет неуправляемой. Уже своей волей будет обладать. И захочет ли она воевать с нами, или часть домой поспешит? А какая-то часть их, что послабже, без вязи магической и колдовской поддержки сразу испарится.

Посему нам надо разбить колдунов.

Их главный сам колдун, но не с колдунами выступает, а со своей дружиной человеческой. Пленники в их же лагере

– в клетках сидят. Держат их изнуренными – без воды и еды. Но то не так страшно. Не скажу, что на них у нас большая надежда. Хотя человек умом крепок и на местности маневренен. Пригодились бы. Нежить хоть сильна и хитра, но бесполкова. Надо за нею следить.

– Леший, ловушки готовы? – Кощей рядом садится, что-то прикидывает.

– Мои да, все на своих местах.

– Надо разбивать на части врага и гнать в лес.

Для того у нас Мара есть. Её в самую гущу сбросят. После того как Горыныч пролетит.

– А ежели не пойдут они так как мы думаем? – я сомневаюсь.

– Я и проходы наплёл магические по твоим тропкам лесным. Пойдут как милые, ты уж тоже следи.

– Ну так что, я того? Полетел? – подошёл Горыныч. – Вон Маре не терпится. Я уже не могу слушать про их с Кощеем жизнь семейную. Пойдёмте уже драться?

– Это что она тебе такое рассказывает? – Кощей удивляется.

– Да всё больше про яйцо твоё.

– О как! Она про то что знать может? – Кощей встрепенулся. – Неужели, баба хитрая, у себя моё яйцо держит?

– Да видать оба держит, и крепко! – Горыныч усмехнулся.

– Тьфу ты, нечисть крылатая! – Кощей на Горыныча мечом замахнулся. – Я серьёзно ж, а он всё шутит!

– Испугался всерьёз, нечисть костлявая? – Горыныч смеивается.

– Хорошая у Кощея жена, зачем ругаться на неё? – Водяной брюхо почесал. – Горыныч уважаемый, а ежели у тебя триста детей, стало быть, у тебя под сотню жён?

– Говорил же он, что дети по три штуки рождаются, – Кошей поддакнул.

– Ну так и есть, ровненько их сотня, – согласился Горян. – Други, ежели случится что, умру я, у меня сотня жен!

– И триста детей, – повторил Кошей.

– Я не знаю тебя, нечисть крылатая, – быстро ответил я Горяну и повернулся к Костейшеству. – Кошей, а ты знаешь?

– Его? Первый раз вижу, – Кошей отмахивается. – Э, ты кто?

– Сто красавиц! – Водяной слюни распустил. – Эх! Мне моя Кикимора даже заикнуться про них не позволит. Сто красавиц...

– А ведь и то правда! – спохватился Кошей. – Алёша, подумай, у него сто красавиц где-то по горам распихано! А если сгинет Змей, кому такое добро достанется?

– А они у тебя все бессмертные? – решил уточнить я.

– Ну после встречи со мной стали, а как же! – Горян почесал подбородок.

– Сто бессмертных баб и триста детей, – Кошей вздохнул. – Горян, а дети-то не все малые? Ты их когда начал строить в таких количествах?

– Да кто-то уже и богатыри могучие, а кто-то Змеем летает, да по другим местам. У нас всё строго поделено. Зачем им на батькину территорию?

– Так тогда пусть сами своих мамок кормят, – рассудил Кощей. – Ну а мы, если что, утешим. Алёша, я жадный, на то я и Кощей, но всё ж таки сто – да к тем, кто уже имеется! Это надо быть Горяном, чтобы везде успевать. Поделим их поровну?

– А как же?... – начал было Водяной.

– А тебе Кикимора не разрешает, – быстро напомнил ему Кощей.

– А у тебя Мара каждую красавицу поделит, тоже ровно – на две части. А начнёт с тебя, – напомнил я.

– Други, я ещё даже не помер! – возмутился Горян. – Может, рано начали моих жен делить?

Глава 26. Прыжок Смерти

– Может, рано начали моих жен делить? Ну если что, у меня и список есть! – Горян повертел рукой в воздухе, перед ним образовался магический список.

– Что там у тебя, твои жены?

– Они. Как звать, где живут, куда лететь, на солнца рассвет али от него – всё указано.

– Ну давай сюда, – Кощей протянул руку, поколдовал. Список разделился на три части и упал ему, мне и Воднейшеству.

– Где твоя ведьма живет, Алёшенька, и где твоя Кикимора обитает, уважаемый Воднейшество, мы все знаем, а вот... – Горян взглянул на Кощея, потом на скучающую в сторонке Мару.

– А за ней приглядывать не надо, это она за вами приглядывает, – отмахнулся Кощей. – А ежели я сгину, она ещё сама кого-нибудь из вас приберет. Если не всех сразу.

– Кощеюшка, ты ж бессмертный, ты уж не помирай!

Не хочется как-то, чтобы тебя Смерть прибрала. Вроде и помер уже, а всё равно неохота.

Я посмотрел вниз.

Расположились мы на лесистом холме, в самой высокой его чаще. Внизу по долине простирается лес, перерезанный извилистым руслом реки. Выходит река в долину, на ши-

рокие просторные луга, обрамленные поначалу редким подлеском, переходящим в густую чащу. И по той долине сейчас идёт большое вражеское войско.

Много ли они знают про мой лес?

Разведчики ходили по лесу, кого-то порубил я, но наверняка кто-то в свой стан вернулся и всё что вынюхал – рассказал и показал. Идут они захватить землю и дальше двинуться. Много ли им проку от здешних поселений? Мужчин уже забрали. Заберут ещё баб и детей, стариков убьют. А, может, всех убьют. Но то вряд ли – женщин и детей тоже хватают – все сгодятся в рабы. Знают ведь, что нечисти в наших лесах полно. Но вывели ли, что объединились мы?

У них сильные колдуны.

– Горян, темно, тебя с воздуха, может, сразу и не заметят? – спросил Змея.

– Ну я совсем бесшумно летать не умею, – Горыныч оценивающе осмотрел лес. – Мне в любом случае выдвигаться, едва они к кромке леса подойдут. Полечу над лесом, а над ними поднимусь и сразу огнём. Тут они врассыпную бросятся, и сразу по магическим тропкам в ловушки.

– Нельзя так, – Кощей покачал головой, сбил пламя с черепушки. – Ты брюхо откроешь, шею, пасть подставишь свою змеиную, если так низко будешь атаковать.

– А что ты предлагаешь? – Горыныч вниз смотрит, руками водит, разминается.

– Облтай кругом, заходи с тыла, как и оговаривали. Ог-

нём их и шугнёшь в лес.

– Мару сбросишь, она ещё и подгонит кого надо.

– А людей кто пойдёт со мной освобождать? – Мара к нам подходит. Уже в доспехе, красивая. На блестящем металле последние лучи заходящего солнца отражаются.

– Я пойду, – ответил ей.

– Я могу сходить, – предложил Водяной.

– Нет, сиди в реке, – не согласился Горыныч. – Всё будет гореть, следи за пламенем. Если получится колдунов в круг загнать, я огонь ещё раз пущу и Кощей пустит. Магией подержит, а я крыльями разогнать смогу, как экран сработают. Выжгем до пепла.

– Надо стену воды поднять будет, – предположил Водяной, потирая подбородок.

– Надо, сделаешь? – спросил Кощей. – Ты здешний речной Хозяин, мы уж других не звали, на тебя надеемся.

– Моя река, меня послушается, – Воднейшество обиделся.

– Вот и хорошо, да я так, предупреждаю, что горячо будет, – Кощей оправдывается.

– Ну что, мальчики, полетели или как? – Мара вниз поглядывает.

– Пусть чуток поближе подойдут, – Кощей отвечает.

– Ближе то ближе, да ведь и они не просто так, тоже к штурму леса готовятся.

– А в небо смотрят?

– А кто их знает? Они про тебя ведают?

– Да видели скорей всего разведчики, что Змей у нас есть, – я ответил. – Вон он сколько туда-сюда в последнее время летал.

– То, может, по своим делам... – Мара головой покачала. – А у них есть нечисть летающая?

– Нету.

– Хоть тут повезло. В воздухе мы хозяева... – она ещё раз взглянула вниз. – Горян, по мне так пора.

– Пора так пора. Забирайся на меня, красавица! – он подошёл к жене Кощея.

– А как ты предпочитаешь, Горянушка, снизу меня возьмёшь или оседлать тебя сверху?

– Горян! – подал голос Кощей. – Я передумал. Летите через лес да пониже. И сразу к самой гуще лучников.

А мне шепнул.

– Повезёт, может. И одним разом и свободным Кощеем стану, и сто красавиц мне останутся.

– Понял, облечу да кругом побольше, – Горян приготовился разбежаться. – А тебя, красавица, подхватчу, как обернусь. Ты прыгай повыше или вон пусть Кощей тебя на ступе запустит.

– Сама справлюсь, – ответила Мара, готовясь. Она надела шлем. Горян разбежался, прыгнул с холма, поднялся над лесом бесшумной тенью уже Змеем летающим. Небольшой кружок сделал, вернулся к нам. Мара руку подняла, подхватил он её лапой, раскачиваясь, она ему на спину запрыгну-

ла, одной рукой обняла за шею, вторую положила на рукоять меча. Они поскользили над лесом, уходя в сторону. Знаю, что не показалось мне. Полетело в них несколько стрел. Заметили. Может, не поймут, что это, да откуда появится?

– Ну вот и всё, – Кощей потёр руки, напряженно свёл пальцы, натягивая свои ловушки. – Началось.

Глава 27. Гори огнём

– Да что ж мы его никак не завалим? – Кощей злится, а я, уже признаться, тоже рубить эту кучу земли устал.

– А-а-а-ррр! – голем сбил меня с ног. А это значит: засыпало землей, да так, что сразу не выберешься.

– А-а-а-рррр! – раздалось откуда-то сверху, а потом содрогнулась земля. Монстр остервенело топал ногами. Прыгнул. Чудом я увернулся. Выбрался только, опять чуть не попал под мощную лапу. Рубанул её топором. Ушёл топор в землю. Не застрял, увяз. Еле вытащил. А голему хоть бы что.

– Ты живой, Леший? – Кощей откуда-то сбоку кричит. – Вали уже этого землекопа!

– А что его толку валять? – я сам успеваю едва, перекатываюсь. – Он из земли весь, руби не руби – ему от этого ни жарко, ни холодно... А от валяния тем более.

Говорить тяжело, занят я. Со всех сторон ещё и другая нечисть нападает. Успевай только руби да близко не подпускай. И от мощных лап да ног земляного голема уворачивайся.

– Неужто силой землицы питается? – Кощей кричит, спрашивает.

– Нет! – я опять рублю безуспешно. Цепи с топора нового распустил, проходят они сквозь землю, а тело вязкое не пилят, на куски не растягивают. Как прореха пошла, так сразу

и срослась.

– А как он тогда сильный такой? – Кощей тоже рубится. И ему недосуг. Нападает нечисть. И зубами рвёт, и клыками. И когти в ход пускает длинные. А Кощею ещё сеть магическую держать. Её всё порвать пытаются. Поняли быстро, что задумали мы. Кто-то попался, брыкается. А кто никак в загон наш не идёт. И мне тоже как за лесом следить, если рубиться надо направо и налево? Устроил я ловушек сколько смог. Одна надежда, что сработают самостоятельно. Много и зверя у меня понятливого. Будут своё защищать да вражину куда надо гнать.

Как же жалко свой лес!

– Как сильный? Сам по себе силён. Как он дошёл только до нас?! – я снова увернулся. Тут же образину какую-то страшную зарубил. И заметил, что втянулась образина эта в земляное големское тело.

– Кощейка, он нашей землей не питается, он всё, что от их войска остается, кого мы порубили, в себя втягивает.

– Мусорщик что-ли? – Кощей не понял.

– Да я бы знал? – я отскочил снова. – Был бы просто мусорщик, чего бы на нас нападал?

А голем этот прорвался хорошо вперёд. И за ним всякая нежить мелкая цепочкой тянется.

Горян с Марой слетали хорошо. Змей и огнём пожёг знатно, и Мару удачно сбросил. Где-то она рубится – в самой гуще, впереди. Мы с ней ещё друг с дружкой не встретились.

А должны же вместе идти людей освобождать. Только я тут с големом застрял, да Кощею помогаю. Слежу за его ловушками в лесу, да за тем, чтобы колдуна, который те силки да сети натягивает, самого не порубили.

– Может, огнём его? – Кощей бросил пробный шар огненный.

– Ну и как? – я уже и без особых ожиданий.

– Да никак, – Кощей со злости рубанул сразу двоих одним ударом.

– Водой бы его размыть, – вдруг идея возникла у меня. – Слышишь, Кощей, как река землю размывает, так и здесь получится!

– А я те где воду найду, Водяной вон всё на пожары пускает! – Кощей откликнулся. – Ты как, кстати, Алёша?

Как тут будешь, с тушей такой рубясь, да безуспешно.

– Плохо я, – ответил коротко. Конечно, плохо. По жилам огонь течёт, ломит жар кости. Лес горит, стало быть, и я горю. Не успевает всё тушить Воднейшество. А Кощей с Горяном жечь не успевают – больно много нечисти.

– Главного бы колдуна их зарубить! – кричит Кощей мне, а сам в небо смотрит. Я тоже взглянул. Горян там летает, подлетит, огнём пальнет и назад. Мара одна в окружении, к нам пробивается. А мы с этой стороны пока со всей нашей нечистью. Сказать Горяну забросить ещё кого к Кощейевой супруге? Да как его подманишь, тут всё ещё есть лучники. Подмяли мы многих – они же первыми шли. Так колчаны

попрытали, тоже мечами машут. Да всё одно небезопасно.

Загляделся я, видать, в небо беспокойное, наблюдая за Горынычем. Да пропустил мощной лапы удар. Прижало меня к земле, приплющило. Ногой на меня встал голем и вдавил посильней.

Затрещали мои кости, поломались ребра. Воздух из легких вышел, вдохнуть нельзя. И больно, и держит нежить так, что не пошевелишься. То не смерть ещё. Это знаю я. Но неприятно вышло.

Прижатый к земле, закрыл глаза, обратился к лесу, чтоб дал мне сил. Не слышит лес. Горит лес. Что ему сейчас Леший, который не может его защитить? А я лежу да смотрю, как трава на ветру тихонько колыхается, да листья сметает с деревьев ветер.

Ветер мне нужен. Если не вода, тогда он. Пусть разнесёт кучу эту окаянную. Только надо помочь бы сначала.

– Дай мне сил. Я хозяин, имею право требовать! – сказал лесу. Забрал сам. Топор сжал в руке, цепям приказал вокруг ноги големской обвиться да сдавить её. Натянулись цепи. Так я рассчитал, чтоб перебили они ногу, чтобы не просто насквозь прошли, а зацепили с собой земли нечистой побольше. Только подкосилась нога, рванул я цепи, понял, что туша вся на меня упадёт, перекатился и вскочил. Тело заныло недовольно, отозвалось болью в каждой косточке. Но медлить некогда. Плашмя взял топор, и как лопатой, лезвием давай от голема части отрезать да расшвыривать.

– Ветер, поднимайся, – сам шепчу. – Поднимайся, ветер, развей вражину так, чтоб не собрался он!

Кощей понял, кажись, что происходит. Сам пассами своими волну создал. И Горян с неба понял. Подлетая, завис над нами, махнул крылами пару раз, хоть и опасно ему так низко спускаться. Одолели мы чудище пришлое. Развеяли. А я поднялся, завидел, как доспех Мары мелькает впереди, да волос её светлый приметный, из толпы её выделяет. Оставил Кощея. Поковылял к ней.

Кто сейчас в выигрыше, кто в проигрыше, не понять пока. И их полегло много, и нас.

А сами мы пока держимся, а вот же хуже, чем ожидали.

Глава 28. Багровая река

– А-лё-ша, ты вовремя! – рубилась она неистово. Наверное, я даже замер на мгновеньице, загляделся. Хороша Мара в бою, аж мороз по коже. Это когда внутри пожар – ещё более удивительно.

– Спасать не будешь? Видишь, теснят девицу! – крикнула она, отбиваясь на все четыре стороны. В самого крупного её противника я кинул топор. Тот самый, с цепями. Зарубил. Топор подхватила Мара, он обвился и вокруг её руки тоже – вот чёрное оружие предательское, не на одного служит Хозяина. Рубанула и топориком красавица пару раз, а потом бросила назад мне.

– Не по мне такая махина, не женское оружие, – сказала жалостливо. А ведь врёт. И спасать её не надо вроде, сама хорошо справляется. Да много лезет на неё нечисти. Ну теперь уже, за мной следуя, и наша лесная нежить сюда добралась. Дружина Лешаков вот совсем рядом рубилась.

Ещё одного упыря иноземного разрубив, Мара выбралась ко мне.

– Ну пошли, Лешенька. Тебя надолго задерживать нельзя. Я чую, что муж мой слабеет, и ему чтоб сети колдовские держать – помощь леса нужна.

– Давай вдоль кромки леса и пойдём.

А то ведь мы уже в подлеске. Был он тут раньше. Сейчас

уже сравнивали с землей. Так что Лешенька-то по краю ходит. Уже тянет назад, дальше не пускает привязь.

– Пошли. Люди вон, в клетях.

Я увидел людей. Сидят, изнуренные. Смотрят на сражение. Такое видеть глазам человеческим – тяжело. Но и люди уже привыкнуть должны. Не первая битва, где встречаются они такое. Сами же участвовали, сами вот и в плену сидят.

Побежали мы к клетям.

Охрану порубили. У первой клетки Мара замешкалась.

– Воеводу бы их сперва освободить, чтобы рассказать, что как. А то бросятся врассыпную, неразумные.

– Ты почему нас неразумными называешь, красавица? – мужчина один сказал. Сидит он на полу, голова опущена. Волосы спутанные закрывают лицо. На руках верёвки. Поднял мужчина на Мару глаза, её рассматривая.

– За красавицу спасибо, – Мара приосанилась. Протянула руку сквозь прутья клетки, прикоснулась к подбородку мужчины, приподнимая его лицо. Взглянула оценивающе. – И сам ты красив. Пойдёшь ко мне в услужение? Будешь как сыр в масле кататься, на шелковых перинах спать.

Вот шельма.

– А ты сама кто будешь? – спросил её пленник.

– Я царица буду, – Мара ответила. Что же не добавила, что Царица Мёртвых?

– Хороша ты, девица, спору нет, – мужчина поднялся на ноги. – Да есть у меня уже своя царица. Дома меня ждёт.

– Ты хорошо подумай, – не сдавалась Мара, рассматривая то ли мужчину, то ли его клетку. Там, кроме него, ещё сидели человек несколько. Все они разговор слушали да на Мару поглядывали. Ежели она у всех их будет спрашивать, то мы назад не скоро выберемся.

– Это Велимир, Мара, он как раз воевода их, – сказал я жене Кощеевой. Не сразу я его узнал, а потом уже сам догадался. Сын на отца похож.

– Так ещё лучше что воевода, – Мара стрельнула глазками. – Это очень мне по нраву!

Сама она руками проверяла на прочность клеть.

– Колдовство на ней? – спросил я.

– Оно, – шепнула богиня смерти.

– Значит, точно не пойдёшь, предложением моим не соблазнишься? – Мара вытащила меч.

– Выпорет тебя Кощей, – сообщил ей я.

– А ты предложи ему! – Мара оживилась. – Предложи, Алёша! Может, внесёт оживление в нашу семейную жизнь! А то моих намеков Кощеюшка не понимает.

– Как бы он там сейчас не издох, пока мы треплемся, – напомнил я.

– И то верно! – Мара размахнулась и перерубила мечом клеть. Я растянул в стороны прутья. Велимир вышел. За ним выбрались остальные.

– Спасибо, красавица, – Велимир сделал полупоклон. – Нам бы наше оружие да мы вернемся в бой.

– Не горячись, Велимир, – Мара назвала воеводу по имени. – Есть к тебе важное поручение, – она приобняла его, повернув в сторону вражеского стана. – Знаешь, где главный их сидит?

– Знать-то знаю, но как туда подступиться? – воевода взглянул на беснующуюся нечисть.

– Подступишься, за то не волнуйся, – продолжила Мара ласково. – Нечисть мы на себя берем. С нем вы всё одно не справитесь. А вот Колдун супостатов – человек. И от нечисти он дюже хорошо заговорён и духами своими охраняем. Стало быть, сподручнее его убить будет тоже человеку. Понимаешь меня, воевода Велимир?

– Как не понять, красавица. Только пустите меня к нему, дайте подобраться! – ответил Велимир богине смерти.

– Дорожку проложим. Да обычным мечом не убьёшь Колдуна, – Мара сняла с пояса ещё один меч. – Возьми-ка мой!

– Что за дар диковинный, красавица? – Велимир осмотрел оружие.

– Меч смерти. Колдун иноземный против такого оружия ничего не сделает, – Мара привздохнула. – Хороший ты воин, статный, и красив... Но не самый сильный здесь. Вот он, чую, сильнее! – она махнула в сторону на стоящего чуть поодаль и внимательно слушающего нас мужчину.

– Подойди-ка и назовись, – приказала она. Мужчина подошёл степенно, оглядываясь по сторонам. Подкатилась вражина нечистая, он схватил её за горло, свободную руку вы-

тянул.

– Дайте нож мне, – сказал.

Я кинул ему нож. Мужчина перерезал напавшей твари горло, отпихнул её и пошёл дальше.

– Благодарствую, – ответил мне и нож вернул.

– Ты смотри, хорош и впрямь. И нежить хорошо видит! – похвалила Мара.

– Да мы все нынче её видим, – подал голос Велимир.

– Нет, то лазутчик был. Из нежити, что за пленными следит и охраняет вас. Ты его не заметил, он скрывается хорошо, а вот он заметил. И убил, – Мара, не отпуская из своей хватки Велимира, поманила второго мужчину к себе ближе.

– Как звать тебя? Пахнешь почему-то знакомо... – она повернулась ко мне. – Лешенька, уж не родственник он девки той, из последних твоих?

– Её отец, – ответил я, соображая, что снова создали мы Раде проблем. – И не девка она моя, а гостьей была в моём доме. Велимир – свёкр её, она замужем.

– Радимир я, – мужчина подошёл. – Что ты хочешь от нас, красавица? Дружина сильно ослабла, но ещё сгодимся.

– Силён ты, – Мара положила руку Радимиру на грудь, – и тёмная кровь в тебе есть. Так почему же Воевода не ты, а он? – она ещё раз взглянула на Велимира. – А, поняла, он хитрее будет. Прозорливей. Тоже качество нужное. Вражды между вами нет?

– Нет, – ответил Велимир. Радимир же промолчал. Зна-

чит, тёмная кровь Рады ни от какой ни от бабки, а от её отца и его родственников?

– Хорошо, – продолжила Мара. – Меч отдай! – она забрала у Велимира свой меч и передала Радимиру. – Вот ты своей рукой зарубишь Колдуна. Так вернее будет... А ты, – она снова повернулась к действующему воеводе, – его проведёшь. Найдёшь Колдуна, удержишь. В общем, поступай, как знаешь, а должны вы вдвоём Колдуна вражеского убить! Поняли меня?

– Поняли, красавица, – в этот раз ответил Радимир, – а дружина наша что же?

– Дружина ваша поступает под командование Лешего. Это вот он! – она ткнула в меня пальцем. И вы тоже поступаете, как только освободитесь. А если Леший помрёт, тогда под моё командование.

– А почему бы нам не быть самим по себе? – спросил кто-то. Мара уже привычно выяснила, что звать того Зоран.

– Сами по себе вы много беды наделаете. Не ваше это сражение.

– Как не наше, когда наша земля и наших жён и детей защищаем! – вспыхнул Зоран.

– Не горячись, Зоран, – осадил его Велимир. – Мы в клетках сидели, не видали, что происходит. Не знаячи бросимся рубить кого ни попадя, натворим беды. А так вижу, что много нежити и на нашей стороне!

– Ты мой хороший! – Мара погладила его по щеке. –

Вот! Слушайте своего Воеводу, он дело говорит. Сейчас мы остальные клетки порубим, соберётесь, выслушаете ин-структаж. Леший – живая вода с собой?

– С собой, – я снял с пояса фляжку. Мара её сразу забрала, чуть поморщившись.

– Все сделают из этой фляжки глоточек – сразу полегчает вам. Если на ком чары или морок, вражиной наложенный, я сниму.

– А снимать чары будешь, поцелуем своим одаривая, красавица? – кто-то из них спросил. Кто помоложе. Узнал я от-рока из Волчьего братства, что в лесу моём ошивалось.

– Могу и поцелуем, – кокетливо ответила Мара. – Только за мой поцелуй некоторые жизнью расплачиваются. Но если очень тебе хочется! – она сделала шагок к спросившему.

– Ну-ка цыц, – я её одёрнул, схватив за локоть. – Пошли уже остальных освобождать.

– Ну что ты, Лешенька, ни себе, ни людям, – надулась красавица.

– Мне вот они точно не нужны, – ответил я. – Да я и не человек, и ты, кстати, тоже.

Мы пошли к клеткам. Рубили вдвоём, чтоб быстрее. Освобождённых сразу, ещё чумных, отправляли к Велими-ру, чтоб вопросов не было. Шёл за нами тот самый Зо-ран и ещё какой-то мужик, собирали пленных, провожали к остальным.

– Ну не человек и что? – Мара продолжила разговор, не

переставая рубить клетки. – А тоже мне хочется любви и ласки! Рада твоя, значит, замужем, а у тебя ночевала. И я замужем, а меня ты прогнал! Какой-то ты, Лешенька, непоследовательный и со мной неласковый! Обижусь я на тебя!

– Дурная ты женщина, Мара. Не прекратишь, я тебя сам выпорю.

– Так я не против, – она ко мне повернулась. – Люблю тебя, конечно, Лешенька, спасу нет. Так бы и расцеловала.

Она действительно меня поцеловала. В лешачью морду. Нахмурилась.

– Умрёшь ты скоро, Алёша.

– Ну если смерть целует, чего ожидать хорошего? – спросил её, разрубив ещё одну клеть. От поцелуя её холодом могильным веяло.

– Так ведь жарко тебе, жилы горят. Лес твой вон, в щепы обгоревшие превращается, – Мара кивнула на обугленный остов леса. – А так хоть прохладу почувствовал. Я, Алёша, ничего просто так не делаю.

– Спасибо и на этом, – ответил. Пленников мы освободили. Пошли обратно, проводить инструктаж.

– Ты пока не помирай, Леший, не вздумай, – снова продолжила Мара, пока дружина Велимира пила живую воду. – Кощей слабеет. Не сможет он один силки в лесу держать. И оборону не сможет держать, не выдюжит. А если лес твой стгорит, и вовсе план наш провалится. Освободим пленённую нежить, и помчит она дальше, и нас задавит.

– Неужто за мужа волнуешься? – удивился я. – Бессмертный же он.

– И толку мне от его бессмертия? – Мара нахмурилась. – Обгорит опять весь до скелета, и что мне с ним делать? Снова в подвале на цепях подвешивать, ждать пока он оклемается? Так он и тысячу лет провисеть может.

– Ты бы водичкой поить не забывала, может, быстрее бы оклемался, – предположил я.

– Вот мне помнить о всякой ерунде ещё! – Мара вздохнула. – Ну вот помрёшь ты, Кощей помрёт – мне к Горяну идти сто первой женой? – она на меня выразительно взглянула. – Горян вон уже тоже давно раненый летает. Припадает на одно крыло... Кстати, я, если что, за его жён не в ответе. Я не мужик и мне этот гарем даром не сдался. Сгинет их муж, пусть как хотят, так и живут – хоть в артель женскую объединяются. Знала же поди каждая, что таких, как она, ещё девяносто девять.

– Злая ты, Мара.

– На то я и смерть. Эх... ждёт сегодня кого-то злая смертушка! – она рассмеялась. Потом обратилась к людской дружине:

– Ну что, красавцы, все живой водицы выпили?

Ей закивали.

– Молодцы, а теперь соберитесь поближе, я вас окурю пудрой специальной! – она сняла с пояса маленький мешочек, высыпала на ладонь пудру и дунула. Густой дым поднялся и

быстро окурил всех присутствующих.

– Это что, Мара, за порошок такой? – спросил я.

– А, это? – она ответила громко, чтобы всем было слышно. – Это прах с тела моего собранный. Да шучу, конечно. Прах с тела мужа моего, Кощея. Или песочек, если хотите, который с него сыпется. Из самых интересных мест.

Некоторые закашлялись.

– Да снова шучу я. Лешему скажу на ушко, что это, а вам не стоит беспокоиться.

– Ну и что это? – спросил я.

– Прах его сожженных любовниц. Тех, с кем его с поличным застукала, на месте преступления.

– Снова шутишь? Мара?

Она промолчала.

– Это я с собой чуть-чуть взяла, а у меня этого праха несколько бочек. Порох из него буду делать. Подорву Кощея на нём, если и дальше будет меня изводить. Вот чувствую я себя неотомщённой! – она рубанула ладонью по воздуху. – И вы, нечисть окаянная, все оборону держите, не даёте мужу рога пристроить.

– Любим потому что все тебя как один, – признался я и поцеловал её в макушку.

– Ой-ёй! – вскрикнула она. – Лешенька, ещё хуже стало! Ты горишь весь, иди в речку прыгни, что ли! – она подула на меня и помахала ладонями.

– Да речка не близко. Ты инструктаж будешь проводить

или нет?

– Пусть чуть-чуть отдохнут и окрепнут. Нежить наша вроде супостата теснит, справляется. И тебе и мне тоже передышка нужна. Всё идёт как надо, – Мара ответила.

– Так, народец! – она повернулась к толпе. – Простой инструктаж по нежити. Ежели она на вас не нападает, убить не хочет, так это наша нежить. За нас воюет. Её не трогайте. А ежели нежить хочет вас убить – то эта вражина поганая. Ясно вам?

– А почему нежить наша нас трогать не будет? – не понял кто-то.

– Сказала же уже. Окурены вы пеплом Кощеевым. Вас ни одна наша нечисть не тронет! Ну и не такая она у нас бестолковая. Разберёт, кто есть кто! Для вас задание простое – рубить вражин человеческих, к нежити не подступаться. И убить Колдуна. Ваш воевода в курсе. Подход к их стану мы вам обеспечим. Ну вот вкратце и всё! – Мара повернулась ко мне.

– Так что, всё-таки не прах любовниц, а Кощеев пепел? – переспросил я.

– Пепел Кощеев, что по дому собрала, пока он с горячей черепушкой разгуливал. Рог твой толчёный там же.

– Мой рог? – удивился я.

– Ну Кощей их домой таскал, сбитые рога твои, как трофеи. Я так понимаю, у тебя же новые отрастают сразу.

– Так и есть, хотя сейчас хуже растут, один вон постоянно

ломается. А ты, стало быть, всё подбираешь.

– Видишь какая я хозяйственная! – она снова подбоченилась.

– Да, ты хороша во всех отношениях.

Хотя, конечно, про хозяйственную Кощей горячими слезами много плакался. Но да не суть. Мара продолжила.

– И красавица я, и мастерица, но вот разве что Мара. Так и мужчины рядом со мной мрут и мрут, мрут и мрут. Вот один задержался, потому что бессмертный. Вроде живём, вместе царствуем. А что ты думаешь, то яйцо? Скорлупка у него хрупкая. Чуть сожмёшь, треснет. А иголка – что та иголка? Тоже тонюсенькая, палец дрогнет и сломаешь. Эх! – она махнула рукой. Я поймал её за эту руку.

– Мара, так и впрямь у себя держишь смерть Кощееву?

– Ой, да не про то речь, – она попробовала вырваться.

– Нет, Мара, стой! Что ты там про скорлупку и иголку говорила? Ты что, раздавила яйцо со смертью Кощеевой и сломила иглу?

– Ну что сразу сломала? – она насупилась. – Ну любопытно было, но не более того.

– Так ты нашла и остров, и гору, и дуб, и ларец разглядела, и зайца вынула?

– И что? – Мара смотрела с вызовом.

– Где игла, Мара? – спросил я.

– Где, где! – передразнила она меня. – В сердце у меня та игла, доволен?

– Как это она у тебя в сердце? – не понял я.

– А вот так! – Мара развела руками. – Открыла ларец, поймала зайца, съела его вместе с уткой и яйцом её. Так игла во мне и оказалась. Проткнула меня изнутри, выросла мне в сердце. Вот и маюсь я который век, ношу внутри себя смерть мужа своего. Вот и болит, ноет всё нутро – колет его та иголка, напоминает о себе.

– Это как же ты и зайца, и утку, и яйцо съела? – ещё больше удивился я.

– А так... Лешенька? – она посмотрела лукаво. – А вот как Заяц умудрился Утку съесть, ты никогда не думал? Тебя то не смущает?

– Так ты... стало быть... выдумала всё? – опешил я.

– Может и да, а может и нет, – она хитро подмигнула. – Я вообще хорошая выдумщица. Надо же как-то развлекать себя бессонными ночами, пока муж любимый, Кость проклятухая, по Василисам летает.

– Мара...

– Отдохнул? Пошли рубиться дальше. Надо когда-то эту битву заканчивать.

Супостата мы теснили, но бой шёл тяжело. Что Горян ранен – уже хорошо видно. Мара устала, я вымотался, Колдун главный – вожак вражеский – ещё не убит. Не вышло у людской дружины первое наступление, отходить им пришлось, а нечисти их прикрывать. А теперь у Колдуна того и получше защита. Что проигрываем мы, мне думать не хотелось. Лес

горел, Водяной тушил, как мог, а при всём при этом Кощей с Горяном продолжали выжигать врага. Да всё на меня оглядывались. Терпеть уже не было мочи.

Я умирал.

Водяной следил за нами из реки. При самой крайней необходимости рубил залётную нечисть. Пожары он тушил, не подпуская огонь к сердцу леса, но при этом пламя, которым Кощей и Горыныч жгли врага, сбивать не мог. Не имел права. Я всё понимал, но не было сил терпеть. Для себя я решил, что нельзя сгореть, пока не убьют Колдуна. Тогда уже и ловушки наши отработают, оставшуюся нежить так порубим, а я... Я свою миссию выполняю, когда больше не будет надобности в поддержании Кощейевой сети в лесу.

Рубились мы долго.

Долго, яростно, вгрызаясь топорами и мечами в плоть, ломая друг другу кости. Много крови приняла в себя наша земля. Красной и влажной стала почва. И казалось, нет конца этой битве, а всё же замаячила впереди надежда.

Всё больше нежити согнали мы в силки. Всё больше пришлых людей полегло из чужой дружины, из вражеского войска. Всё меньше и меньше оставалось тех, кто охранял их колдунов и главного колдуна. А всю нечисть вокруг врага мы перерубили.

Мара много надежды возлагала на людскую дружину. По её словам – того человека должен убить человек. От любой нежити он заговоренный.

Я следил за тем, как медленно, но верно, подбирается к Колдуну Радимир. Шёл он по чужим телам, срубая головы, уверенно, неотвратно, грозный и тёмный, как гора. Дружина их яростно помогала. Времени оставалось мало.

Отлучался на время Горян, отлучалась и Мара – летали они посмотреть, держится ли там Рада? Обещали, что будут заглядывать и заглянули. Только я и Кощей не были. Заняты мы здесь. Держим сеть.

– Алёша, ты как, держишься? – Кощей спросил.

– Не знаю, – я ответил. – Уже не чувствую тела. Один огонь по жилам течёт.

Леса сгорело много. Стояли мы на хрустком слое горячих углей и пепла.

– Не доберутся люди до Колдуна... – Кощей помотал головой. – Надо его отвлечь посильнее, заставить за нежитью своей следить. Пора взрыв устраивать.

– А закончится всё, как голова Колдуна с плеч падёт? – спросил я.

– Нет, то вряд ли, – Кощей призадумался. – Такая мясорубка запущена. В один момент по отсутствию повеления она не остановится. Нежить своей волей обладает многая. И нежить эта обезумела. Даже если Колдуна их убьём, тут же ещё хуже станет – получим свору его неуправляемую.

– Под свой контроль не возьмёшь? – спросил я.

– Уже нет. Я ослаб, их много. Да и настроены они убить меня, а не служить мне. А сейчас я эту волю их не передавлю.

– Взрывать всё пора здесь! – подбежала Мара. – Оно и Колдуна отвлечёт. Радимир почти к нему подобрался. Да и силки не выдержат больше. И вы оба помрёте.

– Нас взрыв убьёт, – спокойно ответил Кощей. – Видел я одну смерть, а, видать, будет две.

– Не будет, – огрызнулась Мара. – Что за настроения упаднические? Стоите пока, держитесь? Вот и продержитесь ещё немного! Сейчас Горян подлетит, разгонит крылами огонь. Ты, Кощеюшка, последнюю волну создашь. И одним махом спалим всю нежить!

– Нельзя! – прокричал сверху Горян, приземляясь. Плохо сел он, упал на брюхо. Мощных хвостом смахнул нечисть. Подполз к нам.

– Сердце леса горит. Леший помрёт. Силки спадут. Убираем всё, так будем добивать.

– Нельзя! – прикрикнула Мара. – Ты зачем сел, Горыныч, ты взлететь сможешь?

– Смогу, – Змей взглянул на крыло, оно сильно кровоточило. – У меня там в ногу, в лапу, то бишь, копьё воткнулось. Мара, удружи, вытащи.

Мара подошла к нему, ухватилась за древко и вытащила из бедра Горыныча копьё.

– Кровью не истечёшь? – спросила. – На всю твою тушу мёртвой воды не хватит.

– Полей маленько, сколько не жалко, чтоб затянулось чуть, – попросил Горян. – А то не оттолкнись, чтоб взлететь.

– А крыло что же? – Мара осмотрела и крыло.

– Нормально крыло, пробито, но поднимет меня, никуда не денется.

К нам подбежал запыхавшийся Воднейшество.

– Вы тут как, передышку устроили? – он посмотрел вперёд, на новую партию подходящего врага. – Да когда они уже закончатся?!

– Это последние. Почти все в силках. Сжечь осталось. А Горян вот рассказывает, что Сердце Леса горит.

– Мне сверху видно хорошо. Занялось оно. Так и лес сгорит.

– Да вы что!?! Почему не сказали раньше! – переполошился Водяной. – Вы зря недооцениваете силу водную. Вода – это мощнейшая стихия. Пойду реки вертать. Пусть аккуратно вокруг сердца лесного лягут! – он, размашисто двигаясь, высоко поднимая перепончатые лапы, побежал обратно к реке.

– И стену надо, Водяной, уважаемый! – крикнул вслед Горыныч. – Водяную завесу надо, а то всё спалим!

– Будет! – крикнул в ответ Воднейшество, не оборачиваясь. От нехорошего предчувствия у меня всё внутри защемило.

– Ну что, как Водяной поднимет стену, надо начинать? – Горян старался шутковать, виду, что плохо всё, не показывал. – А то как бы мы тут все, други и подруга наша уважаемая, раньше не передохли.

– Давайте! – согласился я, хрипя. – А Баюнку никто не

видел?

– Я видел, – отозвался Горян. – Впереди он. Такой кот! Всем бы такого кота! Столько нечисти порвал, я теперь сам твоего кота боюсь, Лешенька.

– Да не мой он, – посмеялся я. – Так, прибулудился.

По раскалённому до предела воздуху с шипением пошёл густой белый пар. До нас долетели редкие брызги прохладной воды. Но затем только, чтобы сразу же испариться на коже. Водяной повернул реку и поднял воду.

Картина та завораживала. И сам на волне поднялся Водяной, сделался он шире и больше, развёл в стороны руки. А вокруг бесновалась стихия. Вода закручивалась воронками вокруг рук его и ног, стена воды росла всё выше и выше, поднималась в небо.

– Давайте уже, други! Давайте! – крикнул нам Водяной. – Долго такую мощь в узде не удержать!

– А каков, а!? – похвалил Водяного Горыныч, прихрамывая на лапу и готовясь к разбегу и взлёту. – Посмотрите-ка на него, а каков?!

Горян взлетел. Кощей на меня взглянул.

– Я для последнего удара силы берёг, Леший. Тут всё будет в огне. Может, не справимся.

– Как это не справимся? – мне уже и всё одно было. Лишь бы треск нестерпимый в ушах да вой зверя лесного прекратился. Лишь бы всё закончилось.

– Всё выжгем. До основания. Ну и сами...

– Мне уже без разницы.

– Ну и настрой, – Кощей головой покачал. – Нельзя так. Азарта нет в тебе, Алёшенька.

– Был когда-то да весь вышел. Испарился вместе с кровью в венах.

– Ну тогда надо начинать! – Кощей повернул голову к реке. – Ты на Водяного посмотри! Развернулся-то как! Ишь что умеет! Всю воду поднял в небо! А сдался ему твой лес?

– Я умру если лес умрёт.

– Вот то-то. Ты уж пока будь так любезен, не издохни.

Стена воды стала ещё выше и шире. Кощей пустил огонь. Всполохи алого пламени отражались в водной бурлящей преграде. Горыныч тоже пустил огонь и разогнал его взмахами крыльев, а потом так и остался парить в небе на поднимающемся вверх паре. И его тело змеиное жгло. Кощей запустил своё колдовство отложенное, столп огня вознёсся. По земле волна яростная пронеслась. Смело нежить и большую и малую. И нашу и пришлую. Полетели все кубарем, сетки натянулись магические. Огонь сильнее стал.

– О как могу! – гремел Водяной. – О как умею! Держитесь, братцы! Я этот огонь не выпущу!

Да только все мы внутри.

И все мы горим.

Густой пар заполнил долину. И дым. Жаркий, удушающий, разъедающий глаза. Клубы водяного пара смешались с

поднятым пеплом, с едким дымом от горящей шерсти, мяса, костей. Земля от взрыва вздыбилась, своё тело выгнула – вспоролу землю. Смешалась кровь с водою, стала жидкой грязью, уходила ввысь испарением бурым.

Всё живое и мёртвое изошло в страшном вое. Пожалуй, и мой там был.

– Я держу! – гремел Водяной. – Держу! Но вы быстрее, братцы, спасу нет, какая тяжесть! Спасу нет!

Тяжело ему сейчас, а ведь любая тварь ему завидует. Он в прохладе, а мы плавимся, превращаемся в угли.

Взглянул я на Колдуна. Права была Мара, не сдюжил он. Всё войско его рассыпалось, разметалось, попало в силки. Сам он стоял на колеснице. Забрался вверх, собирал своих. Кричал что-то им, да держался за борт, чтоб в таком лиховерте не сбросило. Я разглядел, как со спины подбирается к нему Радимир. Велимира видел, мелькал внизу. Рубился, видать, с охраною. Странно то, что нигде Родьки нет. Но об этом сейчас думать недосуг.

– Убить! – кричал Колдун. И понял я, что показывает он на Водяного. Спустя одно-два мгновения по воде спруты поплыли вверх. И змеи по воде закрубились. Водяной заметил, стал их рубить. Стена воды пошатнулась.

– Держи, братец! Стену держи! – прорычал сверху Горян. Он всю раздувал пламя крыльями. Шла волна огня. Всё сметало жаром. Брюхо у Горяна было в чёрных дырах выжженных.

– Держу! – Водяной руки раскинул, глаза пошире раскрыл. Чуть брыкается, а толку-то? Вцепились твари в ноги ему, в руки вцепились зубами острыми. Пошли по стене алые волны. Ручейки вплелись в реку красные.

– Братец, держи стену, мы их всех перебьём! – Мара к Водяному кинулась. Ступу она искала, не нашла. Побежала так, прыгнула в реку, поплыла вверх. Далеко Водяной, не успеет она. Только так подумал и сам побежал. Сразу взвыл Кощей.

– Леший, с места не сходи! Мы с тобою держим всю эту сеть.

– Там Водяного зарежут! – я не послушался.

– Сказал же стой! – Кощей на меня бросился, чтоб удержать. – Мара успеет. Или сам он как-нибудь. У нас своя здесь задача. Почти уже всё.

– Его загрызут. Хоть отбиваться позволь! – я смотрел, как друга на части рвут.

– Он нечисть сильная, справится сам. Ну покусаят, мясо нарастет. Мы сами вон без мяса почти.

Кощей сгорел до скелета давно. На мне вся шерсть сваялась, обгорела шкура. А доспех в мясо вплавился.

Колдун, тем временем, руки развёл и свёл резко вместе. Меж сведёнными ладонями он собрал для удара силу свою в чёрный пляшущий шар. В самый тот момент Радимир подобрался. Вспорол Колдуна он со спины. Спереди, через брюхо вышел меч. Колдун не помер. Не повернулся даже.

– Убьёт Колдун Радимира, – вздохнул Кощей. – А сам по-

дохнет или нет – неясно даже.

Радимир вытащил меч из тела вражеского и сделал замах.

– Сейчас снесёт с плеч ему голову, – я сказал. Кощей кивнул.

– Давно пора. Тут всё и закончится.

– Или нет, – изрёк я, наблюдая, как меч падает на шею. Колдун мог бы защититься, мог бы вывернуться и этот шар пустить в Радимира. Но нет. И отсюда, сквозь огонь и копоть, я разглядел его хищный оскал. Пустил он шар в сторону водной стены. Успел пустить. И голова его с плеч покатилась.

– Водяной, берегись! – проорал я. – Бросай всё. Ныряй!

Голос мой потонул в шуме воды и огня. Всё вокруг шипело. Столкнулись две стихии, обе взмыли в небо. На границе между ними завис Водяной и в него летел колдовской шар.

– Мара! – крикнул Кощей. Жена его почти добралась до Водяного и уже срубала с его ноги одну из тварей, тянула её за хвост. Она увидела шар, подняла меч и поспешила вверх.

– Я отобью! – кричала она. – Я закрою!

Она не успела. Меч она подняла, но шар едва скользнул по его лезвию и соскочил, полетел он Маре в голову, Кощей взвыл. Мара увернулась. Все волосы её сожгло. Обожгло голову. Видели мы только чёрное пятно.

– Жива, нет? – вглядывался Кощей, пытаюсь заметить потонувшую в водной пучине Мару.

– Воднейшество! – я весь превратился в один рычащий голос. Выл во мне зверь. Попал чёрный шар в Водяного и рас-

пылил его на мелкие части. Вся стена воды, как есть, окрасилась в багровый. Густой красный пар пошёл в небо, смешиваясь с чёрной гарью.

– Воднейшество! – пронеслось над долиной и отразилось от падающей вниз реки. Нас окатило грязной волной. Поверху всё ещё шло пламя, и его хорошо прибило. Вода, столкнувшись с пожаром, урчала, как жадная кошка. Как до этого всё вбирал в себя огонь, теперь вбирала мутная водяная волна. А потом всё закончилось.

Глава 29. После боя

– Леший, Леший, ты где? – слышал я, как сверху кто-то рое.

– Леший, тут ты? – по морде моей прошлись чьи-то когти. – Леший?

Говорить я не мог, рот забило грязью. Была она везде – в горле, в лёгких. Мне, как нежити, может, и ко многому не привыкать, но ощущения не из приятных.

– Алёшенька! Ты! – сверху заскреблись интенсивнее. Когда пласты выжженных корневищ и сплавленной жаром в камень земли были отброшены, мой выкапыватель столкнулся с жижей грязи. В ход пошли уже не когти – ладони. Или ещё что, но по звуку понял – чтобы добраться до моего лица, до морды, то бишь, грязь она вычерпывает.

Это была женщина. По голосу сразу не разобрать – сильно он у неё охрип. Но как вернулись ко мне способности по-лучше слышать, а потом, как освободились глаза, и видеть – узнал я Мару.

Была она страшна.

– Чего так смотришь? – она улыбнулась. Волосы её обгорели вместе с кожей до голого черепа, стал он чёрен. Лицо же, к счастью, было на месте, хоть и сильно поцарапано. Брови опалены, ресниц нет, но это она, Мара.

– Сейчас я вытащу тебя, Алёшенька!

“Может, не надо?” – хотел ей сказать. Слился я с землёй, сросся. Даже и не уверен, что я весь не разлетелся на отдельные части. Тело моё в земле лежит, как влитое.

– Мара, утомонись, – прохрипел ей, она улыбнулась так, как только смерть может улыбаться. Хорошо, что я уже в могиле. А то бы... Я закашлялся.

– Ох, тут копать не перекопать! – сокрушалась Мара. – А я и ножи растеряла, и меч неизвестно где.

– Ты как выбралась? – еле-как прохаркал я.

– Выплыла, – она вздохнула. – Хуже не было у меня заплыва. По багровой реке плыла.

– Водяной же... – начала ко мне возвращаться память.

– Да, – Мара кивнула. – Колдун убил его. Никто из нас ничего не успел сделать. Все вы были далёко. А я не смогла...

– Но мы выиграли битву?

– Выиграли? Сожгли всё. И себя и врага. Под корень, – Мара присела рядом. – Люди Велимира живы остались, они под колпаком колдовским оказались, которым Колдун себя защищал. Так тот колпак не сразу спал, как голова Колдуна покатилась с плеч. Радимир голову ему срубил. Но я этого не видела. Это уже потом люди рассказали сами.

– Ты с дружиной Велимира встретила?

– Да, вытащила их из-под колпака колдовского этого – был он им спасением, так же стал бы и могилой. Уходили они вместе с колдовскою чашею этой перевёрнутой на дно, когда вода обрушилась, и оказались бы в ловушке, да умерли бы

без воздуха. И то не сразу. Я ж их сделала бессмертными.

– Так я понимаю... – я закашлялся, грязь всё также попала в горло, – я понимаю, что мой толчёный рог да пепел Кощея бессмертными людей не делают.

– Ну я ещё поколдовала кой чего, – Мара плечами лишь пожала да на колени вставши, выпрямилась, тут я увидел у неё в брюшине большую дыру, вроде как прогрыз кто...

– Ты как сама?.. – едва шепнул ей.

– Да я нормально, – она отмахнулась. – Это твари проели, что в реке были. А потом осколок ещё от ядра того чёрного. Да главное не в сердце! Иголочка цела, – она себя по груди погладила любовно. Я чуть не подавился новой порцией грязи. Уж хоть бы морду мне вытащила из лужи, если принялась меня выкапывать.

Мара ещё отчерпала жидкой грязи, потянула за рога меня и обломила оба.

– Ой, прости! Но я не виновата. Они в труху превратились!

– Выгорели, поди, – только и сказал я. – Может и сам я уже такой.

– Сейчас вытащим и посмотрим, – она копать стала старательней. Хотя видно по ней было, что устала.

– Так что дальше? – я хотел послушать, чем закончилось.

– Ну что дальше? Врага порубили полностью. Нежить выжгли. Не пленить некого, не отпустить. Может, в само сражение кто-то и удрал, так пусть – расскажет там своим, как

тут лихо было, чтоб к нам больше не совались, – она присела, вытянув стройные ноги. – Людей я проводила, чтоб нигде не завязли, да не утопи чтоб. После такой битвы было бы обидно. А дым везде, не видно ничего! Махнула им куда идти, где их селение, пошли они по сплавленному пеплу. Река, до того, как подняться, прошла немного стороной, ближе к твоему дому, а то размыло б все подходы.

– Так дом мой теперь в болоте?

– Наверное так, и лес не в лучшем виде... мягко сказано... – Мара оглянулась. – Не представлю, как ты будешь всё восстанавливать...

– Долго и упорно, если лес позволит, – я пошевелился. Ничего не почувствовал. Не знаю, плохо это или хорошо. Может, от меня одна башка осталась? И та без рогов.

– Ну я чуть дружину проводила и попрощалась с ними. Сказала, что пойду собирать Кощея. Так-то молодцы они. Головы Горыныча помогли из озерца вытаскивать. А то бы тоже захлебнулся, окаянный Змей!

– Из какого озерца? И с Кошеем что?

– Да упал Горян, да в яму, тут везде нынче ямы. И та быстро водой заполнилась. Ну а он вылезти не может, сил нет и скользко. Видать, сознание потерял. Ну так за головами его нырять пришлось, чтоб вытаскивать. Сложили вроде аккуратно, чтоб не сполз обратно. Подпёрли. А где такую тушу вытащить? Хоть и всей дружиной. Подожду, пока оклемаётся, может, сам выползет. А Кощей... – она по сторонам по-

смотрела, подтянула небольшой мешок к себе. – Вот! – Мара вытянула череп.

– А это не Лешачий? – я посмотрел с сомнением.

– Думаешь? – Мара пригляделась. – И впрямь не мужнин! – она откинула черепушку прочь от себя. – Ну вот, теперь, значит, искать и голову. А мне казалось, я почти всё собрала.

Мара опечалилась, я уже ничему не удивлялся.

29.2

– А Кошей, того... не помер? – спросил я на всякий случай.

– Сказала же, иголочка цела! – Мара снова себя по груди погладила.

– Так... стало быть, ты не врала про ту иголочку?

– Чего мне врать? Кошей, он, знаешь, если то не касается его богатства, так в остальном он полный растяпа. Кидает свои вещи где попало. А жена подбирает.

Я внимательно слушал, в земле лежа, Мара, устроив себе передышку в меня откапывании, продолжала.

– Ну и нашла я ларчик, не было там уже и ни зайца, и ни утки – почём я знаю, может, Кошейка сделал уж давно из них жаркое? Ну а яйцо лежит. Я, как жена примерная, решила приготовить то яйцо на завтрак. Его сварила. А пока спустилась звать мужа откусать, Кошея уж и след простыл. Ну я сама то яйцо и заглотила, а в нём игла была. Ну вот... с тех пор я уж как парочку веков ношу в себе иглу Кошея... А, знаешь, вполне забавно вышло. Я жена Кошея, и я смерть. И я же смерть Кошеева, выходит. Ну а кому хранить такое, как не жене? Он бы уж сам потерял давно. Говорю же, бросает где попало...

Чего только не услышишь, находясь на грани... Наконец, у Мары получилось меня чуть вытащить.

– Ты...это... в самом деле... иди, поищи голову Кощея, – я попробовал от себя отвадить Мару.

– Говорю же, почти всего нашла. Осталась черепушка, – Мара вздохнула грустно. – Хоть бы не расплавилась... А то мужик без головы... Не то чтобы голова из всего у него самое полезное, но всё-таки...

– Иди ищи! – считай что приказал ей, хотя на деле прошептал едва ли.

– И то правда, можно ей колоть орехи, – Мара поднялась с земли и огляделась. Чуть отошла, осматриваясь.

– Алёша... – раздалось как будто где-то рядом. – Алёша, спаси меня!

Я рукой пошарил, нащупал не то камень, не то череп. Поднял его, пригляделся. Сам ещё я весь на освободился. Так и лежал прикопанный. Но рукою двигал.

– Кощей, ты?

– Я! Ты прибери мой череп, а то она к телу моему голову козла какого-нибудь приставит. С неё не станется.

– Сейчас подойдёт, отдам ей.

– Ты проследи, чтоб в мешок положила!

– Да уж прослежу как-нибудь.

– У-у-у, Леший, да ты без глаза!

– А ты вообще... без всего.

– Живой глаз был, да? Ничего, заменишь мёртвым. Лес подарит.

– Да что он мне подарит? Он сгорел весь.

– Ну не весь. Сгорел бы весь, ты бы не выжил. Водяному скажи спасибо.

– Умер Водяной вместо меня. Да я себя сильно живым не ощущаю, – я признался. – Или я...

– Теперь как я... – Кощеев череп закрипел. На звук повернулась Мара.

– А вот ты где, любимый! Что скрываешься?

– Как можно, я наоборот, подаю сигналы, чтоб ты нашла меня!

– Я собрала тебя почти всего! – она подбежала, мешок подхватила и вытряхнула содержимое перед нами в землю.

– Мара, моя прелесть, тут явно вот эта кость медведя, не моя, а эта косули... а эта...

– Ты какой-то привередливый, Кошеешка, – Мара надулась. – А ну поползай, пособирай кости по грязи! Скажи спасибо, что вообще что-то нашла!

– Ну ничего, прилажу новые, – Кошей вздохнул. – Невелика беда!

– Я поищу ещё, дружок, прыгай в мешочек! – проворковала Мара, не глядя в тот мешок сметая кости.

– Леший, ещё увидимся, я скоро зайду, осталось дело. Да и Горян залетит.

– Горян там в луже чуть не захлебнулся, – я поведал.

– Да? – череп снова скрипнул. – Не страшно это, всё равно прилетит он. Не сможет прилететь, значит, придёт. Говорю же, осталось дело. Ты только не помри.

– Мне его надо дооткапывать, – сказала Мара, – но сначала сбегая, проведу Горяна. Как бы головы обратно в лужу не соскочили. А то как его откачивать?

– Ты меня вытащи, я помогу, – я снова прохрипел ей.

– Да ты, кажись, и сам не больно целый, с тебя помощник... – она лишь отмахнулась и ушла. Я вроде как опять куда-то провалился в тёмное. Очнулся от скрежета когтей. Это не Мара. Кто-то старательно меня откапывал!

30. Миропорядок

Открыл глаза, точнее, один глаз, который и был мёртвым. Второго-то у меня и нет, оказывается, а я-то думаю, картинка поменялась, как-то всё не так, как раньше, не тот охват. Заметил что-то чёрное, с шерстью в грязи свалявшеюся, оно лежало рядом и шевелило яростно одною лапой, откидывая землю.

– Баюн! – я его кое-как узнал. Глаза его сильно заплыли, морда была ранена, и почему-то он лежал, не мог подняться. Но меня откапывал.

– Баюнка! – повторил я громче. Он лизнул меня в морду и замурчал. Когтями мне задевало тушу, но мне было всё одно, лишь бы отсюда уже вылезть.

– О, кто явился! – к нам подоспела Мара. – Проверила Горыныча, он пришёл в сознание. Но выбраться пока не может. Очень скользко, а сам он слаб. Я предложила перекинуться в человека, а он боится, что в человечесьем теле сил меньше и он помрёт. И я тут как тут как раз, что и не скроешься от смерти. В общем, лежит пока.

– Надо туда ему накидать каких-то веток, чтоб было от чего оттолкнуться лапами, – я предложил.

– Пойди, найди здесь ветки, – Мара раскинула руками. – Ты ж головой вертеть пока не можешь, ничего не видишь.

– Вижу только небо серое, да дым кругом, да перед собой

немного.

– Да и особо и смотреть то не на что. Всё сгорело. Сравняли всё с землёю. Нет тут леса, одно болото с красною водою.

– Плохие мы вояки, – выдавил из себя я. – Огнём... всех выжгем... свою землю же убили.

– А как ты хотел? – Мара снова присела рядом. – Они сами пришли. Их больше. И колдовство у них хитрое. Нас меньше, но мы сильнее. И владеем огнём.

– Мы и рубиться умеем.

– И сколько бы мы рубились? И зарубили б скольких? Лучше было пустить их дальше?

– А что им было надо? Рабы-люди?

– Уже думаешь, что проще было дать им забрать что им хотелось? Они б и лес забрали!

– Или, может, прав был старый Леший, которого я зарубил. Если б сквозь себя их пропустили, глядишь, и было б меньше разрушений.

– Ты что, жалеешь?

– Как мне всё восстанавливать?

– Алёша. Ну погибло твоих два леса. И то не до конца. Всё что было на этой равнине – погорело. А по краю лес местами цел и сердце леса цело. И что было за рекой – там и осталось. Тебе много работы? Мне работы тоже много. Вон их сколько неприкаянных разбежалось, или зависло в небе, – она подняла глаза. – Ждут своей участи. Сейчас косу возьму да приберу вас! – она кому-то крикнула. – Но мне сначала

надо мужа собрать из косточек, потом вернуться за вами! Распределю всех куда надо.

– Много работы нынче у смерти? – прорычал я ей.

– Не то слово, – она огляделась. Посмотрела на Баюнку.

– А кот твой тоже не жилец. Ну в том смысле, что он и был нежить, но пора ему уходить совсем.

Раздалось шипение и злое мяу. Баюнка покосился недобро, но с места сдвинуться не смог, продолжил меня откапывать.

– Он скоро сдохнет, – смерть погладила кота по холке. – А знаешь, ты, Алёша, что этот кот уже у меня в клетке сидел на том свете? Он мёртвый был давно и ко мне попал в небытие. И от меня удрал! Я клетку ему закрыть забыла, а он и был таков! Давно от меня скрывается, а тут попался!

– Баюнка?

– Баюнка твой, та ещё тёмная нежить, натворил много дел. И многократно умер. У кошек много жизней, он все давно потратил и бытность свою нежитью истратил тоже. Я ж говорю – сбежал. Баюн-ка! – она протянула. – Хороший котик, скоро пойдём обратно!

Он зашипел на неё, выпустил когти и махнул два раза лапой. Мара рассмеялась.

– Да понимаю, что не хочешь, никто не хочет. И я не хочу, но надо.

– А где Водяной, там же? У тебя? – спросил я с некоторой надеждой. – Вернуть его получится?

– Нет! – Мара сказала резко. – Даже я не в силах спорить с мироустроением. Всё так устроено. Он умер, был он долго нежитью. По своим способностям был нежитью речной. Когда и здесь он сгинул, теперь он перейдёт в небытие, на ту сторону. Есть мир живых. Есть наш мир: река, лес и горы – мир потустороннего, мир мёртвых, опять же. А есть Ничто, где лишь покой да тьма. Туда он и отправится.

– Тогда меня и отправляй туда же. С Воднейшеством на пару. Он, может, и хотел меня спасти, но не для того ж наверное, чтоб самому погибнуть!

– Там так не будет! Там не так как здесь, Алёша! Не будете вы вместе с Водяным там пить бражку! Видеться не будете, не сможете разговаривать! Там разговоров нет. Там пустота. Знал бы ты, как хорошо, что я могу здесь с вами быть, и даже замужем за бессмертным!

– Как это: ничего там нет?

– Вот так: у нас тут рубеж последний! Дальше ничего. Не переживай так! Многая нежить мечтает успокоиться. Он страдать не будет. Там и страдания нет, и боли нет тоже.

– Поменяй нас! – я схватил её за руку лапой освободившейся. – Поменяй меня с Воднейшеством местами! Я пойду туда, а он пусть останется! Он реки Хозяин, у него есть Кикимора! Пусть вернётся, а я туда пойду!

– Нельзя так, Алёша.

– Уверен я, что ты можешь!

– Не могу! – она прогремела. Мне показалось, что пошат-

нулся воздух. – Не в моей это сила. Воднейшество ушёл совсем, не вернуть его! И тела его больше нет, он весь распылся. Вот! – Мара подняла горсть грязи. – Тут его тело! И вообще везде. Ты дышишь им. В пепле он, в дыме, в паре. Везде! Нет ему назад дороги!

– Моё тело пусть забирает. Отдай ему!

– Нет. Не спорь с миропорядком. Водяной уже упокоился. Маешься ты! Это ты страдаешь от утраты, ты себе хочешь покоя! А пока нельзя.

– Не хотел он на покой, ему жить нравилось. Хоть и нежитью.

– Славно ушёл он, – Мара качнула головой безволосой. – Таковую силу показал могучую и много живого спас. Помяни его и не зли меня. А то и тебя прихвачу, правда что, вместе с этим котом!

– Кота не отдам.

31. Кота не отдам

– Алёша, ты что меня злишь? – Мара подседа ближе и схватила Баюнку за шкирку.

– Не отдам, говорю, – я обвил кота свободную лапою.

– А я и спрашивать не буду, заберу, – она потянула Баюна к себе, он завыл, не давался. А сил сопротивляться у него, видать, не было. – Он не жилец уже, Алёша, скоро подохнет, отдай!

– Не отдам, – я перехватил кота покрепче. – Кота не отдам.

– Алёша! – Мара надо мной наклонилась. – Не перечь мне. Эта нежить мурчащая натворила много всякого и вполне уже набегалась по земле. Неприкаянная он нечисть, одинокая, так что ему туда пора давно.

– А что-то он оттуда сбежал. Видать, кот этот умный, и там ему не понравилось. Ты его научила частушкам матерным? Признавайся!

– А что сразу я? Я женщина культурная, – Мара надулась. Щёки впалые заиграли чёрными шрамами. – Не задерживай меня. Отдай кота. Говорю ещё раз. Его никто не держит.

– Я держу, – с усилием я вытащил и вторую лапу из земли. Кажется, не всю, что-то оторвал себе. – Вот руки мои, и они этого кота держат.

– Эх! – Мара приблизила своё лицо к моему. – И сам-то еле тут, а не там, однако держат тебя на этом свете три

крепкие нити. И все они тянутся из мира живых.

– Быть не может, – не поверил я. – Кто бы из мира живых держал меня?

– Три нити, Алёша. Две из них в одну крепко закручены, но скоро разойдутся, и одна отдельно идёт.

– Нежить наша?

– Нет, говорю же, из мира живых.

– Видишь кто?

– Вижу. Но тебе не скажу. Если сам не знаешь, стоит ли воздух сотрясать разговорами?

– Мара!

– А кота, смотри-ка, привязал к себе. Другая то нить, от нежити к нежити. Кот тебе служить будет! – Мара удивилась, а потом схватила Баюна за холку, повернула его морду к своему лицу. – Вот же тварь хитрая! Так сильно на этом свете остаться хочешь, что и служить согласился? Ты же кот. У тебя не может быть хозяина!

– Мяу... – проурчал Баюн.

– Нравишься ты ему, Алёша. Не знаю, почему? Может, родственную душу чувствует. Может, умерли похоже как-нибудь. Ну если не издохнет, пусть остаётся, – Мара отпустила кота и собралась уходить.

– Мара, а я? – спросил я.

– Дружину Лешаков покличь, пусть откапывают, – предложила Мара.

– Да они зарубят меня, сражение же закончилось, – пред-

положил я наиболее вероятный исход событий.

– Эх, ну ладно, откопаю тебя, – она снова села рядом. Явно она не торопилась. – Нашёл тоже, с кем про жизнь и смерть разговаривать, Леший... Я же Мара. Я и не умею больше ничего, кроме как убивать да драться, да на тот свет провожать. А ты спрашиваешь – что было бы, если б мы не огнём? Ну поработили бы нас. Заняли бы нашу землю.

– Так лучше чтоб она никому не досталась? Не нам, не им?

– Им она без надобности. Забрали бы всё, что можно забрать, и пошли бы дальше.

– Наверняка не знаешь.

– Знаю что и нам надо где-то жить. Точнее – кому-то надо где-то жить, кому-то где-то быть... Ты и другая нежить живёте здесь, в этом лесу. Сейчас пострадали сильно и земля, и вода, и лес, но ты восстановишь. Я не говорю, что это всё правильно было, но не было другого выбора.

Мара откопала меня, вытащила. Я осмотрел Баюнку. Он не вставал, потому как был без задней лапы. Была отрублена. Я с собой пока не взял кота, оставил полежать на месте. Мы с Марой доковыляли до Горыныча. Кощей в мешке на поясе у Мары болтался. Горыныч в себя пришёл, смотрел тоскливо. Вода чуть-чуть уходила в землю, всё подсыхало.

Я поискал среди сора и грязи поломанного валежника, крупных веток, нашёл бревно разломанное подходящее. Всё это спустили в яму к Змею. Он хвостом упёрся и лапами. Сил тащить его наверх у меня не было. Попробовал действи-

тельно созвать дружину. Пару Лешаков откуда-то повылезло, пришли. Ещё подтянулась покалеченная нечисть. Все смотрели потерянно и ждали то ли указаний, то ли одобрения, то ли просто непонятно было, куда податься? Леса ведь нет.

– За мной пойдёте, в мой лес – в тот, что остался! – сказал им. Наверное поняли, я пока не в силах осознать, насколько я могу повелевать этой нечистью. Битва закончилась, а как дальше быть – нам непонятно.

Горяна вытащили. Он встал, пошатываясь.

– Может, обернёшься? – я предложил.

– Нет, это тело сильное. Человеческое не справится с ранениями. Пока повременю. Так дойду до дома. И это... Леший. Зайду сегодня. Никуда не уходи.

– Да куда я денусь?

– Дело важное. Будь дома.

– Если дойду до дома, буду дома.

– Ну бывай. Мара, поклон и спасибо, – он ей поклонился тремя головами и поковылял.

– Дойдёт? – спросил я.

– Этот дойдёт, – Мара покачала головою, смотря Змею в след. – Никогда не видела, чтоб он пешком передвигался. Так чудно! Но крылья перебиты. Видишь, как волочит? Даже сложить не может за спину.

– Эй, Горян! – я его окликнул. – А у тебя источник есть в горах с водою мёртвой?

– Нету! Я б тебе принёс, но нет у самого. Теперь поди ни-

где нет в округе такой роскоши. Придётся поискать. Ну пока так будем залечивать. У меня из жён тоже должно быть пару лекарок. Что-нибудь придумают!

Я махнул лапой ему, он поковылял дальше. Мара со мною дошла до кота.

Глава 32. Сердце леса

– Я наверное домой сначала. Замочу Кощея в бочке с мёртвой водой. У меня есть немного. Я б поделилась, но мне сейчас важнее. Ты хоть при костях и мясе, а от Кощея из его – ну разве череп. И так – по мелочи.

Из мешка на поясе недовольно заворчали.

– Спи спи, Кощеюшка, скоро будет легче!

Она вздохнула.

– Вот знала же, что так будет... Да даже хуже вышло, чем предполагала! Эх, любите вы подраться! – она побренчала мешочком, будто там не кости, а монеты.

– Дойдёшь?

– Дойду.

Я сгрузил кота себе на плечи. Потихоньку поковылял домой. Мара долго провожала нас с Баюнкой взглядом.

Ступы все сгорели, лететь тоже было не на чем. За мной тихонько потянулась другая нежить. Пойдут в новый лес, раз с этим всё. Животные уже все или померли, или разбежались.

Конечно, помахались знатно. В этот раз что-то с перебором.

Я шёл и распутывал клубок из мыслей.

Пришли сюда люди. Чужие люди. Хотели забрать людей, что здесь живут. Во всём люди виноваты. Из-за них пропало

столько леса, столько живности. Это люди постоянно устраивают войны. У них оно в крови. Не прощу людей.

Так я и шёл, одно и то же повторяя. Шаг в шаг, шаг в шаг. Не про-щу лю-дей. Не про-щу лю-дей.

Не про-щу лю-дей...

Дошёл до леса, тут стало полегче. И где я раньше шёл – был лес, да только от него остались в земле только корневища да сваленные деревья. Всё смешалось.

Тут уже чуток получше. Земля болотиста, много деревьев поваленных, но хотя бы сверху надо мной качались деревьев кроны.

Баюн тяжёл, но не соскальзывает. Держится когтями за доспех. Как мне этот доспех снимать с себя, я пока не знаю. Наверное, придётся срезать с мясом. Шаги даются трудно.

Только забрёл в чащу, ко мне подошёл медведь. Тоже он был ранен. Тоже бился. Страшные царапины шли по боку его багровыми следами. Медведь взял меня с котом к себе на спину и повёз. Как добрался почти до моего дома, сам упал навзничь. Я его пошевелил. Медведь не встал. Он издох. Я не приказывал служить мне, просто посчитал бурый мишка, что так надо. Знал, что умирать скоро, и всё одно помог. Я посидел, держа его в лапах, за шею обнимая.

– Не отпущу, чтоб насовсем. Прости и не серчай. Может, покоя хочешь, но не отпущу. Станешь лесным духом! – так сказал ему, шепнул на ухо. Уложил на землю, прикрыл ветками, кота опять взвалил на плечи и пошёл.

Добрался до дому. Проверил всё-таки источник. Не было источника, была река – пока что сплошным болотом пошла она, смешалась с грязью. Окунуться некуда, чтоб чуть-чуть подживить шкуру с мясом.

Вернулся к дому. Лёг на полянку у крыльца, под брёвнышко. Тут сердце леса, если тут меня сам лес не вылечит, то больше и некому. Тут тогда и сгину. Видать, вместе с котом, он уже тоже не шевелится.

Так я лежал, смотрел вверх, в тоненькую полоску неба вглядываясь, меж веток, плотно надо мной сомкнувшихся. В траве лежал, и здесь тоже пахло и гарью, и пожжёной шерстью, и кровью пролитою. Может, от нас с Баюном, может, воздух пропитался и отравился весь. Лежал я на спине, на грудь положив кота. Про “не прощу людей” так и крутилось в голове, не смолкло. Птица не пела, живность вся замерла.

Надо начинать всё заново, но как заставить себя?

И для чего заставлять себя?

Глава 33. Остывшая ушица

Я так бы и лежал, наверное, пока меня б не съели звери. Если б не побрезговали. Но кто-то пнул в бок.

– Живой?

Я глаз открыл. День уже заканчивался. Надо мной Кощей склонился.

– Быстро Мара собрала тебя, – я удивился даже.

– Сказал же, что вечером зайду. Я чисто так – собрал все кости, в бочке с водою мёртвой разок окунулся и к тебе. Боялся, что помрёшь тут. На! – он протянул мне фляжку.

– Эта та вода, в которой сам купался? – спросил я. – Кощей, я брезгую.

– Да я... набрал сначала, потом уже залез.

Что-то подозрительно помедлил он с ответом. Я не поверил.

– Тебе ж не пить её, на раны сбрызнуть, – Кощей вздохнул, откупорил флягу и осмотрел меня. – Даже не знаю, с чего начать.

– Полей на брюхо. Там что-то ноет сильно. Посмотри сперва. Может там уже засел кто, изнутри жрёт?

– Да вроде нет, – Кощей поморщился. – Мне теперь что, в нутре твоём копать? Ты же Леший, должен чувствовать всё сам. Любую тварь.

– Ничего не чувствую. Всё болит.

– Видать лесу больно, – Кощей, качая головой, вылил на меня воды из фляги. – Грудина, вон, пробита, Леший.

– Ну плесни и туда тоже. Только оставь малость. Ещё же Горян придёт.

– Как скажешь, – Кощей убрал флягу. – А с котом что?

Я поднял башку Баюнке. Он смотрел на меня мутным взглядом.

– Давай осмотрим, – я кое-как присел, проверил кости у кота, чтоб были целы, прощупал внутренности.

– Давай вот сюда малость ливани.

Когда закончили, Кощей помог мне подняться, я кота взял на руки и занёс в дом.

– Куда идти, Алёша?

– Давай за стол. И постели что-нибудь на лавке!

Кощей попробовал поколдовать – не получилось, вздохнул, ушёл в спальню мою, вернулся с покрывалом – постелил его где я сказал. Я туда осторожно положил кота.

– Оклемается?

– Да должен. Где было дюже плохо, мы водой полили. А так сильно ничего не перебито. Лапа, конечно, не отрастёт.

– Когти у него железные, а лапа из кости... – я подивился.

– Сделаем ему и лапу железную, – Кощей присел. – Как сам оклемаюсь и колдовать смогу. Есть у меня кузнец один в знакомых и кузня у него хитрая. Сделает нам лапу для Баюна, а я так заговорю её, что будет как родная. Даже лучше.

– Ну дело.

Мы помолчали.

– Так ты сейчас колдовать не можешь?

– Пока не могу. Надо восстанавливаться. Все силы уходят, чтобы держать свои кости вместе, – Кощей вздохнул.

– А ты как сюда добрался?

– Прилетел на ступе.

– Как думаешь, Горян придёт? Он тоже был сильно ранен.

Как бы не...

– А что мне будет? Конечно я пришёл, вот он я! – в дверном проёме появился Горыныч. В новом кафтане, весь перевязанный чистыми тряпицами, уже сиял весь, хоть сильно был изранен.

– Подлатали жёны? – тоскливо Кощей поинтересовался.

– Конечно, как налетели, как давай меня ругать, что я так к себе не бережно!

– Бережно! – Кощей заскрипел от смеха. – В битве-то!

– А что у вас за дело? – спросил я, усаживаясь на скамью за стол.

– Да как же! Неужто ты забыл! – Горян нырнул в мою печь и вытащил чугунок. – Ушица же нас ждёт! Водяной очень желал отведать! Давайте уважим, что ли, и его самого, и его хозяйку!

– Вон вы зачем... – я собрался было встать, Кощей посадил меня на место, сам нашёл нам чашки с ложками. Горян разлил из чугунка ушицу. Посмотрел на зверюгу, что всё ещё там плавала в ухе.

– А эту вот кому? Пожалуй, я не съем такую!

– И я не съем, хоть зубы целы, но мне её куда? – Кощей показал на свой скелет. Я, признаться, и не представляю, как он есть уху собрался. В Кощее сейчас мяса на костях и внутренностей нету, нет ничего, кроме самих костей.

– Ну... я могу попробовать обратиться. Змеем-то я её съем. Там в нутре перегорит, не страшно, – Горян начал примериваться.

– Где ты собрался обращаться? – перепугался я. – Ты же разнесёшь мне дом!

– Ну что, выходить на улицу? – Горян растерялся. Как вдруг на стол протянулась чёрная лапа. Потом вторая. Баюн поднялся, навалившись на столешницу всей тушей, ткнул мордой в чугунок, выловил ту тварь и съел. Только на зубах кошачьих заскрипели рыбы кости.

– О, Баюнка, молодец! – Горян потрепал кота по холке. – Хороший котик! Ну что, други, – он к нам обратился, – и нам пора отведать ушицы! – он взял ложку. Смотря, как Кощей повторяет этот жест, я взял ложку тоже. Мы все зачерпнули уши, попробовали. Посидели молча. Я смотрел, как ушица стекает у Кощея по костлявой морде. Он вкус хоть чувствует? А Горян?

– Ну что могу сказать... – Горян аккуратно ложку пристроил рядом с чашкой. – Мужик отмаялся.

Это он про Воднейшество и простряпню Кикиморы? Раздался дружный хохот.

Под этот хохот грохочущий Баюн засунул морду в чугунок и жадно залакал.

– Смотри, а коту нравится, – Кощейка подивился.

– Ешь, Баюн, – я ему котелок пододвинул. – Эх, а обещал тебе я мёду или вина. А кроме ухи ничего в доме и нету.

– Да погоди ты, – Горян выудил откуда-то из кармана бутылку. – Во! Вещь славная!

– Это что? – Кощей присмотрелся пустыми глазницами.

– Это, брат Кощей, настойка. Ух как хороша! Сейчас попробуем!

– А ты, уважаемый Горян, не мог с собой прихватить какой закуски? – Кощей смотрел тоскливо. – А то как-то за пустым столом сидеть больно грустно.

– Наколдуй.

– Да не могу я, – Кощей махнул костлявой кистью.

– Смотри-ка, а уха зашла Баюнке! – Кощей подивился снова. Баюн жадно всё вылакал, морду поднял и на Костейшество смотрел больно плотоядно.

– Я твоего кота теперь вообще боюсь, – Кощей отодвинулся. – И главное: ни одной же бабы, чтоб нам что-нибудь к столу приготовить! Кого мы там вообще спасали? Я больше не пойду никого спасать! Ну его, гори огнём!

– Оно и сгорело.

Опять посмеялись.

– Я, братцы, вообще не удивлён, что мы все когда-то померли и возродились нечистью, – Кощей снова вздохнул. –

При таких талантах за пустым столом сидеть за всё своё геройство.

– У меня в погребе всего полно. И вина, и мёду, и всякой снеди, – начал перечислять Горян. – Давай ко мне! Помянем Водяного. А-а-а! – протянул вдруг он. – У нас Алёша-то безвылазный из своего лесу!

– Ты Мокошь, Алёша, в плен возьми, как явится, и не выпускай! – Кощей советует.

– А что являться ей, из жалости? У нас обмен был, теперь обменивать мне нечего. И так почти леса нет. Какое тут столарничество? – я покрутил ложкой, вылил свою уху обратно в котелок, Баюнка жадно мявкнул.

– Горян, у тебя сто жен, которых ты нам наемни втюхивал. Поделись по-братски! Нам с Алёшей хоть бы по одной!

– У тебя же есть жена, Кошейка.

– Мне правда надо, смотри, я оголодал, я одна кость!

– Нет, мне самому нужны сейчас будут все и сразу. У меня нервы. Нервы лечатся большим количеством красивых женщин.

– И все, главное, жёны, – Кощею почему-то никак это покоя не давало. Видать, ему ещё девяносто девять заводить не разрешают.

– И все жены. И все любимые!

– Да как так?

– Горян большой красивый Змей и... с большим сердцем!

– Ну хоть бы одна из твоих красавиц собрала тебе с собой

какой-нить снеди к твоей настойке-то! – Кощей, видать, совсем оголодавший. Наверное, костяное тело питания требует, чтоб мясом обрасти. Пойми его в его колдовской науке.

– Да я об этом даже не подумал! Сам прибежал голодный, только меня чуть залатали! Торопился на уху! Братцы! Да мне жёны не нужны, чтобы вкусно приготовить! – он раскинул руки. – Да я сам всё сделаю! Так накормлю – забудете как звать вас! Всё приготовлю, мне для этого нужны нет в жёнах. Вы дайте мне продукты! Алёша!?

– Ничего нет в доме.

– Ну так зови свою Мокошь, пусть принесёт чего-нить! А я уж развернусь!

– Так ты ещё и еду готовить мастер? – Кощей любопытствовал.

– Да я такие пиры устраиваю! Ух! Мои жёны все стали толстые! Как кормлю их! Алёша, точно нет никаких продуктов?

– Нету. Ну разве что завалилось какое яблочко...

– Только не надо яблочек! – Кощей зажал череп своей рукой.

– А что не надо? Очень яблочки хороши, мочёные хотя бы, или наливные, только с ветки! – Горян Кощею подивился.

– А твои жены, что же, не сидят на яблоках? – теперь удивился Кощей. – И тебя не заставляют есть их? Потому что в доме ничего кроме яблочек нету.

– Мои не сидят на яблоках, а зачем это? – Горян не понял.

– Яблоки молодильные. От них бабы хорошеют и молодеют, – пояснил я.

– Главный секрет жёниной красоты и молодости – это твоя любовь, забота, ласка и внимание! – выдал нам Горян.

– Забота и внимание... – эхом повторил Кощей. – Видел Мару? Да после такой бойни я разорюсь на порошках для неё. Столько папоротника в мире не цветёт, сколько ей надо будет в пудру.

Он посидел, уставясь в одну точку.

– Горян, значит у тебя сто красавиц жён, и полный погреб снеди, и готовить ты умеешь вкусно? – он спросил. Я быстро добавил.

– Горян, ты будь осторожен! Кажись, Кощей хочет к тебе в гарем податься – сто первую женою!

– Зачем он мне там сдался? – Горян удивляется.

– А по нему сейчас же непонятно – мужик он или баба? Мяса на костях нету, как и всего остального. Вот он и думает – как в твой дом проникнуть, к твоим красавицам.

– Ну так то да... – Горян присмотрелся. – То ли баба, то ли мужик, то ли вообще – косуля! – он поднял кощееву руку, всем показывая. – Кощейка, эта кость-то явно не твоя!

– А что всё Горяну да Горяну, – Кощей проплакал.

– Зато ты царь, – Горян напомнил, похлопав Кощея по черепу. – А я так, Змей летучий.

– Алёша, – Кощей теперь на меня уставился. – Заведи хоть

ты какую-нибудь нормальную бабу здесь. Мне без разницы, как её будут звать – хоть Рада, хоть Гостиата. Главное, будет кому собрать нам на стол. Как в прошлый раз, ещё до битвы – хорошо сидели же!

– Жена не прислуга, – Горян снова принялся поучать Кощейку.

– Я сам женат уже много веков, хватит мне указывать, – Кощей обиделся.

– О, кстати, вспомнил, Мара говорила, что ей не хватает разнообразия в её семейной жизни. Предложила её выпороть.

– Кому, тебе?

– Тебе, мужу, – я на всякий случай с себя всё перевёл. – Сказала, чтоб я намекнул тебе. Вот я и... намекаю.

– Да она меня убьёт.

– Ты же бессмертный.

– В том то и дело, будет убивать, а я даже не подохну.

– Он свою жену боится! – Горян рассмеялся.

– Вы все её боитесь! Вы все! – Кощей подскочил, тыкая пальцами. – Ты, ты и... – он замолчал, показывая на место, где сидел раньше Воднейшество. – Эх.. – только и сказал и сел обратно. – Давайте, что ли, уже помянем Водяного, раз есть чем.

Мы разлили настойку. Выпили. Посидели молча. Горян в тишине первый начал.

– А всё ж таки, Кощей, это не дело – жену бояться. Ну я

её боюсь, Алёша боится тоже. А ты муж, тебе нельзя.

– Ай, отстаньте!

– Так и будешь бегать по бабам, с которыми тебе не страшно, а твоё счастье семейное ждёт тебя за этим барьером.

– Она же Смерть! Все боятся смерти!

– А ты не бойся.

– Алёша, так на чём мы там остановились, – Кощей решил сменить быстрее разговора тему. – Когда уже придёт-то кто-нибудь, кого мы там спасали из селянок?

– Никто не придет. Мне не надо никакой здесь бабы, здесь духу человеческого не будет.

– Ты чего так?

– Не хочу, да и утратил вид человеческий. Не могу обратиться.

– Да из нас сейчас никто не может! – начал успокаивать меня Кощей. – Вон Горян обратился, потому что его туша в дом не пролезет, а так... время дай себе, вернётся способность!

– Может, мне и не надо! На что мне человеческая рожа? А про женщин... Вон Кикимора одна на болоте воет. Куда её? Приведу её сюда, пусть живёт со мной.

– Уверен ты, Алёша? – Горян нахмурился.

– Ну... куда-то действительно её надо, – проскрипел Кощей. – Обещали же друг другу! Не подводить же нам Воднейшество!

– Алёша? – ещё раз спросил Горян, игнорируя Кощея. –

Ты точно заберёшь её себе?

– Твоих сто штук, Горян, сложнее было б размещать, а уж Кикимору куда-нибудь пристрою.

– Смотрю, хорошо что я не помер. Жёны бы мои были при полном пригляде!

– А как же! – Кощей оживился. Дескать не боись, Горянка, помирай. – Да мы бы пополам их с Алёшей поделили!

– И Мара бы кормила их по одной своей летающей тварюге.

– Да я б забрал со всем официозом!

– Кощей, а это твоя нога?

Он сразу смолк. Посмотрел на ногу.

– Да нет, наверное это от какой-то гадины. Может, даже и не нашей, иноземной.

– Да не! То нога лося! Или волчья лапа? – Горян всё шутит, а я раздумываю, что все твари эти издохли в огне. А это были мои волки и мой лось...

– Да вам не всё одно? – Кощей отбивается. В конце концов он кость оторвал, оглядел внимательно, приладил на место.

– Дома поправлю. Будет как родная. Меня Мара снова заткнёт в бочку с мёртвой водою, а там обрастут кости мясом... – он чихнул неудачно и весь рассыпался.

– Ой, Кошейка разлетелся! – Горян взмахнул по воздуху руками.

– Да пушай валяется, не сильно жалко, – я заметил.

Баюнка кость подобрал и начал грызть.

– Э, брось, Баюнка, брысь! Не грызи эту гадость! – я кость отобрал. – Кощей, а это, кажись, действительно твоя!

– А сильно надо, чтоб были его кости? – спросил Горян, пока мы Костейшество вместе собирали.

– Да я почём знаю? Ну наверное сколько то надо, чтоб были именно его, нельзя же из совсем чужих костей собрать того же самого Кощея?

– А Кощейка, что скажешь? Косточка вот эта нужна иль не нужна?

– Вы мне друзья иль нет? Поможете собраться?

– А мы что делаем?

Мы как смогли, его собрали. Он сразу же домой поковылял. Мы вышли проводить. Смотрим вслед, как он идёт до ступы.

– Красавец! – Горян ему вслед смеётся. – Добрый молодец, ничего не скажешь! – Горыныч руку на плечо мне положил, сказал мечтательно. – Эх, Алёша, жаль, его сейчас не видят его бабы! Они бы обомлели!

– От чего?

– От красоты!

Кощей, залазя в ступу, повернулся.

– Тьфу на вас. Повезло ж с друзьями...

– Зато женился ты удачно.

– Тьфу на вас ещё раз.

– Это... Кощейка, далеко не улетай. То бишь, не заныривай в бочку свою надолго! – Горян уж вслед кричит.

– А чего так? Я б сейчас да в столетний сон, – Кощей в ступе своей завис над нами.

– Да там люди тоже будут поминать Водяного, может, заглянем? Так, одним глазком? Охота посмотреть, что там будет.

– А что за охота? – я не понял. – Я не пойду. И видеть-то сейчас не хочу людей.

– Рада твоя выстругивает идола из дерева для Водяного. Установят на реке.

– Где это видано, чтобы нечисти такое ставили? – я удивился. – Он же не Бог был.

– Ну не Бог, а если Раде что-то в голову втемяшится... Кажись, селяне поддержали, – объяснил Змей. – А я как раз мимо летел, да посмотреть остановился. Завтра вечером они устроят ему прощание. Я слетаю. Захватить кого?

– Ну давай посмотрим, – Кощей согласился.

– Я обещать не буду, – я ответил. – Лес туда подходит почти вплотную. Может, зайду, а буду без настроения, не пойду. Ещё Кикимору надо найти на болоте.

– Вот с ней и приходи! – предложил Кощей. Горян согласился. На том мы и расстались. Кощей улетел на ступе. Горян после некоторых усилий всё же змеем обратился, но правда, не улетел, опять пешком ушёл. А я направился искать Кикимору.

Глава 34. Проводы

Я всё-таки пришёл на проводы Водяного. Взглянуть захотелось, да тянуло что-то туда. Долго шёл кромкой леса, чтобы рассмотреть, что с полями да пашнями стало после битвы всей, да после того, как река русло сменила. Покорежило много где землю, заболотило, да лес повалило тоже. Но да это всё выправится.

Сама река плоха, вода в ней ни к чему непригодная. Но и здесь жизнь постепенно своё возьмёт.

Увидел под деревом Кощея с Горынычем. Стояли они на нашем берегу – напротив поселения людского, что через реку виднелось. Вроде не пострадало оно.

И на берег люда много вышло. И мужчины здесь, и женщины. Прощание устроили.

Стоит, действительно, статуя Водяного, и бабы песню поют. В реке Кикимору увидел, и Мара рядом с ней. Также они поют, и от их пения пробирает до костей.

Пошла по воде рябь, хоть и ветра нет, разогнались волны. Воронки начали закручиваться. А потом столбиками тонкими, прозрачными, каплями, словно камнями хрустальными, вода поднялась вверх. Звон раздался, пение тоже усилилось. Бабы начали многие без чувств валиться.

И тут увидел я Гостяту. Бросилась она тем, кому плохо стало, помогать.

Сама худа, выглядит неважно, хотя что мне с берега противоположного разглядеть?

А когда она тоже упала, её на руки подхватил какой-то мужик – из их, видимо, из селян.

Я бы, может, что-то и почувствовал, если б было чем. Боль – она и так меня изнутри ест поедом, и боль эта каждого живого существа, что в лесу после битвы страдает. Так только – в голову как будто сверху обухом – обрушилась мысль тяжёлая. Гостиата жива, среди людей, вон и есть кому подхватить её, как ей стало плохо. Помирать, кажись, Гостиата не собирается. Бабы многие попадали, как и она – от пения Мары это всё. Оправятся. Да и в лес знахарка не стремится. Ни разу не заглядывала. Значит, так тому и быть. Пусть живёт своей жизнью. А я всё одно теперь лесное чудовище, и облика человеческого у меня больше нет.

Ушёл в лес. Слушал оттуда пение. Видел, как улетают Горян с Кощеем. Как Мара провожает Кикимору до болота – видел и слышал, только не через свои глаза и уши – через лесные.

Ни с кем говорить не хотел. Да и друзья мои ко мне не приставали. Кикимора выла ещё долго. А у меня всё сил не было подняться да за ней идти.

Сидел себе пнём, сидел. Ни о чём не думал. Так, может, Водяного вспоминал. Крутил мысли в голове одни и те же – наш последний разговор. Чувствовал что-то Водяной. Вот и беспокоился. Может, не за себя боялся, а вышло, что сам...

На время как будто пропал я, слился с лесом, блуждал меж ветвей, по корням путался, листву погоревшую носом разрывал. А потом очнулся разом, поднялся и пошёл к болоту. Оно много где было теперь – болото это.

– Кикимора! – позвал громко. Она встрепенулась, прекратила вой. Замерла, голову в плечи втянула даже.

– Кикимора, чего воешь? Надоела, – сказал ей.

– Вою и вою, – ответила, – тяжело мне. Моё право.

– Хоть повернись ко мне, с Хозяином разговариваешь, – напомнил ей.

Она повернулась, подняла голову. Страшна она. Волосы спутанные, вместо платья – листва да болотная ряска.

– Пошли со мной! – протянул ей руку.

– Куда это? – не поняла она.

– Ко мне в дом, со мной жить будешь.

– Нужна тебе баба болотная? – с сомнением спросила она. – Горе у меня.

– Будешь в доме моём горевать, – я руку протянутую не убрал, стою по колено уже в болотной трясине, жду.

– Пошли коль не шутишь! – она руку свою протянула, за мою лапу схватилась крепко. Вытянул я из болота её и сам выбрался. Говорю Кикиморе:

– Ну пошли в чащу лесную. Где живу я, знаешь, но всё равно лучше не отставай.

– Кто ж я в твоём доме буду? – зашлёпала болотная нежить за мной, лапы переставляя перепончатые.

– Хозяйка будешь, – сказал ей.

– Хозяйка Леса? – испугалась она.

– Хозяйка Болота, а оно всё одно в моём лесу. Как и река. Посмотрим там, что дальше будет, а пока одна ты у нас водная нежить сильная, приглядывать будешь за рекой и болотом.

– Значит, и в твоём доме буду хозяйка? – осторожно спросила Кикимора.

– И в моём доме, – эхом повторил я.

– В бочку посадишь? – она семенила рядом. Лапы, по земле ходить не больно приученные, за всё цеплялись.

– Нет. Это я так... Стращал тебя. Притеснения тебе ни в чём не будет.

– Так я... жена буду твоя?

Я остановился, повернулся к ней.

– Если захочешь.

– В груди больно покамест, – ответила она, взглянув на реку.

– Одной лучше на болоте? – спросил я.

– За летом и осень придёт. Птицы улетят, вода холодной станет, – просипела Кикимора. – А потом и вовсе зима нагрянет, льдом стянёт реку, вымерзнет болото. Нет, худо будет одной, – она взглянула тоскливо.

– Ну вот и решили, – я пошёл дальше. Так и привёл Кикимору к себе домой.

Глава 35. Потёмки

Обживались мы с Кикиморой сложно. Дал я ей время погоревать, не лез к ней с делами лесными, не беспокоил по хозяйству. Развела она мне в доме сырости, но я молчал. Наконец-то решил устроить её уже как-нибудь, чтобы мы друг другу не мешались.

Леса мало и рубить его на пристройку было жалко, так что я собрал всё поваленное, что рядом нашёл, соорудил для Кикиморы навес над болотом, которое теперь почти к дому подходило. Чтобы мне вода сруб не портила, я вокруг дома всё же почву осушил, оставил только в одном месте подход вроде канала болотистого да ванну природную для Кикиморы. Вот она там и повадилась сидеть.

К дому я сделал переход крытый, так Кикимора от болота до горницы моей по нему шастала да всю грязь домой носила. Наконец-то пообещал я этой болотной бабе, что действительно в бочку её посажу, если не прекратит. Лесной нечисти рядом с болотной под одной крышей, оказывается, обживаться сложно.

Помучавшись, сделал я ещё и купальню, и хотел ещё один переход соорудить от купальни этой в пристройку Кошееву, чтоб Кикимора там ночевала. Но болотная нежить наотрез отказалась. Там ей сухо слишком – кожа сохнет, шелушиться начинает, чешуя отваливается. Значит, надо ей влажность

поддерживать в помещении. И спальню делать рядом с купальной. Наконец я всё обустроил.

С мелкой нечистью лесной я особо не общался, но все знали, что Кикимора – нынче жена мне. Так её никто в лесу обидеть не смел, относились с почтением.

Когда Кощей в гости пожаловал, Кикимора его старалась уважить. Накормить, напоить, беседой развлечь. Когда она в свою опочивальню болотную ушла, Кощей даже выдохнул.

Вышли мы с ним на крыльцо, сели на звёзды смотреть сквозь ветви, небо закрывающие.

– А женой зачем? Никак нельзя было по-другому? – первым спросил Кощей.

– А какая мне разница, пускай, – я отмахнулся, наблюдая за падающей звездой. – Всё одно это обман один, видимость.

– Как обман? – Кощей встрепнулся.

– Лес никогда не примет её, нежить болотную. Мне никак её, Кикимору, Хозяйкой Леса не сделать. А моя жена должна быть и лесной Хозяйкой.

– Ишь как! – Кощей покачал головой. – Ну а Рада кто?

– Раду можно было сделать Хозяйкой Леса, – ответил я без особого интереса к разговору. – У неё кровь есть наша, тёмная, и она человек. Ни к какой нежити – ни к водной, ни к огненной, пока не относится, хоть какой её делай – всё примет...

Как и Гостята бы могла – про себя уже подумал, но отогнал быстро эти мысли. Знахарке, видать, хорошо среди лю-

дей. Сама она говорила, что человек должен с людьми жить. Она свой выбор сделала. Не неволят ведь её там, но за всё это время она ко мне не пришла.

– Рада – Лесовичка, моя названная сестрица, вроде того, – я поднял и покрутил тонкий прутик в руках, – ну это тоже так, для неё больше название, чтоб не обижалась. Служка она моя и леса.

– А Кикимору служкой нельзя?

– Лесовичкой? – я повернулся к Кощею. – Тоже нельзя. Говорю же, она водная нежить, лес не примет. Но в том, что я Кикимору женой назвал, у меня тоже есть свой интерес.

Кощей посмотрел удивлённо. Не поверил. Я принялся объяснять:

– Мало того, что она так без всяких объяснений под мою защиту попадает, так ещё и я теперь имею право нос свой звериный, лесной совать в дела речные и болотные. Кикимора у нас одна водная нежить сильная, но нечисть помельче может её и не слушаться, от лап отбиться. А если будут знать, что я могу прийти да какому бунтарю усы, лапы и рыбий хвост отрубить – они уже и покладистее будут.

– А как ты в реку-то?

– А чего мне? – я плечами пожал. – Плавать я умею. В рыбу не обращаюсь, конечно, но в бобра какого, в ондатру могу. Язык речной выучу, ну и на правах мужа Кикиморы буду там свой суд вершить, порядок соблюдать. Пока нового Водяного не появится, надо же кому-то...

– Может и не появиться. Не у всякой реки он есть. А если тут Кикимора будет за главную владычицу водную, да ты со своим топором страх начнёшь нагонять – тем более.

– Умереть должен кто-то подходящий, – подумал вслух я.

– Дак это не так просто и не так часто случается, – Кощей вздохнул. – Сто лет может пройти или больше. А девка твоя что? Которая Гостиата.

– Видел её, – нахмурился я. Говорить про неё не хотелось, скребло нутро. Всё ж таки, у нас, у нежити, сущность наша глупая. Прожила тут какая-то девка у меня три дня, нашла для меня слова ласковые, правильные. Обещала любить, вместе жить со мной обещала, а потом сбежала и всё.

– Ну и что? – Кощей продолжения требует.

– Да ничего. Среди селян она, пусть там и остаётся. Куда мне её? – я лапой слабо махнул на свой дом.

– А с Кикиморой, значит, так и будете, как муж с женой? – Кощей тоже на двери мои глянул. С того места, где мы сидим, пристройку да навес новый не видно, но Кощей, как прилетел, успел осмотреть всё. Поменял я свои хоромы основательно, под Кикимору всё перестроил.

– Без моего покровительства ей не быть речной владычицей. Нечисть помельче её загрызёт, – ответил я. – А меня боятся.

– Так она зелёная, в слизи какой-то, в чешуе, – Кощей поёжился. – Как ты с ней спать будешь?

– Да ещё Водяной только помер, не собираюсь я с ней

спать.

– Тебе, вон, морду от одной мысли перекосило, – сообщил мне Кощей.

– Баба как баба, – заступился я за Кикимору. – Я нынче тоже красавец сомнительный. Звериную морду да тушу – и ту попортило. А человеческой ипостаси лишился.

– Да может ещё вернёшь.

– Мне ни к чему.

Посидели ещё, уже молча. Так и улетел Кощей в этот раз, но прилетал часто. Заглядывал. Лето подходило к концу.

Кикимора понемногу в новой роли обжилась. Пару раз просила меня сходить на реку, с нежитью речной разобраться. Я разобрался быстро. Никто больше недовольства не показывал.

Много я в речном хозяйстве не понимаю, но вроде рыба водилась, зверям и птицам, что ею питаются, было что есть, а мне больше и не надобно. Вода чистая, я кое-как в ней купаться приспособился. Вспомнил, что баню ставить хотел. Одни глупости.

Хотя для Кикиморы вон сколько болота у дома развёл. Да ещё утеплил, чтоб зимой не промерзало.

Сегодня пришёл домой, Кикимора на стол накрыла. Покармила, причём съедобным вполне. Я уже давно заметил, что поладила наконец-то болотная баба с Мокошью. Уважила её, одарила чем-то. Теперь снова у меня в доме снедь вся-

кая появилась, угощения да питьё хитрое.

Отужинали, посидели с Кикиморой за столом, дела обсудили речные. Уже потихоньку природа готовилась к осени и мне болотная баба рассказывала, что в сезон этот в глубинах речных происходит.

Кикимора тоже выглядеть иначе стала. Поначалу сильно она горевала, ходила нечёсаная, грязная, потом постепенно стала себя в порядок приводить и со мной шутить шутки разные. Вот и сейчас сидела, улыбалась, нахваливала меня, говорила слова ласковые. Всё это мне было подозрительно.

Я из-за стола поднялся, к себе пошёл. Кикимора меня остановила.

– Посиди со мной, Алёша.

Давно меня никто Алёшей не называл. Ещё и голосом ласковым. А Кикимора лапу свою мне на грудь положила, не давая пройти, а потом прислонилась лбом.

– Ты чего это, матушка? – спросил я осторожно. – Кожа у тебя высохнет, шла бы в свою опочивальню, окунулась в ванне да отдыхать легла.

– Сегодня сыро на улице, дождик был, я ещё окна открыла, проветрила. Так что влажно в доме, с кожей моей всё в порядке. А искупалась я ещё до ужина, – она ко мне прижалась сильнее. – Я же понимаю, что если бы не ты, Алёша, не признала бы во мне нечисть водная Хозяйку Речную. Уважил ты меня, женой своей назвал. При Водяном я Хозяйкой не была, а при тебе в своём доме – в реке и на болоте – вот

стала, – она меня по руке погладила. По шерсти.

– Непривычно так, – сказала. – Чешуи у тебя нет. Может, человеком обернёшься? – и в глаза мне заглядывает. – В человеческом обличии ты мужчина очень красивый.

– Нет у меня больше обличия человеческого, – ответил ей. – На что смотришь, то и есть, мил или нет, а другого не будет.

– Ну и так ты хорош, – Кикимора погладила меня по второй руке, потом вложила свою руку в мою. – Пойдём в спальню!

Всё мне было странно. И её обличие, и моё. И то что кожа у неё сухая, чешуёй покрытая, и что зелёная она, и что пахнет ряской. И то что я таким делом в обличии своём зверином никогда не занимался и не собирался никогда – меня тоже смущало.

– Нормально всё? – спросила меня Кикимора, потеревшись носом о мою грудь мохнатую. Нормального ничего в этом не было.

Прежде чем она сама начала раздеваться и меня раздевать, я её руки остановил, накрыл своими, так чуток подержал её, пока она не поняла, что надо успокоиться. Потом я взял её за плечи, переложил от себя подальше, головой на соседнюю подушку. Накрыл сверху одеялом.

– Непривычно так, матушка, – сказал ей. Никогда ни одну женщину в такой момент не додумался бы матушкой назы-

вать, а Кикиморе сказал нарочно. – Ведь никто не торопит нас. Всё ж таки мы с тобой нежить разная, оно как-то против природы нашей. Надо обвыкнуться.

– Не нравлюсь я тебе, – огорчилась Кикимора. – Считаешь меня страшнОй?

И опять в глаза мне заглядывает.

Не считаю я так. Вполне она хороша – для Кикиморы. Да и мне нос воротить не с чего. Она нежить и я нежить. Её мой вид не пугает, да и тело на её ласки женские откликается. Да вот только не она тут быть должна. А если та, которую я бы хотел сделать Лесной Хозяйкой, сюда дорогу забыла, стало быть, никого тут пусть не будет. Что тут делать Кикиморе?

– Красивая ты, – еле как язык расплёл, чтобы слово молвить. Давно ли вёл речи разные с красавицами залётными, а как будто всё в другой жизни было, сейчас как отрезало. Что сказать – придумать не могу, какие слова подобрать, чтобы не обидеть?

– Красивая? – Кикимора обрадовалась. Оно, много ей слов, оказывается, и не надобно.

– Волосы у тебя душистые, длинные, рекой пахнут, тело крепкое, ладное. Дивно ты хороша, – начал я ворочать мыслями тяжёлыми, мохом поросшими.

– Какие ты речи красивые говоришь, Алёшенька! – Кикимора расцвела. А Водяной-то, видать, совсем двух слов связать не умел, если по её мнению я сейчас говорю красиво. Вспомнил Воднейшество совсем не к месту. Не рано ли Ки-

кимора его мной заменяет?

– Не так давно Водяной умер. Рано нам, может, вместе спать? – сказал ей всё-таки, что было на уме.

– Ты сильно горюешь, ой как сильно, – Кикимора мне положила лапу на щеку, меня по морде погладила. – И я сильно горюю. Может, так легче будет – рядом быть, чем по отдельности? Раз я Хозяйка и жена, мне место тут, – она похлопала по простыни рядом со мной.

– Хозяйкой Леса тебя не смогу сделать, – признался я.

– Да я понимаю это, – Кикимора кивнула, продолжая меня наглаживать. – Я речная нежить, мне лесной Хозяйкой не быть.

– И тебя устраивает?

– Всё у нас будет ладно, – она снова прижалась ко мне. – Ты за лесом следишь. Река и все болота в твоём лесу находятся. Нежить речная меня как Хозяйку приняла, а нежить лесная – как жену твою. А тебя и те, и эти сильно страшатся и уважают, так что всё в порядке будет – и в лесу и на реке.

– Ты если не хочешь к себе уходить, можешь здесь спать, – опять я её от себя отодвинул. – Только если вдруг ночью жарко станет, ты не бойся, спокойненько уходи к себе – это меня никак не обидит. А пока давай спать. Устал я.

Снова я накрыл её одеялом, решил погладить по голове. Замер, смотря на свою звериную лапу. Такая она стала уродливая. Шерсть вся свалялась, много где опалённая. А где вырвана, там новая не выросла, шрамы выются рытвинами. Го-

лова Кикиморы совсем небольшой кажется под лапой моей. Я же, наверное, если пальцы сожму, и... дальше я не стал размышлять об этом. Что лапой своей одной голову Кикиморе могу раздавить, и что всё-таки совсем я зверь стал, ничего нет от человека.

– Спи, – сказал ей и отвернулся. Почувствовал, как рука её по мне ползёт.

– Спи, сказал, – зарычал на неё. Она руку убрала быстро и всю ночь оставшуюся лежала тихо. Я заснул, по крайней мере, не слышал, чтобы она ворочалась или из постели уходила. А поутру оказалось, что спать Кикиморе со мной хоть как нельзя.

Проснувшись, я узнал, что Кикимора всё-таки выбралась из моей постели. Но не потому что ей стало жарко. Ночью я буйный. Сам про себя не знал, не замечал раньше. Да и никто на такое не жаловался. Не сразу я сообразил, что это, видать, я стал такой после битвы. Сны снятся или ещё какая напасть. Ночью ревел на кого-то диким зверем, буйствовал, скинул с постели Кикимору. Задел её когтистой лапой. Теперь болотная баба ходит с моей царапиной. Чешуи с неё снял малость, с бедолаги.

Я и не знал как извиняться, одно только решил, что если настолько всё запущено, Кикиморе точно в моей спальне делать нечего.

– Да не обижена я! – принялась успокаивать меня водная

нежить. – Я сообразила, что не в себе ты. Да вовремя не успела проснуться, из постели выскочить. В другой раз выскочу.

– Ты что это, матушка, выдумала? – я злиться начал. – В какой ещё тебе другой раз?

– Да я могу уходить, когда ты заснёшь, – Кикимора глазами похлопала. Я посмотрел на её царапину.

– Ты что же, совсем не боишься?

– Боюсь в самом деле, – Кикимора голову склонила. – Больно уж страшно ты рычишь.

– Давай так договоримся, матушка, – вздохнул я, взял за плечи её, посмотрел в зелёное её лицо. – Тебе ни в чём не будет никогда упрёка и притеснения. Ты всегда будешь Хозяйкой речной и моей женой. По крайней мере, пока я живой и пока ты сама не против. Я тебя не прогоню и плохого слова ты не услышишь. От тебя я жду порядка в доме и должного исполнения обязанностей речной Хозяйки. А в моей спальне и со мной вместе тебе спать не обязательно.

– Да я же не неволю себя, Алёша, – Кикимора вроде как надулась, а потом сама же на царапину свою глянула. – Только разве что опасно это покамест. Ну раз уж вышло так, что мы Хозяева тут, то надо друг к дружке приноравливаться.

– Ну вот пока опасно, делать тебе рядом со мной ночами нечего, – решил я её приободрить. – Может, в башке моей лесной прояснится, перестану буйствовать, тогда и посмотрим.

А сам думаю, что вряд ли что-то прояснится там. Как буд-

то наоборот всё – костенеет ум. И сам становлюсь неповоротливым. Или действие воды мёртвой закончилось, или разбредил раны, пока пристройки ставил, топором махал, а всё теперь ноет, особенно ближе к ночи да в вечернюю сырость. И мышцы болят, и кости ломит. Главное, что башка трещит, как будто там муравейник, али гнездо осиное.

Глава 36. Прости, прощай, лето

Выдался денёк хороший. Светлый, ясный, тёплый. И небо видно было, и зеленела кое-где листва. Хоть и осень подкралась уже, позолотила местами, багрянцем украсила, а ещё не сдавалось лето. И как будто специально дня ждала погожего, явилась ко мне Василиса.

Прилетела, из ступы вылезла – девица румяная, в платье ярком, стан обхватывающем. Кожа белая, едва солнцем тронута, глаза как два лесных озерца с чистой водой. Стояла она, расправив сбившееся платье, в землю взором потупившись, а от самой жар летний шёл. Такая она вся красивая, знойная, свежая. Я замер, как в землю врос, её разглядывая. Давно, выходит, не видел красивых девиц. Просто смотреть на неё глазу приятно.

– Алёшенька!

И голос у неё звонкий, весёлый, слушать радостно.

Она сделала пару быстрых шажков, протягивая руки. Потом в нерешительности их опустила и тоже замерла.

– Алёшенька, а ты почему же меня не встречаешь?

– Как же не встречаю, вот он я, – проскрипел я ей что-то. Василиса, конечно, красавица. На Мару глаз уже привык смотреть, да в последнее время она ходит без волос и без настроения. Кощей старается не попадаться под руку. Про Кикимору промолчу, а Василиса хороша...

– Ну ты хоть человеком перекинься, я обниму тебя! – она всё же подошла ближе и снова протянула белую ручку. – А что это ты, Алёша, стал такой... – она замерла, подбирая слово. – Совсем как зверь лесной!

– А был какой? – спросил я, всё, как дурак, любуясь.

– Забавный был такой, мохнатенький, пушистый.

Я был пушистый? Что там в голове у Василисы?

– Большой правда, больше чем медведь, и со свирепой мордой, – продолжала она, – но как-то выглядел повеселее! Перекинься, а, дружок! Ну что же ты, не обнимешь Василису?

Я неуверенно протянул к ней лапу. Она осторожно прикоснулась к моей ладони пальцами.

– Леший, знаю я, что была тут битва. Я потому и не являлась. Ты, дружок, не подумай, что я тебя забыла. Если ты на меня обиделся и не хочешь показываться человеком, ты не обижайся! Тут было у вас не очень-то приятно! Летал пепел, всё в грязи было, лесом воняло подгоревшим... Сейчас вроде как всё оправилось, стало получше. Вон и травка зеленеет, хоть и скоро осень, и на деревьях сочные какие листьяв кроны! Вот и я решила заскочить, тебя проведать.

– Спасибо, что заскочила, – я умудрился выдать. А солнечно сегодня, дует свежий ветер. Пригласить бы Василису хотя бы чаю попить с малиной. Засесть с ней перед домом на полянке, послушать, как она рассказывать мне будет свои побасенки.

Вышел Баюн, мяукнул недовольно. Василиса отскочила.

– А что это за страшный облезлый кот? – она сморщила носик. – Фу-фу, уйди, нечисть! – девица смешно руками замахала. Баюнка зашипел.

– Кота не обижай, он... пока ещё болеет. Может, оправится.

– А, после битвы наверное, – Василиса кивнула, протянув, – кис-кис, бедный котик! – она хотела его погладить, но чуть когтистой лапой по руке не получила. Странно, я думал, девицы Баюнке нравятся. По крайней мере... Шевельнулась мысль, но не успела проявиться, Василиса звонко засмеялась.

– Ну и кот у тебя! Под стать тебе! Алёша! Я всё жду! – она топнула ножкой.

Как ей объяснишь в словах двух, что того Алёши, что катал её по реке на лодке, бобров пугая, и травил ей шутки, чтоб она смеялась погромче – на зависть Водяному, того Алёши больше нету?

– Я больше не умею в человека. Во время битвы принял звериный облик и с ним сросся. Теперь такой и есть.

– Да быть не может... – Василиса протянула расстроено. – Ну ладно, – снова подошла и взяла в свои маленькие ручки мою лапу. Оглядела меня внимательно.

– Так ты зверь теперь?

Вообще-то я по-прежнему существо мыслящее, и по-прежнему мужчина, хоть и в этом зверином теле. И смутно

понимаю, что таких красивых нежных девиц мне осталось разве что держать за руку, если повезёт.

– Я Леший. Хозяин Леса. Как и был.

– Ну лес вроде выглядит неплохо, всё образумится, – сказала и улыбку всё же выдавила. Умеет Василиса поддержать беседу светскую... Стояла она здесь и улыбалась мне, а в глазах её увидел я другое.

Впервые в жизни в женском взгляде почувствовал к себе брезгливость. Видать, совсем противен стал вид мой внешний. Кикимора – та ничего, даже не морщилась. И Василиса вроде лицом ну разве только чуть дрогнула, но глаза выдавали. Или это жалость в них? Так я вроде не калечный. Ну так много где порубленный, шерсть попортило, ну чуток задело морду.

– Хорошо что повидались, полечу, наверное, – она стала пятиться назад, нащупала рукою за спиной свою ступу.

– Я б самовар раздул, ты не останешься?

– В каком... это смысле? – что-то она стала заикаться.

– Да на чай. Погоди, сообразим! Сейчас позову Кикимору, – я повернулся. Крикнул. – Эй, Матушка!

И ведь только сейчас вспомнил, что женат. Совсем нигде в башке лесной не отложилось, что я больше не один здесь.

Кикимора вышла. Василиса, может, и рада удрать, но ведь теперь невежливо будет с Хозяйкой не поздороваться. Кикимора злобно зыркнула на Василису, но поприветствовала.

– Здравствуй, Кикимора, – Василиса ей едва кивнула.

– Алёшенька, что звал? – мне болотная нежить пропела ласково.

– Да вот, у нас с тобою гостья, наверное надо чаю ей сообразить, сегодня день погожий, сядем на полянке. Что скажешь?

– Давай уважим гостью. Схожу, самовар поставлю, – Кикимора скрылась в доме.

– А что она у тебя в гостях? И почему Матушка? – Василиса нахмурилась.

– Не в гостях. Живёт она здесь. Кикимора нынче жена моя и Хозяйка реки и болота.

– Вот как... – Василиса брови сдвинула. – Ты и женился?

– А что тут удивительного? – я всё же подошёл к ней.

– Думала, ты никогда не женишься, – она чуть-чуть плечами дёрнула. – Ещё и на Кикиморе, – тут Василиса откровенно сморщилась. Неужто это как-то задевает женское её самолюбие?

– Ну вот женился, теперь мы вместе на всём в лесу хозяйстве, – я понимал, что Василиса скоро улетит, и на чай не останется. Так её рука вцепилась в край ступы, пальцы побелели, так сжались. А мне хотелось просто смотреть на неё. Или было ещё что-то. Какое-то плохое чувство, горькое. Я злился на неё. За то что она такая нежная, красивая, воротит от меня нос и избегает смотреть на меня. А я же помню, как у нас было до.

– Я полечу пожалуй, Алёша. Я так, проведать, как дела

твой. Вижу, что хорошо... – последнее слово едва вымолвила. Я положил свою ладонь ей на шею. Хотел на щёку, то есть, вышло что и шею, и пол щеки закрыл Василисе. Она замерла в испуге. Вроде и сама не простая девица, не должна бояться нечисти, а я слышал, как сердце у неё в страхе колотится. Как пульсирует на шее венка – не чувствовал. Утратила рука чувствительность, разве что чутьём звериным чуял всё.

Ещё на стройке заметил, что топор в руке хорошо лежит, пальцы под рукоять как раз обхват делать привычные. А если что помельче требуется, если вдруг хотя б рубанок взять, уже не слушаются лапы зверевы. Не то что инструмент поменьше... Как не пытался я выстругать узоров хитрых, такой работы мелкой пальцы не послушались. А ведь умел. И в этом теле, и в человеческом.

У Василисы глаза испуганные, дышит порывисто, но снова смотрит на меня. Теперь правда не с брезгливостью, а со страхом больше. Что я, звериная лесная образина, с ней делаю, зачем мне знать, что там в голове у Василисы, под этой белой кожей, тонкой косточкой, под шапкой её волос шелковистых? Что она думает – мне, сидя в лесу глухом, какая разница? Что мне за дело, что они все разом думают? Никакого дела, только испугал зазря...

Я подхватил её, она вскрикнула. Я спросил.

– Чего кричишь?

Василису в ступу посадил, на одно мгновение взял на руки. Вроде не свернул ничего, не помял, не повредил.

– Так, испугалась что-то, – она хихикнула. А я продолжал её разглядывать. Ведь для меня оделась. Платье это нацепила хитрое, неприлично открывающее многое, для меня расчёсывала волосы, смотрелась в своё отраженье, прихорашивалась. А тут я такой, какого не ждала увидеть и встречаю не так, как встречал раньше. Так почему я злюсь?

– Я полечу, Алёша, – она ступу приподняла, чуток её от земли оторвало уже.

– Лети, Василиса. И ещё... знаешь что... Ты передай подружкам, что я женат. Чтоб не прилетали больше проводить. Вы же все друг друга знаете.

Кажется, задел её. Зачем – не понял сам. Так-то она всегда знала, что не одна у меня. Но я её никогда ни с кем не сравнивал и никогда не вспоминал при ней других.

– Не думала, Алёша, что между нами вот так всё кончится, – ведь разозлилась сильно. В глазах гнев запылал. Ну так точно лучше, чем жалость. Но мне наверно после будет стыдно за всё.

– Прощай! – Василиса взметнулась ввысь. Я поймал ступу. Не дал улететь, подтащил к себе.

– Отпусти! – красавица уже кричала на меня.

– Подожди... – я ступу продолжал удерживать. – Ты прости меня, я не хотел обидеть. Голова после битвы стала дурной. Что хотел сказать... – ведь уже забыл. – Ты если что-то надо будет, смело прилетай. Если какая моя помощь понадобится.

– Пусти ступу! – Василиса всё пыталась вырваться.

– Сейчас отпущу. Ты скажи сначала, что меня услышала.

– Услышала! – сказала с вызовом и снова дёрнулась. Я

лапы разжал, наблюдал, как Василиса улетает вдаль.

Ну раз услышала, то хорошо, а то я нынче стал сомневаться, что девки мои речи понимают сразу же. Если сильно ей чего-нибудь понадобится, то наверно Василиса явится, и не больно важно будет ей, насколько у меня рожа нынче страшная.

Глава 37. Рада в лесу

– Я ведь живые души на тот свет отправил. Чем, ты думаешь, я расплачиваюсь?

Лес осенний звучит по-особенному, воем в ветвях ветер. Не хочет природа смиряться с близкой своей кончиной. Все-му живому пора на покой. И всё ж таки, как будто больше из привычки, жизнь сопротивляется. Ведь замереть надо, притвориться спящим до весны или впрямь в спячку впасть, но завывает ветер, зверьё ходит понурое, отъелись плохо, лето беспокойным вышло, осенние дары скудными – не получилось запастись ни жиром, ни припасами, как надо бы. С тревожным сердцем все мы ждём зиму.

Но есть ещё с пару погожих дней. Может, и я чего успею сделать?

– Какими бы твои глаза ни были, живыми или мёртвыми, а мне твой ласковый взгляд всегда душу радует, – Рада сделала ко мне пару быстрых шагов и упала в лапы. Она, как обычно, сначала делает, потом думает.

А спросила она меня, отчего как будто цвет глаз моих поменялся, да и общий облик весь? Не признать теперь меня. Зверь зверем и есть. Так я сначала к ней медведем вышел, и в медведе она меня не узнала. Удивлённо спросила так:

– Батюшка?

Потом чуть более уверенно:

– Алёша, ты?

То я ей братец, то бабушка, то Алёша. Сама всё никак не определится, бедная.

Перекинулся Лешим. Объяснил про глаза. Что нынче они у меня оба мёртвые, и не надо ей в глаза мне смотреть. Она хоть девица и крепкая, и привычная, но человеку теперь лучше взглядом со мной не сталкиваться.

Теперь мёртвый я.

Рассказала мне Рада, что за Родькой пошла. Я даже шутить не стал, чтоб оставалась со мной. Зачем ей Родька беспутный её? Тут такой хороший Алёша... был. Промолчал, даже начинать лень. Рада мне это заметила. И вообще заметила многое.

– А что это на тебе такая плохая рубаха?

– Да чем она плоха?

– Так в дырах вся. Худая. Да холодная. Неужто потеплей нельзя одеться к осени? – Рада меня рассматривала.

– Помилуй, Рада. Я же свою имею шкуру. И сверху на мне ещё медвежья и волчья.

– И всё равно рубаха плоха, – девица покачала головкой. – Я, правда, шить не мастерица, но зашила бы. Зайти к тебе, Алёша, похозяйничать? Мне где-то бы ребёнка покормить. Но надолго я не смогу. Хочу уйти ещё по суху.

Вот дура баба или нет?

Куда идти – не знает. Где её Родька, и что за ведьма забрала его – не ведает. А по суху собралась уйти. Пока не дожди,

не грязь, да после и не снег. Как будто далеко до этого.

– Пойдёшь в края южные. Немного обхитришь погоду, обгонишь, – говорю я. – Не отпущу тебя я, Рада, незнамо куда. Ведь ты, куда путь держать, не ведаешь.

– Буду у людей спрашивать. Битву не заметить было нельзя. Кто-нибудь да укажет путь. Дойду.

– Дурная. Себя погубишь и дитя. Зачем взяла с собой?

– Не смогла не взять, – она понурилась, потом сына вытащила из корзинки, которую ещё я давненько плёл, и обняла.

– Уйти хотела без него, а он не дал. Всё плакал и тянул ко мне ручки. Велиславчика-то оставила в доме Велимира. А с Радогором сказала, что пойду к матери. И у матери хотела его оставить. Уложить спать и сама уйти, пока ночь. А он как почувствовал. Всё ревел. Не дал уйти мне без себя, пришлось на руки брать и выходить.

У ней с собой всё её барахло. И доспех прихватила, и меч, и платье. Сама стоит в селянском, а одежду, что Кошей дарил, взяла с собой.

– Про одёжу не знаю, а что взяла доспех и меч, то правильно. Я тебя тоже кое-чем в путь снаряжу. Пойдём в дом. Да будь поласковее с моей Хозяйкой.

– С какой ещё Хозяйкой? – Рада насторожилась.

– Женился я недавно на Кикиморе.

Кажись, Рада, там где стояла, там бы и села. Да я не дал ей на землю садиться. Встряхнул за плечо.

– Чего так удивилась, девица? Расстроена, что замуж за

меня не вышла, когда звал, а теперь уж поздно?

Она как онемела. Потом только глазами похлопала.

– А что так худо смотрит за тобой твоя жена? Для жена-того ты больно плохо выглядишь.

– Почему это плохо?

– Рубаха не починена, сам лохмат.

– Кикимора мне не прислуга. Хватает у Хозяйки Водной своих забот. А мне красоту наводить без надобности.

– Жена то не смогла уважить мужа? Помнится мне, кто-то меня заставил сапоги с него снимать и стирать рубахи. А я никто была тебе, просто мимо шла девица!

Вон оно как. Мимо она шла. А то, что я не дал ей заблудиться и сгинуть в лесу, а потом увёл от волчьего братства, не позволив из-за неё в лесу состояться драке, про то она не думает. На ночлег её устроил, ей обеспечил ужин. Утром на медведе отправил восвояси. Леший за услугу должен службу требовать. Но... мог, конечно, заставить и снимать с себя сапоги, и готовить мне, и вообще любил какую учудить забаву...

– Не помню, чтобы ты противилась.

– Всё ж таки ты Лесной Хозяин. И молодец красивый, – добавила она, чуток задумавшись.

– Я человеком больше не обращаюсь. Ни к чему мне, – ответил ей.

– Значит, ты женат, и больше не хочешь быть человеком? – переспросила Рада в задумчивости.

– Нынче до тебя сказанное не сразу доходит? – провёл её в дом. Рада попросила подержать её сына. Как попросила? Просто сунула его мне в лапы, пока разбирала свою котомку.

Вроде бы Радогор меня узнал, хотя такой малой не должен бы. Заулюлюкал и схватил меня за коготь. Дурная Рада девка. Мне теперь только держать детей в лапах. Лапы непослушные. Я бы, наверное, уронил дитё или ещё чего, но он сам хорошо за шерсть схватился.

Вышла Кикимора, на Раду взглянула удивлённо. Потом на меня. А на дитё в моих лапах тем более. Я объяснил ей, кто это пожаловал к нам в гости. Кикимора девицу поприветствовала сдержанно.

Рада взялась, с позволения Кикиморы, готовить ужин, я нашёл на полке блюдце, вытащил, подул на него, постучал.

– Чего-то не работает, перепутал, что ли, плошку? – подул ещё раз. Рада на меня смотрела как на полоумного, однако блюдце заблестело, по центру пошло рябью доньшко и вскоре появилась на дне донца рожа Кошеева.

– О, Леший, чего звал?

– Клубок у тебя ещё или обменял на ерунду какую-нибудь?

– Клубок? У меня, должно быть. А тебе зачем?

– Рада пошла искать Колдунью.

– Не царицу ли Шамаханскую?

– Нет, не её. Но вроде та тоже Царица. Вам, царям, виднее.

– Ты думаешь, мы собираемся, чтобы пересчитаться?

– А что, нет?

– Допустим, узнаю. Нужна которая?

Любимый наш с Кощеем разговор. Придётся поднапрячься, чтоб сообразить.

– Мы дрались с кем – с Колдуном? С каким именно? Видать, это была его баба.

– Да как бы узнать теперь, мы же всех перебили...

– Вот же тоска-печаль... Как-как? Ты того Колдуна совсем не знал?

– Так человек же! Они рождаются и мрут как мухи!

– А его Колдунья тоже человек? Попробуй спросить у Мары. Может, они, Царицы, друг дружку лучше запоминают.

– Да... как бы это... клубок же заговоренный на всякие отгадки. Он должен сам понять и путь указать.

– Или нет... Ему надо назвать, к кому. Тогда покажет. А так – неведомо куда...

– Наверное ты прав... Время терпит?

– Рада у меня. Останется на ночь.

– Ну я утром сообщу тебе. Сам не прилечу, постучи в блюдце.

– А клубок?

– Клубок сброшу с предвестником. Помнишь тварь пернатую? Отправлю с ним.

– Договорились.

– И ещё, Леший. Если ты эту тварь как-нибудь случайно... зарубишь, там... я буду благодарен.

– Да я бы рад, так ведь мразина вниз не спускается.

– Ну если вдруг.

– Да не вопрос. Всё ещё надеешься, что Мара заведёт голубку?

– Да я... О, жена идёт.

Где-то там за спиной его раздалось женское ласковое: “А ты с кем?” Дальше я слушать не стал, перевернул блюдце. Чуть не разбил. Рада поймала и поставила на место.

– Чудное блюдце! – вроде девица всё своими глазами видела, а как будто не поверила, что я с Кощеем говорил.

– Завтра будет у тебя клубок, который путь покажет. Если повезёт, узнаем имя той Колдуньи. Так искать будет сподручней.

– Спасибо, братец, – Рада часто закивала.

– Иди, следи за тем, что там у тебя в горшке на печке варится. Должно так шипеть?

– Ой, нет, братец! Выкипело! – она метнулась к печке.

Отобедали. Кикимора с нами за столом сидела. Сын Рады сидел с матерью на руках, сам ел из ложки, что Рада ему в рот пихала. Подрос, и быстро.

– Всё ж таки много ты воды живой, девица, выпила, – заметил ей.

– Ничего, жизнь предстоит нелёгкая, оно и к лучшему, – Рада ответила.

Кикимора недовольно зыркнула, спросила, где я спать

укладывать буду девицу и ушла к себе.

Раду я устроил у себя в спальне, сказал, что пойду в пристройку, но сам решил спать на улице. В последнее время мне так больше по нраву. Душит меня в помещении, стены давят. Просыпаюсь – словно в клетки. Лучше уж на воле.

Пока девица стелила свежую постель, сидел на полу с её сыном. Он вокруг меня ползал, за шерсть цеплялся и начал на ноги вставать.

– Рада, видела уже, что у тебя сын ходит?

Она повернулась резко, бросила подушки.

– Нет ещё! Так ему рано же!

– Сама взгляни.

Радогор, хватаясь за меня, как за стенку мохнатую, ходил вокруг кругами.

– Мой хорошенький сыночек понимает, что расти надо быстрее! – Рада закрыла лицо руками, потом упала рядом на колени, подползла ближе.

– Что с тобой опять, девица? – спросил я. Как-то странно на меня она смотрела. – Ты если снова жалеешь, что замуж за меня не вышла, не жалеяй больше. Я бы хоть так, хоть эдак стал после битвы зверем. Так что считай, что отвела тебя твоя судьба, повезло тебе.

– Что ты говоришь такое, Леший! – она меня ударила по лапе. Ощутимо, всё же богатырка. Потом уткнулась мне в плечо мохнатое.

– Что ты всё льнёшь ко мне, девица? – я не мог понять, что

с ней. За мою другую лапу держался сын её и ходил туда-сюда: за спину мне и обратно. – Была бы в прошлый раз чуть посмелее, было бы что вспомнить, сейчас ластиться бесполезно.

– Ни о чём другом не можешь думать? – она меня обняла, всхлипывая. Если какая девица при мне начинает плакать, потом для меня всё заканчивается как-то плохо. Попробовал отпихнуть её осторожно, чтоб когтями не поцарапать.

– Ты совсем не боишься меня? – спросил её.

– Нет, – она повозила мне по шерсти мокрым носом. Чихнула. – Ты мохнатый и тёплый. Будто сижу на шкуре.

– Это и есть шкура. Только она моя и на мне.

– Тепло, – повторила Рада, погладив по голове как раз подошедшего сына. – Если б ты был добрый молодец, я бы смушалась, волновалось б сердце. А так... просто уютно.

– Рада, – я её всё-таки отпихнул. – Я же не собака.

– Так, стало быть, я тебя смущаю? – она, упавшая на задницу, снова встала на свои колени, подобрала юбку. – Это у тебя чувство человеческое.

– Ты знать не можешь, как у нас, у нежити, заведено, – ответил ей.

– Женщина человеческая не может быть тебе женой?

Зачем она задаёт такие вопросы мне? Какая женщина человеческая такой судьбы захочет?

– Не может и нечего ей тут делать.

И даже если всё ещё красивы мне они и желанны, не со-

всем же выжил я из ума.

– И никак тебе не обернуться человеком?

Чего им всем надо от меня? Чтобы стал как раньше, таким, каким им нравился?

– Я девицу какую могу раздавить одним когтем, Рада. Как себе ты это представляешь?

– Вон дитя по тебе лазит, и не упал сынок ни разу.

Так известно, что дитя любое будет умнее женщины.

– Рада, я нежить.

– Я поняла тебя, – она подняла мою лапу и приложила к своему лбу. – Нежити – нежить, человеку – человек.

– Кстати, об этом. Пока ты Лесовичка, обернуться в один миг можешь нежитью, дай только повод. Я заберу у тебя метку.

Я не стал отнимать свою лапу, и Раду быстро обвили ветви и гибкие прутьики. Она вскрикнула. Снова обожгло ей кожу. Но забрать быстрее выходит, чем подарить.

– Всё, освободил тебя от лесных обязанностей. Больше ты не Лесовичка. Но мой лес тебя запомнит, тут беды не жди. А в других местах: там, куда мне ходу нету – нечего носить тебе мою метку. Это только разозлит другую нежить, ведь понимают – те, кто не безумные, что раз Леший я, то привязан к Лесу, и каким бы сильным я и страшным для них не был, а к тебе на помощь не приду. Так что лучше не искушать судьбу и не быть ко мне привязанной. Я выдам тебе какой-нибудь знак свой и что-нибудь из своего оружия. И меч Кощея бе-

реги. Наверяд ли встретишь где ты колдуна сильнее. Кто понимает в колдовстве, никогда с тобой не свяжется. Поняла меня или нет? Кивни.

Что-то в общении с женским людом стал я мнительный. Рада кивнула. А потом ответила:

– Забрал ты метку или нет, не так важно мне. На сердце метка навсегда останется, ты мой любимый братец лесной названный. И так и будет.

– Забирай ребенка и иди спать, – отдал ей сына, сам с пола поднялся.

– А ты не с нами? – спросила. Только что объяснял ей, что куда мне, зверю?

– Нет, пойду в пристройку. Что где в доме – ты знаешь. Кикимору не тревожь. Что-то она, на тебя глядя, волнуется.

Рада подняла Радогора на руки и полезла на постель. Я вышел из комнаты. Прошёлся по дому. Вышел во двор. Сел на порог. Кикимора не вышла меня пораспрашивать. Ну и хорошо. Рядом зазвенела, засвистела в глиняном горлышке нехитрая песенка, резанула мне по сердцу. Мне напоминание.

У крыльца моего устроил я ловушку ветру. Зарыл кувшины в землю и какие-то бутылки, что полегче и потоньше, подвесил на сети верёвочной. Теперь когда ветер дует, он играет на них. Из горлышек их звуки вырывает и друг о дружку подвешенную утварь стучает.

Было в них вино. От Мокоши целая бочка и бутылей как ни с дюжину. Привезла мне настоек заморских и хитрых вин на пробу. Это зря она. Уже потом я понял, что зря.

Спалось мне плохо, а мы с Воднейшеством раньше были любители пораспробовать разных крепких напитков. И по вечерам я, сидя за столом один, принялся с Воднейшеством водить разговоры в пустоту, напитки эти пробуя. И чуть так и не спился.

Дошло однажды до того, что под руку некстати попалась мне Кикимора. А много накопилось у меня к ней неприятного. То, что плохая она Хозяйка, я уж пережил. Я неприхотливый и быт у меня бесхитростный. В конце концов, она хорошей хозяйкой в доме быть не обязана. Но на реке кроме неё Хозяйкой быть ведь некому.

Я уже приглядывался к водной нежити. Но все они как один безмозглые. А мне надо найти тварь разумную. Нельзя Хозяину Речному быть бестолковой нечистью. Должна быть та нечисть существом мыслящим.

Кикимора не вникала в речные споры, всё пустила на самотёк. Не проследила, что зверё быстро рыбу выловило, и рыба не успела икру отложить, размножиться. И мне не сказала, умолчала, чтобы я не сердчал. А чем дольше она молчала, тем становилось хуже. И уже моё зверё голодное, что в реке питается, стало жаловаться.

Кто рыбы недополучил, перешёл на уток. Нарушило всё это мне баланс в природе. А он и так был хрупкий – после

того, что мы понаделали. Едва восстановили по крохам, и то не уберечь? Я разозлился сильно. Но один раз спустил. Второй раз спустил ей её промах. На третий раз отчитал, так она обиделась. Сказала, что трудно ей без настоящего Водяного. Я, конечно, обязанности выполняю хуже, чем смогла бы речная нечисть. Но то меня, пьяного, сильно разозлило. Я и тогда смолчал. И, видимо, раздражение копилось долго.

И вот попалась мне Кикимора под пьяную руку. За что-то начала меня отчитывать. Я разозлился на неё, но где мне в таком состоянии всё высказать. Нарычал на неё и принялся гонять по дому. Загнал её в угол и поймал себя на том, что могу сейчас ударить бабу глупую.

В пьяном состоянии нет ни разумности, ни совести. Что остановило меня, не знаю сам. Может, лицо её испуганное. Всё ж таки, какой бы она ни была, она живое существо, что мне доверилось. И страх в её глазах, наверное, меня и протрезвил.

Тогда же я её, испуганную, из угла вытащил. Притащил в её опочивальню, затолкал в её болото. Попросил у неё прощения, сказал, что временно на меня нашло затмение и не повторится оно. Что не надо ей меня бояться.

Я её защищать должен, а не пугать.

Вроде и помирились, но простила ли меня на самом деле баба зелёная?

Тогда же я из погреба выкатил все бочки и все расколо-тил. Вылилось вино то в землю. Из бутылей тоже всё вылил,

но колотить не стал, чтоб черепками землю не портить. Баян подошёл, поплакал немного пьяной настойки из бочка разбитого, мяукнул. Положил голову мне на колени. Посидели молча с ним.

На утро я опять перед Кикиморой винился, а из бутылей, вставляя их в верёвочные петли, сплёл такого вот ловца звуков, чтобы было мне напоминанием. Снова заметил, что пальцы меня не слушаются. Всё вышло криво, косо, еле как справился.

Чем на самом деле виновата передо мной Кикимора? Разве её я спрашивал, хочет ли она быть Речной Хозяйкой? Было ей под боком Водяного тепло и комфортно. Не делал он её Хозяйкой, так, может, ей пусть и хотелось статуса, но со статусом этим приходит и обязанность и работа. А без Речного Хозяина хорошего, конечно, ей тяжко. И без любимого, наверное, тяжко тоже.

Чем виновата она? Не обязана она быть хорошей владычицей Речной, только потому, что я так хочу. Только чтобы быть мне под стать, потому что я хороший Лесной Хозяин, потому что требую. Это её водная вотчина, ей решать, скармливать ли рыбу на нересте зверью или нет.

Я не заменил ей мужа, она хотя бы пыталась эту брешь заделать, была и мила со мной и добра ко мне. Это я её от себя отвадил сразу и отселил от себя. Не живу с ней как с женою, не могу и всё. Может, пройдёт одна-другая сотня лет, и что-нибудь у нас наладится. Может, беспокойно мне, по-

ка ходит по земле Гостята. Век человеческий короток. А что будет со мной, когда знахарка помрёт? Успокоюсь я или буду волком выть, что не забрал к себе знахарку и не сделал бессмертной нежитью? Хозяйкой Лесной не сделал, даже пусть против воли её.

Но ведь человек она, что ей делать тут? Поставить мне её на место видное и любоваться ею? Только себя расстраивать.

Так толком и не уснул ночью. Забрался в кусты малины, заснуть попытался там. Утром вылез, так и не поспавши. Разбудил меня крик предвестника. Носилась птица гордая, тварь недорубленная, курица пернатая, над самой лесной чащей. И орала так, что уже не поспишь, даже если вроде начинал кимарить.

Кощея тревожить не стал. Вместе с клубком в мешке он передал карту мне, где всё разметил. И там же написал имя царицы южной – Ведьмы, к которой следует путь держать Раде. Посмотрев на карту, я прошёл в дом. Пернатой твари повезло и нынче, хотя Баюн, в небо глядячи, долго облизывался. Но у меня назло с собой ни ножа, ни топора. Так и улетела тварь без должного приветствия и моей лесной щедрой благодарности за доставку.

Утром показал Раде карту, объяснил, где мы, а где та земля, куда ей надо путь держать.

– Ого, как далеко! – подивилась Рада.

– За холода не переживай, ты уходишь туда, где теплее. И

всё же тёплую одежду возьми.

– Взяла, Алёша.

– И для сына.

– Что-нибудь найду.

– Так не пойдёт, – повёл её в закрома свои. Открыл шкафы. – Нету у меня одежды женской, Рада. Не жила здесь никогда женщина. Кикимора не в счёт, у неё чешуя, и какое платье надобно ей, я без понятия. Но много шкур у меня выделанных, возьми одну.

Она достала шкуру медведя.

– Накинь на себя.

Она послушалась.

– Ребёнку заячьи шкуры сшитые достань.

Она послушалась снова, достала шкуры и накинула на Радогора.

– Теперь стой смирно. И если знаешь какое-нибудь обережное заклинание от нежити, то можешь произнести.

– Зачем оно? – спросила Рада, но я уже начал колдовать.

– Я, Рада, не умею, как Кощей, чтобы всё готово было по щелчку пальцев. Мне обычно, если что-то надо, уже доставляют готовым. Но вроде что-то получилось.

Рада стояла в медвежьем тулупе, скроенном, правда, грубо, но зато полностью она была в него одета. Ребёнок на руках её сидел в тулупе заячьем.

– Возьми мой нож с собой. Он охотничий и в хозяйстве сгодится больше, чем меч, – выдал ей нож. – И носи под

одеждой этот амулет плетёный. Это знаком будет служить, что тебя защищает нежить.

– Ты ж привязан к лесу, – она напомнила.

– А Кощей и Горыныч нет. И для них твой путь, хоть тоже большое, но всё же вполне осиливаемое расстояние. Если тебя где кто обидит, мы про это будем знать и за тебя отомстят жестоко. В этом ты не сомневайся. Может быть, не сразу. Но при случае и при встрече с обидчиком...

– А... – начала она.

– Подкинуть сразу до царства твоей колдуньи тебя никто не подкинет, всё же путь неблизкий, а нежить не нанималась обслуживать тебя по первому твоему желанию. Ты мужа хочешь вернуть сама и для себя. Это твоё личное право и дело. Живи как хочешь и как знаешь. Нежить тебе здесь не указ.

– Ясно мне.

– Ещё возьми денег золотом.

– А что такое деньги? И что такое золото?.. – она растерялась.

– Вам ведь в селении деньги ни к чему, – вспомнил я. – Мне в лесу тоже они без надобности. Лежит немного, на случай, если предвидится какой обмен, где дары леса не подойдут за нужную валюту.

Достал ей мешочек с золотом.

– Рада, за эти кругляши золотые могут лишиться жизни. Не пощадят ни тебя, ни твоего малого сына. Лучше не знать людям, что у тебя есть деньги, – посмотрел на неё. – Пожалуй,

я тебе их и выдавать не буду. Возьми пару монет. Запомни – на одну такую можно купить воз хлеба. Так что сначала разменяй на мелкие монеты в каком-нибудь надёжном месте, где такие деньги в ходу, да покупая что-то крупное, чтоб не было подозрений.

– Зачем они мне? – она как-будто непонятному для неё противилась. – Я толком и счёт не знаю. Где мне сообразить?

– Сообразишь, ты не совсем бестолковая. Просто запомни мои слова, – выдал ей немного денег. – Может, придётся покупать что-то из провизии, или обувь, или где-то оставаться на ночлег. Ты же всё время под открытым небом спать не планируешь? Ещё и с дитём.

– Нет, буду проситься на ночлег к добрым людям.

– Ну пусть так. Тогда за хлеб и кров лучше привычным способом отработывай. Люди, может, и охотно примут богатырку, но для богатырки и поручения будут богатырские. Поймать разбойника или отпугнуть какую нечисть. А тебе, как бабе сельской и работающей подойдёт наниматься на какие работы полевые. Там, где теплее, ещё идёт сбор урожая. Вот и нанимайся работать в поле. Лучше, чем мечом махать, что ты толком не умеешь, и не надо рисковать жизнью и здоровьем.

– Так тогда нужен ли мне меч?

– Нужен. Кощеево оружие само по себе от многого будет защищать тебя. И если где-то пригодится прослыть богатыркой, ты подойдёшь. У самой у тебя к чему лежит душа? По-

правилось тебе дело ратное?

– Не знаю... – она насупилась. – Тварь живую рубить мне не понравилось, но и рука не дрогнула.

– Не всем быть как Мара, – попробовал приободрить её. – Нет в том плохого, что не хочется тебе биться.

– Мне бы ещё пару уроков, – она попросила робко.

– Ну пойдём, ещё попробуем, пока не отпустил тебя. Но сначала посмотрим карту. Там всё размечено.

Не очень я надеялся, что Рада сможет сориентироваться по карте. Читать она не обучена. Долго я показывал ей названия селений, как они на карте значатся. Девица сказала, что запомнит, что где, и выучит названия. Сказал ей повторить, она, показывая пальцем на карте, повторила всё верно. Показал ей, куда идти. Как примерно путь держать – от селения к селению, где вдоль реки, где вдоль гор, а где и через степь и поле.

– Откуда же ты знаешь, Леший? – спросила девица.

– Не знаю, никогда там не был. Может, где и был при жизни, этого я не вспомню, а в бытность Лешим я привязан к Лесу. Но я смотрю по карте. Тут всё обозначено. Да не теряйся так, – пододвинул ей карту. – Ты же всё это уже видела. Пока дорога пойдёт по местам похожим на наши. Не будет для тебя в том большой диковинки. Потом в дороге обвыкнешься. Тут тот же лес, поля и реки. Селения с селянами. Жизнь примерно одинаковая везде – возделывают пашни, сеют хлеб, траву косят. Лес вырубают, вредители людиш-

ки, разводят скот. Торгуют меж собою. Где-то и враждуют. В такие дела сильно не вмешивайся. На месте не разберёшься, кто виноват, кто прав. А удержишься и будешь рисковать зазря, возможно. Думай больше головой. Даже если непривычно будет, ты девка смелая, ты справишься.

Она стояла и глазами хлопала.

– Рада, ты что-нибудь услышала?

– Страшно мне, Алёша.

– А по мне так приключение хорошее. Да и не можешь ты усидеть, могла бы, не пошла с малым дитём в дорогу не понять куда, – посмотрел на неё, стоящую в медвежьем тулупе посреди горницы. – Я бы и сам пошёл, хотя бы чтоб развеяться. Засиделся, как-то мысли бродят ненужные. Но мне из лесу нельзя. Ты, Рада, справишься. Совсем будет плохо – повернёшь назад. Пойдешь по пути проверенному. Но попытаться надо. Зачем ты идёшь?

– За своим женским счастьем... Наверное.

– А новое найти нельзя?

Она красивая. Нашла бы себе молодца где и поближе.

– Нельзя.

– Горян тебя завсегда возьмёт сто первую женою.

– Если окажусь вдовою, я подумаю. А пока жив любимый, я пойду за ним.

– Давай чуток перед домом на мечях порубимся, позавтракаем и можешь идти. Клубок держи. Спрячь получше в сумке. Он должен дорогу показать, если к нему обратиться,

но на него много не надейся. Сверяйся с картой и дорогу у людей спрашивай.

– Хорошо, Алёша.

Немного позанимались с ней во дворе. Заставил её показать мне, как она научилась драться. В общем-то, почти никак, особого нет к этому у Рады таланта, зато есть дурная силушка.

– Что, совсем плохо? – она, наконец, мечом махать выдохлась.

– Да нет, если подойти с умом, то можно и из тебя что-то да сделать. Хотя бы ты уже не проиграешь с первого удара, а если дашь себе возможность отбиться, то и у тебя выйти может побороть противника.

– Ну и то неплохо, – она кивнула сама себе. Начала собирать вещи. Сын её сидел с Баюшкой на полянке. День выдался погожий, хотя уже ясно было, что тепло совсем на нет сходит.

– Ты всё запомнила? – спросил её, когда она уже уходит собиралась.

– Да. С людьми быть приветливой. Наниматься в работники, и если уж совсем без выбора, тогда только говорить, что богатырка. Деньги не показывать, покупать только нужное. Идти строго от селения к селению, что ты назвал мне. На карте путь я запомнила.

Как мужа вызволять будешь, придумала?

– Пока не знаю, может, на месте разберусь. Или выкуплю, или помогу сбежать.

– На какие средства выкупишь? Того, что я дал тебе, не хватит на раба, если он раб у самой Царицы.

– То тоже мне неведомо. Может, он где в работниках, буду расспрашивать, я чувствую, найду.

Она волновалась, но держалась бодро.

– Ещё сказать хотел что, Рада. Приветлива будь с нечистью. Ты это умеешь. Мы, нежить, очень падкие не ласковое слово и на то, когда обращаются со всем почтением. В тебе есть кровь тёмная, ты за свою сойдёшь. Но всем подряд не доверяй, обдурить не дай себя, – ткнул ей пальцем в грудь, туда, где под одеждой амулет висел. – Помни, под чьей ты защитой. Никогда не снимай амулет и меч кощеев не бросай.

– Поняла тебя.

– Ну что, иди. Чего прощаться долго?

– Алёша... Я спросить хотела последнее...

– Чего ещё?

– А если... я бы захотела стать тебе женою... Тебе б пришлось убить меня, чтоб сделать нежитью? И я бы стала такой же наружности, как ты? С лешачьей мордой, лапами и рогами?

– Иди отсюда, даже отвечать не буду.

– Ответь мне. Мне это очень важно! – она сверлила меня взглядом. Совсем её не понимаю.

– Я уже женат и мне другой жены не надобно. Иди, кому

сказал.

– Ну пожалуйста, ты ответь мне!

– Мне жены с лешачьей мордой, рогами и лапами не надо точно.

Ещё мне не хватало такого счастья.

– Всё ж таки ты больше человек... – она задумалась. – Только случилось с тобой что-то... Значит, если я захочу быть тебе женою, у меня не появится звериного обличья? И ты не будешь убивать меня?

– Я тебя когда Лесовичкой делал, ведь не убивал.

– Так я тебе была женою?

– Нет, служкой. Моя жена будет Хозяйкой Леса.

– Будет? Так Кикимора не Хозяйка?

– Рада, тебе туда. Иди, пока не село солнце.

– Так может человеческая женщина быть тебе женою? Ты же вчера сказал что не может!

Чего ж она с таким напором спрашивает, как будто передумала идти за своим Родькой? Куда мне столько бестолковых жён? Я и с одной-то толком не справляюсь. Вон, злится на меня, сидит в болоте и носа не показывает...

– Я имел в виду, что не смогу сам жить с ней как с женою. Потому как мы будем разные... – не собирался объяснять про это. Зачем ей это знать? – Если вопрос в самом обрядовом порядке, то... Хотя бы и ты, Рада, можешь быть моей женою. Как только станешь ею, станешь и бессмертной. Дальше зависит от твоих способностей. Если есть к чему предраспо-

ложение, этим и будешь заниматься. Колдовать ли, или лечить зверей, или помогать наводить в лесу порядок. Ты будешь считаться нежитью, в которой ещё жизнь есть, пока всю жизнь не потратишь. Кто-то тратит быстро, кто-то хранит зерно живое в себе веками. Будет у тебя звериное обличье лешачье, или нет, сможешь перекидываться зверем, или не сможешь – зависит от твоей врождённой силы. Это если просто замуж за меня выйдешь. Если ты сама сгинешь, и как-нибудь подло: от злого умысла, от убийства, обмана, в нечестной драке или в лесу, где злая нежить правит, то тоже станешь нежитью. Может, и безумной, безмозглой. Может, духом бестелесным станешь, а тело твоё истлеет. Может, станешь заложным покойником. Может быть по-разному. Сохранишь ли личину человеческую, будет ли у тебя ипостась женщины, или нет – тут как повезёт тебе.

– Я уже поняла, что умирать в лесу не собираюсь... – как-то Рада побелела. Слова мои ей не понравились. – Но если я только хочу быть тебе женою, я стану бессмертной нежитью, но останусь женщиной? Правильно я услышала?

– Правильно. Но я тебя в жёны не возьму.

– А Гостяту?

Я её подтащил к себе.

– Вот ты к чему расспрашивала... Она жива, здорова?

– Алёша...

– Ответь.

– Да, – она прошептала.

– Мне больше знать не надобно. Жива, здорова, как и хотела, живёт среди людей.

– Вам бы с ней встретиться и поговорить... Алёша, больно мне.

Она попробовала вырваться, я её не отпустил.

– Вкусно ты пахнешь, девица.

– Алёша, что ты делаешь? – она испугалась на самом деле.

А говорила, что не боится меня.

– Вкусно пахнешь, волосы, должно быть, как шёлк, и кожа мягкая... должно быть. Я этого больше не почувствую, тогда зачем оно тебе?

– Зачем что?

– Зачем быть красивой? Чтобы злить меня своим присутствием?

– Отпусти меня! – опять она попробовала вырваться. Я снова понюхал её волосы, хотел убрать лапу с её плеча. Рада рванулась нехорошо, невовремя. Я поцарапал её шею и часть щеки. Она вскрикнула, приложила пальцы к лицу, отняла их, посмотрела на кровь. Глаза её расширились. Заплакал её сын, который сидел в корзинке, зарычал подошедший и сидевший до этого момента тихо Вук, зашипел Баюн.

– Ну-ка все тихо! – приказал я. – Я не хотел, Рада. Прости.

Она покачала головой, распахнутыми глазами на меня уставившись.

– Боишься меня? Скажи мне честно. Не ври мне.

– Так-то... обычно нет. А вот сейчас боюсь.

– А почему Гостята не должна бояться?

Рада хотела что-то сказать мне. Я приставил коготь к её губам.

– Не хочу я такой жизни ни для себя, ни для неё. Уходи, Рада. Вука могу с тобой отправить. Если сам волк согласится. За Родькой, он, пожалуй, хоть бы и до конца с тобой пойдёт, но и тебе с волком показываться в селениях опасно – примут за нечисть. И волку лесному трудно будет в степи, и ждать тебя придётся, пока ты будешь в селениях. Но если примешь к себе такого спутника, я его отпущу с тобой.

– Алёша... – она всё прижимала ладонь к щеке. – Пожалуйста, ты как-нибудь загляни к Гостяте...

– Радость моя. Ты же сама сказала, что знахарка жива-здорова. Мне более знать не надо. Пусть живёт как хочет. Если в лес пойдёт, я не обижу её, не заберу к себе. И не покажусь. Если вернёшься ты благополучно и вы с знахаркой свидитесь, так можешь ей и передать – чтоб не боялась Лешего.

– Алёша... может, скажешь сам?

– Я уже сказал, что видеться не хочу с ней больше. Ни к чему. Я ухожу в дальний лес, Рада. Который тоже нынче мой и выжжен был который до корня. Там работы много. Надо восстанавливать. Что успею – расчищу осенью. В зиму уйду в спячку. Весной продолжу свою работу. Буду пересчитывать зверьё, может, кого-то переселять придётся. Мне не до жён и не до вашей бабьей мудрости. Прав я или нет – это всё подождёт. А лес ждать не может.

– Как это – уходишь? Ты же вернёшься?

– Там такой же мой лес, как и здесь. Только здесь дела по-лучше, справятся мои подручные. У меня Лешаков дружина и вся нежить в подчинении. Теперь и лесная мои, и водная. Будут передавать мне новости. Волки с медведями за порядком будут следить. Уж если что серьёзное случится, приду. Но я, пожалуй, на пару-тройку лет, как не больше.

– На пару-тройку лет?

– А ты, думаешь, на меньший срок уходишь из дому?

– Так долго! – она мне, кажется, не верила.

– Это не долго, Рада. Для нежити это один миг.

– А как же...

– Ты тоже, если не помрёшь, жить будешь долго. Должно быть, ещё свидимся. А нет, так нет. Ты не серчай на меня и счастлива будь.

Глава 38. Дальний лес

Спокойно не становится. Осерчало много нечисти, и, как выяснилось, и пришлые остались некоторые. Пришли повязанными, невольными. Тут их выпустили, а назад не забрал никто. Теперь те, что не сгорели, по чужой земле и лесу шастают, куда податься – не знают. Кто нашёл себе место, отвоевал угол, кто в нору спрятался, сидит тихо. Кто вредит, а кто мирно живёт, старого не ворошит. А всё же беспорядок.

Надо или себе подчинить или выгнать взашей.

Так и застрял я сам в новом лесу, что у Лешего, соседа своего, мною зарубленного, отобрал. Работы много тут, за осень первую едва прибраться по верхам успел. Да и залёг в чужих местах на зимовку, что медведь в берлогу.

Очнулся, когда воды вешние своим журчанием прогнали сон да лаз размыло в моё укрытие ледяной водой. Так чудно, что от сна я отошёл, а человеком, проснувшись, не стал. Раньше, первым делом, перекидывался, когда первый раз купался. Сейчас не потянуло даже. Так можно и оскотиниться.

Там, где доспех, вросший в мясо и кость, остался, чесалось всё. А тело Лешего изменилось слегка. Подумав, в волка я перекинулся, чтобы владенья обежать и посмотреть, где что. По реке передал привет Кикиморе. Водные жители доставят быстро. Надо бы проведать, хоть раз летом зайти. Да много дел ещё ждёт. Почти сразу управляться и принялся.

Срубил себе землянку грубую. Мокошь звать не стал – обойдусь дарами леса и колдовством своим. Один раз всё ж таки встретил Кикимору. Сама она по реке в гости приплыла. Посидели хорошо, можно сказать. Обговорили всё. Показалось мне, что ей без меня привольнее. И даже повеселела баба, зазеленела ярче, полнее телом стала.

Повторил ей, что если найдёт себе кого, то я, так и быть, от обязанностей жены моей освобожу её. Только Водяного кем попало заменить – не попушу.

– Ты и Леший, и Водяной, – Кикимора по лапе меня погладила и уткнулась мордой мне в плечо. – Тут одна река бежит на оба этих леса. – Будем связь держать. Я буду проводить. В нашем крае тихо всё. Звери не дерутся, людишки не тревожат нас.

– Как же звери не дерутся, когда весна? А как же гон? – не понял я.

– А в этом смысле дерутся ещё как! – Кикимора по-водному присвистнула. Я успокоился.

– А я всё усмиряю нежить да договариваюсь. Пристраиваю немощных к какому делу. Обучаю жить в нашем лесу.

– Хороший лес, а будет ещё лучше, – Кикимора потянулась сладко. – Лешенька, может, домой придёшь?

– Пока тут много дел. Поживу тут. Может, загляну когда. Ты хозяйство не запускай. Дому догляд нужен.

– Само собой.

Кикимора на жизнь не жаловалась, и мне как-то стало лег-

че. Может, простила меня, если сама пришла. Попросил её напоследок реки и озёра тут проверить и в болотах посидеть, а сам занялся своим привычным делом. Так год прошёл. Потом ещё один такой же год был. И ещё один.

Так прошло пять лет.

Не приходила Рада, и я уж и забыл, как выглядит и зачем и куда ушла? Залетал Горыныч меня проведать, прилетал и Кощей. Я же нарыл себе землянок по всему большому лесу и за всё это время присоединил к себе ещё лес один. Не хватало в моём зверю пропитания, надо было куда-то зверят народившихся выпустить, пришлось расширяться. Да и тех не теснить, мне бы временно, а там я б расселил всех по огромной территории. Её б только в порядок привести.

Лес соседский был брошенный. Густой, хороший, да буреломом зарос. Так я понял, что какая-то вражья нежить, на земле нашей оставшаяся, испугавшись и обезумев вконец, загрызла их Лешего, и без Хозяина был лес. Забрал себе. Вражину до сих пор поймать не смог. Всё караулю её, ловлю, гоняюсь за ней. Вредит она, нападает ночью, молодец таскает, зверя на части рвёт. Не боится ни медведя, ни волка. А меня, видать, боится, помнит, небось. Всё никак не могу выследить. А надо.

Баюнка – тот всегда и везде со мной. Так и не выучился, как Вук, разговаривать, но всё равно понимает меня без

слов, скотина умная.

Тело моё ещё сильнее изменилось. Территория большая, бегать по ней легче, чем большим зверем ходить – так я почти всегда волк. Изредка когда медведь. А прыгать и лазить если по деревьям надо, так я Баюнку посылаю на разведку, а сам приучился его глазами смотреть.

И вот иду я по лесу, делаю обход, думы думаю. Надо бы мне навестить Кикимору. Захаживаю я к ней изредка, а в последние год, если не два, не заходил...

Слухи до меня начали доходить странные. Будто появился в лесу человек, на Лесовика должность подходящий. Небольшого роста человек, махонький.

Малохольный, что ли, какой?

Как будто бы понимает он голос лесной, слышит каждую пичугу и мышь. Волки его слушаются.

Ну ладно мышки с птичками, но волки – серьёзно уже.

Неужели кто-то на мои владения претендовать решил?

Это зря он. Я уставший, конечно, но на покой не уйду. Лешему если на покой – так это одна дорога – в труху превращаться. Оно заманчиво, конечно, в труху. И ничего не надо больше будет, и болеть не будет ничего...

Ещё одна мысль меня заботила. Ну пусть Рада, даже если б вернулась, в лес сразу не пошла. Забыла меня, решила – нечего. Но Вук, волк мой белый, как он вернуться не смог? Ежели нашли они Родьку и пришли обратно, то волк всё ж таки, как бы к Родьке и сыну его Радогору не был привязан,

всё равно вернулся бы в лес. Тут его стихия природная, не в доме же он будет жить собакою?

Ещё одно случилось у нас новшество. В лесу чужом нашёл источник воды мёртвой – едва пробивающийся. По битве-то сильно всю землю покорёжило, много воды испарилось или в нутро почвенное глубоко ушло. А вот же где-то потерянный источник проклюнулся, побежала водица. Расчистил я тот ручей, посмотрел, как водой он быстро наполнился, да пошёл вдоль бережка.

В старое русло ручей с мёртвой водой не вернулся – там река теперь, и воде разве что только смешиваться. Да и нечего в живой реке ручью с мёртвой водой делать. Но довольно близко в итоге подошёл ручеек тот к сердцу леса прежнего. То бишь, к дому моему. Я тогда твёрдо решил навестить Кикимору, а всё же дальше пошёл – проведать – куда в итоге прибежит ручей?

А ручеек опасно приближался к краю леса. Шёл он пока ещё по густой чаще, да и не сказать, что люди сюда часто шастают. Но дойти могут. Что охотники, что грибники, что ягодники. Не надобно бы им знать о такой воде. Её тоже надо пользоваться с умением. Лучше когда такой источник силой нечистой защищён. А тут будет без доглядки...

Тогда решил я, что русло ручейка надо изменить. А он, как назло, падает в овраг глубокий, буреломом по краям заросший. И не увидешь, что внизу ручей, как кубарем пока-тишься. Надо, значит, русло менять сильно задолго от это-

го места, а то весь овраг разворачивать тяжело. А источник, видать, расчищенный, из земли хорошо проклюнулся, силу набрал. Видел я, как поток водный крепчает. Как вместо ручейка уже образовалась маленькая быстрая река.

Это исправить надо – ещё раз подумал. Посмотрел, что близко края лес. Покачал головой мохнатой. Пошёл обратно. Так шёл я себе, к Кикиморе как раз, в дом свой прежний заглянуть решивший, как вдруг догоняет меня Баюн, мяукает, хватает зубами за руки. Требует – чтоб вернулся я. Сразу я понял, что кот на овраг показывает. Обратился я волком, побежал обратно. Смотрю, по краю мчится кто-то. Маленький, словно дух лесной. Сообразил я не сразу, что это ребёнок бежит. Больно шустрый, как зверёк какой.

– Упадёшь! – хотел крикнуть, вышло, что только зарычал. А он уже покатился с оврага. В воду мёртвую же упадёт. Кто бы ни был, живому человеку в мёртвой воде лучше не купаться. А как шею свернёт, помрёт и сразу в воду мёртвую попадёт – вот и будет у меня новая нежить мелкая в услужении.

Успел я прыгнуть, волком бы остановить падение не смог, обратился – разломав кустарник, плюхнулся посередь оврага горой мохнатой, поймал мальчика.

Он всё кричал и поначалу отбивался. А потом выпучил на меня глаза удивлённые. Ну я-то наверное ещё удивлённей смотрел. Как понял, кто у меня в лапах звериных оказался, так я где стоял, там в землю и врос.

Глава 39. Неожиданный гость

– Хозяйка, ты дома? – спросил я, открывая свои двери. – Проходи, не бойся, – это я сказал уже юнцу, жавшемуся у порога.

– Лешенька! Ты пришёл! – выскочила растрёпанная Кикимора и столбом остановилась, расширив ноздри. Глаза её сделались круглыми. Тоже сразу сообразила. На то мы и нежить.

– Я не один, гость к нам пожаловал, – я подтолкнул мальчишку вперёд. – Посмотри, кого нашёл в лесу. Чуть в источнике с мёртвой водой не искупался.

– А разве есть у нас такой источник? – Кикимора удивилась бы, да всё её удивление на мальчонку ушло.

– Ты вроде Хозяйка Водная, тебе лучше знать, – начал я, но не хотелось мне сейчас насмехаться над Кикиморой. – Нашёл недавно ключ, из-под земли бьёт. Расчистил его, и пошла водица, проложила себе русло. Близко подходит к нашим местам.

– То хорошо, наверное, – Кикимора кивнула, быстро стряхивая пыль со стола. Видать, столом она совсем не пользовалась. Сухо ей в доме, так и сидит в пристройке. – Как же звать твою находку?

– Тиша, – пробормотал себе под нос пацанёнок. – Мама Тишкой кличет.

Это надо умудриться так моего сына назвать?

И вообще к Гостяте много вопросов.

– Такой хорошенький, как ты в лучшие времена был, Лешенька. Один в один! – ворковала Кикимора. – Ты хочешь кушать? – спросила она пацанёнка. – Надо бы поесть, чтоб быстрее вырос. Будешь такой славный молодец, – Кикимора погладила Тишку по голове, я нахмурился.

– Уж ты-то знаешь толк, вон скольких перетаскала на дно речное.

– И... когда же это было? – Кикимора не стала обижаться, снова переключилась на ребёнка. – Чем бы тебя попотчевать?

Она прошла к печи, начала носиться с яствами. Когда поставила на стол нехитрую снедь, отошла ко мне, наблюдая за с подозрением разглядывающим еду Тишкой.

– Какой хорошенький и славненький мальчонок. Сколько лет ему?

– Говорит, что пять. Да только выглядит постарше. На все семь, восемь, не меньше.

– Я в людском возрасте не разбираюсь. Ты б сказал, что пятьдесят, и я б поверила, – улыбнулась она.

Зачем тогда вообще спрашивала? Кикимора подпёрла ладонью щёку, вторую лапу положила мне на грудь.

– Такой он славненький! Давай себе его оставим, Лешенька? Так дружно заживём!

– А не смущает тебя, что у него мать есть?

– А тебя смущает? А кто она?

– Да одна селянка. Человек, – ответил я. – Была здесь пару раз, потом сбежала и про сына мне не сказала.

– Ишь какая! – Кикимора покачала головой. – Как это Лесному Хозяину про сына не сказать! Как будто можно будет его спрятать? Звери давно шептались, да я думала, какой лешак из молодых. Мало ли детей в лесу теряется?

– Если люди его приняли, пусть у них живёт. Всё будет наука, – я вздохнул. – Вроде он не боится нас. Хотя ему про нас не сказывали. Даже не велели в лес ходить.

– А как не ходить, если я слышу всё? – Тишка, приступивший к трапезе, начал уплетать за обе щёки. Я присмотрелся, что там Кикимора ему на стол поставила. Пока меня нет дома, вряд ли она тут сильно готовить старается.

– Это съедобное? – спросил.

– Да я достала из запасов. Засахаренных ягод и иноземных фруктов. И мёду, и повидла...

– Одни сладости. В другой раз надо что-то посуше-нее.

– Я сделаю, – Кикимора снова начала хлопотать. Женщины – создания со странностями. Я уже смирился, что мне их не понять.

– И что же ты слышишь? – я прошёл к столу и сел напротив Тишки.

– Про что щебечут птицы, белок, лисиц, куниц и бобров

– всех слышу. А недавно с волком разговаривал! – Тишка воодушевился. – Сначала он рычал на меня. И долго. Потом дал себе нос погладить.

Это что же за волк, что мне не доложил?

– Звери говорят мне, что я как они.

– Это неправда, – перебил я. – Точнее, не вся. А что мать?

– Не верит мне, говорит – выдумываю.

– Почему не верит?

– Людей боится.

Даже спорить со мной не стал, что мать знает, что это всё правда.

– А чего их бояться?

– Меня дразнят колдуном и Лешим и много кем.

– Лешим дразнят?

– Потому что живность слышу. Дразнят и бьют.

– Тебя и бьют. Такого сильного?

То, что парень сильный не по годам своим, видно сразу.

– Как так!? – удивилась вместе со мной Кикимора. – Такой красивый и ладный, разве не должен быть людям мил?

– Я им тоже не даю спуска. Сильно дерёмся, – он уплетал сладости за обе щёки.

Я пока промолчал.

– Давеча сказали, что у меня наверное и хвост имеется и шерсть и копыта. А мы как раз на речку купаться шли. Дразнились, что я раздеваться не буду, чтобы хвост не показывать. А я разделся, потому что нету у меня хвоста. И копыт

нет тем более. Хотя хвост, наверное, вещь удобная... – он как-то замечтался.

– Так, и что дальше?

– И дальше я всех побил, а самого задиристого закинул в реку. А потом всех остальных тоже в реку перекидал.

Я взглядом одним показал, что слушаю дальше.

– В реку это хорошо, – успела поддакнуть Кикимора.

– Ты хоть молчи, – сказал ей. Известной любительнице кого-нить утопить.

– Это в шутку было всё, а кто задирает больше всех – всплыть не смог. Зацепился за корягу или Кикимора его за ногу схва... – Тишка быстро замолк, глянув на мою зазнобу. – Ну то бишь, вестимо, за корягу зацепился. Ну и я нырнул его вытаскивать и вытащил. И вроде всё потом нормально было, а всё одно сказали, что я хотел его утопить.

– С чего-то ты не с того начал... – проскрипел я, в башке давно всё высохло, я какой советчик? – С людьми надо уметь договариваться.

– Так он разве человек? – Кикимора подошла. – Правильно ты их топил!

– Не топил он.

– Не топил я!

Тишка рассмеялся тому, что мы одновременно сказали, а я сердито взглянул на Кикимору. Чему дитя учит? Ему надо с людьми ладить, если с людьми живёт.

– Так стало быть, как я понимаю, есть у тебя два пути –

первый: скрывать своё умение и жить себе тихо, чего мать от тебя требует.

И даже имечко подобрала такое подходящее...

– Другой путь: так себя поставить, чтобы уважали тебя за твоё умение и к тебе прислушивались.

– Да не пойму я, что происходит! – надулся Тишка. – Всем со мной дружить нравится, потому что я много знаю! И зверей различаю, и птиц, и все дорожки помню в лесу. Но как что случится или как подговорит кто – сразу я колдун и меня надо бить, – он расстроился.

– Ну на сильно побитого ты не похож, – я пододвинул к себе сладости, понюхал, отодвинул назад. – Кикимора, сообщи нам обед.

Она кивнула и засуетилась у печки.

– Больше всех подначивает сын мельника, – вздохнул юнец.

– Взрослый мужик тебя подначивает? – удивился я.

– Почему он взрослый мужик? – не понял Тишка. – Старше меня, но не мужик же.

Видать, что-то я попутал.

– Тогда кто это?

– У старика мельника два сына, оба женились, старший давно, про младшего говорят, что он раньше с мамкой жил. Я в то не верю, он мерзкий больно.

Я молча слушал. Под столом уже когтями процарапал лавку.

– Ну вот сын старший – теперь мельник сам, старик их на покое. И у старшего есть сын. Он постоянно меня колотит... Пытается. Его дядька его, Дарён, подговаривает.

– И как, успешно? – я протянул лапу, хотел посмотреть мальчонке на лицо. Ну малость поцарапано – так носиться по лесу – ещё и не то будет. Пожалуй, пару синяков.

– Нет, – Тишка расхрабрился. Он старше меня и друзей своих против моих друзей подговаривает. Но я только подрасту, и тогда ему не поздоровится!

– Не убейте никого, – вздохнул я. Мелкий он пока, но сила-то в нём просыпается дурная, нехилая.

– Мне домой пора, меня мамка потеряет, – Тишка начал выбираться из-за стола, слазить с высокой лавки. – А вы... Леший и Кикимора, да?

– Так и есть, дружок, – проворковала Кикимора, подхвывая. – А что же ты не дождёшься обеда? Уже всё в печи!

– Не могу, матушка потеряет, – он направился к выходу. – Спасибо за угощение!

– Так уверен, что путь назад найдёшь? – спросил я.

– Мне лес подскажет, – в полной уверенности, что так и будет, ответил Тишка. – Можно я ещё зайду?

– Заходи, дружок, – ответила за меня Кикимора. – Здесь тебе рады!

– И не давай себя в обиду, – добавил я. – Я провожу, наверное.

– Спасибо, батюшка, – ответил малец. Кикимора улыбнулась, я промолчал. Так к Лешему и положено обращаться.

– А растёт у вас где-нибудь медуница? – вдруг спросил малец.

– Так не пора ещё, весна только. Какие цветы? – подивился я.

– Эх, а я Дуняше обещал медуницы, – Тишка вздохнул, пробираясь к порогу.

– Какой ещё Дуняше? – спросил я.

– Есть такая девочка в селении, наша соседка, – объяснил Тиша. – А Путьте обещал васильков.

– Ты не обещай того, чего достать не сможешь, – усмехнулся я.

– Они просили, говорят, я всё могу найти в лесу, даже цветы весной.

– Подснежников собери, обойдутся подснежниками, – мы уже вышли, я щёлкнул когтем, и по всей полянке подняли свои головки нежные сливочные цветы.

– Ого, сколько! – Тишка шагнул на полянку. – В селении столько девчонок нет, сколько тут цветов! Эх, жалко...

– Твоя кровушка, – вышла на порог Кикимора и снова прильнула ко мне. – Куда ты его отпускаешь?

– Да пусть бежит. Захотел же вернуться, – шепнул я. Тишке сказал громче. – Так стало быть, девчонки тебя привечают?

– Все как одна со мной дружат, только втихую от мамок.

Мамки их ругаются. Говорят, что я с нечистой силой связан. И что отец мой колдун. Это потому что никто не знает, кто мой отец. И мамка не говорит, – он шустро собирал цветы в охапку. – А можно мне корзину? Я не унесу всё.

– Явно не пять лет ему, – шепнул я. – Много старше. И по виду, и по поведению. И вроде смышлённый, разумом от тела не отстаёт.

– Ну так... помилуй, – Кикимора поднырнула мне под руку. – Не человек же!

Хитрая баба, поняла, как ко мне подход найти. Через кого. Или что-то ей самой отозвалось в этом мальце внезапно? Маре лучше Тишку не показывать...

Глава 40

– Он опять маму обижал! Я убью его! – Тишка снова пришёл, уже пару раз прибежал и опять на этого Дарёна жаловался. – Не даёт нам жизни, что пристал к нам? Я его убью точно!

– Никого ты не убьёшь! – я зарычал, вскочил с лавки и когтем в Тишку ткнул. Кажись, испугал немного.

– Батюшка Леший, чего ты?

– Никого не смей убивать. Запомни строго-настрого!

Ему только не хватало кого-нибудь лишить жизни в возрасте таком юном. Проснётся кровь тёмная раньше срока. А если лес решит прибрать его к себе? И будет Тишка вечно таким мелким по земле шататься. Ещё хуже выйдет, чем у меня.

– Не стоит он того, чтобы об него мараться, – добавил я, соображая, что надо бы поймать этого Дарёна в лесу. Да я знать не знаю, как он выглядит. Если сын мельника – должен пахнуть мукой? Так можно мельнику загрызть всё семейство или какого человека случайного, что недавно брал иль покупал муку, иль их работника... Из мыслей меня вырвал голос детский.

– Батюшка, а ты почему ложкой не ешь?

Сидели за столом мы. Кикимора удружила, наготовила нам кабанятины, сварила нам похлёбки, нажарила рыбы и

нарезала какой-то травы, которую я не ем.

Тишка справлялся и ножом, и ложкой, а я мясо брал лапами, а похлёбку пил из чашки.

– Мне так удобнее, – показал лапу когтистую, пошкрябал когтем один об другой. – Лапы непослушные – ложку держать.

– Я уже и раньше заметил, когда первый раз сидели за столом, – Тишка встал со своего места и пересел ко мне. – Пальцы тебя не слушаются, я такое видел у маминых хворающих, которые приходят и лечатся. Больше у старых людей.

– Я тебе старик, что ли? – я его отпихнул. Тишка сел обратно.

– Мамка знаешь, как лечит, батюшка? – он огляделся, встал, прошёл к печи, видать, не нашёл, чего искал, потопал в кладовую. Там долго рылся, Кикиморы в этот раз с нами не было – случилось важное что-то у неё на реке. Тишка сам нашёл чего-то и притащил мне мешок с чем-то сухим. Высыпал на стол. Горох там оказался.

– И что мне с этим делать? – спросил его.

– Это надо по одной горошине пальцами, ну... или когтями, цеплять и переключивать с места на место – так постепенно пальцы разрабатываются.

– Этот мамка твоя так лечит?

– Она. Я подглядел. Стариков иногда, они у неё послушные. И из дружины приходил ещё мужик не старый. У него чувствительность пропала в руках, мама тоже заставила го-

рох сухой перебирать. А потом зерно.

– И помогает? – спросил я.

– Не знаю пока. Мамка говорит, если всё время делать, природа сама поможет. Тело человеческое сильное. Но надо, чтобы дух был силен. И терпения много.

– Дух силен, чтобы горох перекидывать? – удивился я.

– Лень сильней может оказаться, дело нехитрое, а полезное... так мамка говорит.

– Ты много у неё подглядываешь?

– Так она хочет выучить меня знахарем, чтоб я был как она.

– Знахарем, значит...

– Мамка говорит, что это хорошее занятие, и где есть люди, всегда нужен будет и знахарь. Батюшка Леший, а можно я возьму один домой? – он показал на наливной персик, заморский фрукт.

– Бери сколько надо, – я на Тишку посмотрел внимательно. – Скажи мне честно, вы с матерью не голодаете?

– Да вроде нет, – он насупился. – Но мама говорит, что я много ем. А мне всё время хочется... – он покрутил персик в руках. – Хотел взять для мамы. Она такое никогда не пробовала. Но... этого в лесу не найти. Она подумает, что я украл... Не буду брать, – он положил персик на стол. – Лучше наберу ей ягод. Земляники.

– Я тебе покажу полянку, – только ответил я. – Ты же... не воровал никогда? – спросил на всякий случай. Вообще-то

мне, как нечисти, за это ругаться не положено, мне людишек не особо жалко, но ведь неприятностей наживёт себе и матери.

– Нет, никогда... ну почти... – он насупился. – Мы, бывает, ночами лазим по огородам, но это больше для веселья, не для воровства. Позлить деда Мокшу.

Я бы дал подзатыльник, так убью ж. В лапах такая сила. Голова у парня хоть и крепкая, но не из камня же.

Глава 41

В другой раз, когда он пришёл, я спросил про мать, про её здоровье. Тишка мне пожаловался, что мамка не может сама поправить крышу, а от помощи отказалась. Ждала, что ей починят за лечение одного деда, а родственники не захотели – сказали, что пара пучков травы не может стоить такой помощи, когда работы много – сенокос и всякое прочее.

– А ты что думаешь? – спросил его.

– Ну мамка действительно этому деду заваривала травы и с собой давала толчёной.

– А ты знаешь, что именно давала за порошки и травки?

– Да я не спрашивал.

– И они не спрашивали. Или посчитали, что сами знают, но лень заготовливать и деда своего поить. Ну-ка, сядь. – мы на крыльце устроились у дома. Смотрели на полянку и на лес. Баюн у ног мурлыкал. Тишка его за хвост таскал. Уже пару раз получил за это лапой.

– Хороший кот, вот бы мне такого!

– Коты сами выбирают, где им жить. А мать твоя всерьёз решила сделать тебя знахарем?

– Да, пробует учить меня лечить людей.

Вот дура баба, нашла же, чему учить. Для мужчины мастерство не больно подходящее. То есть, может, и подходящее, если подходить с умом, а не как Гостиата – лечить за ку-

сок хлеба и за спасибо.

– Мама твоя... молодец, что всё, что сама знает, стремится передать тебе, да пораньше. Она всё, что может, для тебя делает, ты выпитывай, – сказал, скрипя зубами. Отвык разговаривать много, а Тишка звенит как колокольчик. Не остановишь, если начнёт болтать.

– Ну вот смотри, растёт травинка, знаешь ей название?

– Не знаю.

– А вот я тебе скажу, запомнишь?

– Наверное. Я не жалуясь, быстро схватываю.

– А таких трав в лесу сотни, даже тысячи, и есть и ядовитые. Всех знать не надо, но пригодится многое. От каждой хвори своя травка. Её найти надо в лесу, знать место. Дойти туда. Собрать в нужное время, принести домой, сушить в месте правильном – что-то в тени, что-то как-нибудь ещё похитрому. И это место надо ещё выделить и следить за ним, содержать в чистоте и сухости.

Мало понимал я в этом деле и шпарил по наитию. Больше предполагая, что Тишка многого не замечает, чего уж ожидать от людей чужих?

– А после травку каждую надо хранить. Порезать правильно, потолочь. Расфасовать – опять же где-то надо под всё это в доме угол. Зимой, наверное, сарай не подойдёт. А дальше – от любой болезни нужно найти и правильно заваривать или растирать или в равных пропорциях смешивать – дать столько, чтоб вылечить, а не на тот свет отправить. Всю эту

науку мать твоя впитывала от какой-нибудь старой вредной бабки. Ну или сама смотрела на людей, замечала и запоминала – что лучше помогает, что хуже. Копилось знание то со временем и с опытом. А люди видят только то, что сунули им пучок какой-то травки или порошка какого-то. И за это хотят с них платы. А как же сострадание и добросердие? Трава – она в лесу и на лугу растёт задаром.

– Тогда пусть сами растирают своих стариков и делают им припарки, а не зовут мамку.

– Ну вот хотя бы, – я вытянул вперёд ноги, на них тут же устроился Баюн. Припекало солнце, в шкуре было жарко.

– Если хочешь быть лекарем, надо запоминать всё, что мать рассказывает, а потом уходить в края чужие. Чем больше ты узнаешь, чем за случаи сложнее будешь браться, тем будешь лучше как лекарь, больше будешь иметь достатка.

– Уходить? И ещё... А что такое сотни и тысячи?

– И учиться тебе надо счёту и грамоте. И многим другим премудростям.

Ведь старше он уже, какие там пять лет? Ну пусть не в два раза, а всё же много больше своего возраста вымахал, и лес его уже давно приметил. Пока он человек. Человек с нашей тёмной кровью, ну пусть, частично, с моей способностью лес слышать. Но Тишка может стать любой нежитью. Вот чуть не свалился в мёртвый источник. Лесу нужен Водяной. А тут бродит подходящий. Ещё совсем маленький, да больно ли разбирается нечистая сила?

– Я же не брошу мамку.

– Не будешь же всю жизнь сидеть у её юбки? Она права, конечно, что нужна там, где люди. Да только люди есть везде, а не везде есть лекари и знахари. Так что тебе как раз открыты все дороги. Люди строят корабли, в караванах ходят, торгуют, выстраивают города большие, красивые, много на свете диковинок и многие ты можешь увидеть, многим сам заняться. Нечего в лесу сидеть.

– А если мне люб лес?

– И любо жить в селении?

С кем я говорю? Ему пять лет. Ему пока надо быть с мамкой.

– Послушай, я не смогу научить тебя нищенствовать. Я не умею этого, так никогда не жил, хотя я свою жизнь не помню, но мне кажется, что и тогда не побирался. Так что знания, как быть побирушкой, у меня нету. Как работать за спасибо – я не знаю. Леший за всё берёт плату. Не берёт только тогда, когда сам брать не хочет. Могу научить только тому как работать и в достатке жить.

А он даже не спорит, сидит тихо. Пинает ногой Баюна в бок.

Глава 42. Тишка и Кощей

Как-то они встретились с Кощеем.

Тот прилетел, вылез из ступы. Обомлел, когда увидел, как на полянке я, волком обернувшись, играю с каким-то дитём.

– Это кто? – Кощей не ожидал. Обернулся человеком, подошёл. – Это же... – вслух говорить не стал. Дождался, когда я перекинусь в свое Лешачество и подойду. Тишка поздоровался и убежал в дом к Кикиморе – испить водицы.

– Это же... твой?

– Мой.

– А как? – Костейшество не верил.

– Ну вот успел как-то.

– А кто мать?

– Ну уж не Кикимора. Хотя она старается.

– В каком смысле? – Кощей снова не понял.

– Ухаживает за ребёнком, пока он здесь. Как бы не разбаловала.

– Так мать кто? Селянка твоя?

– Она.

– А она знает, что он тут?

– Да я не спрашивал. Спрошу. Прибегает парень часто. Не каждый день, но бывает. Уж поди, замечает женщина, что сына маленького где-то носит.

Когда Тишка выбежал, уже что-то на ходу дожевывая, Ко-

щей спросил его:

– Звать как?

– Тишкой.

– Это Тихоном, что ли?

– Нет, Тихомир я.

– Имя какое занятное. А я Кощей. На ступе хочешь полетать?

– Хочу.

Кощей дождался, пока Тишка доест, что у него было с собой в руках и деловито вытрет руки о рубашку, а потом посадил его в ступу.

– Одного запустишь? – спросил я, наблюдая.

– Да не, вместе сначала кружок, потом пусть сам.

– Какое сам?

– Да всё нормально будет, – Кощей запрыгнул в ступу.

– Ты же не баба Яга и не к ней? Дитё вернёшь? – спросил я снова.

– Ты давно ли, Леший, стал курицей-наседкой? Вернёмся мы.

Они улетели. Вернулись когда, Кощей был какой-то позеленевший.

– Ну как, повадился с дитяткой? – осведомился я вежливо.

– Чуть не издох, – Кощей оставил Тишку в ступе, сам вылез, подошёл ко мне и сел на крыльцо рядом. – Сразу видно, что твой пацан.

– Любишь ты нас.

– Аж больше смерти.

– Больше жены любишь, выходит? Только ей не говори, она ревнивая. Что прилетел-то?

– Да просто так. Слухи ходят, вот, решил сам посмотреть.

Тишка летал на ступе по двору. Вышла Кикимора, поднесла Кощею воды, пригласила на обед. Кощеюшка, разглядывая мою зелёную жену, вежливо отказался, поцеловав ей ручку.

– А что Кикимора-то похорошела? – спросил он, когда она скрылась в доме.

– Ты мне друг, но жену не отдам, даже Кикимору. А что, всех Василис разогнали? Ты чего на чужих жён заглядываешься?

– Да как ты отошел от дел, они все ко мне, а я один не справляюсь, а тут Мара ещё сильно недовольная – говорит, что не для того она меня собирала из костей, чтоб я гулял по бабам, – он почесал ногу.

– А нога-то до сих пор от косули?

– Да вроде уже как родная стала. Как своя, – Кощей выпрямился. – А ты, Леший, хорошо устроился. И детеныш у тебя, и кот. Тебе бы только рожу свою вернуть смазливую, и все девки твои.

– Не надо мне никаких девок, я женат, – ответил я, наблюдая, как Тишка запихивает Баюна в ступу.

– Ну это решение правильное... – Кощей вздохнул. – Я

вот иногда думаю, что если б не женился, уже бы прогулял всё своё царство. А раз я теперь женат, то мне надо богатство наживать быстрее, чем Мара его тратит. Мара, кстати, косы отрастила обратно, уже не лысая. Но после битвы стала поугрюмей, ты с ней поласковой. Увидишь если, сделай комплимент. Скажи, что она красавица.

– Соображу как-нибудь. Тишка, куда ты с котом собрался? Мне ответили, что они на речку. На какую ещё речку?

– Здесь сиди. Дядя Кощей до дома подбросит. И кота выпусти.

Тишка нехотя вытащил Баюна из ступы.

– Грамоте ему учиться надо, – повернулся я к Кощею.

– Будешь учить?

– Да где мне? – я показал свою лапу. – Как я буду перо в руке держать?

– Хочешь, я с ним позанимаюсь? – Кощей взглянул на Тишку. – Толковый, поди. Только давай я его лучше счёту буду учить? Мне это ближе. Я каждую монетку наперечёт в своём царстве знаю.

– Счёт и я люблю. Я каждое деревце сосчитать должен и каждую зверушку.

Нечисть вообще любит счёт.

– Ну как-нибудь разберёмся. В общем, я беру парня на поруки.

– Колдовать только не учи раньше времени. Пусть человеком побудет, – предупредил я.

– Может перекинуться?

– Если лес поможет, только так.

– А что мать его?

– Поговорить надо с ней. Теперь уже хоть как надо. Вот собираюсь заманить её в лес.

– Привести её к тебе?

– Силой, что ли? Не надо. Сам подкараулю, она теперь в лес выходит. Уже мельком видел. Обдумываю пока, что скажу, да думать долго некогда. И так уже пять лет пропустил, пока был в дальнем лесе. А у меня сын тут уже бегал.

– Кстати, что я рассказать-то хотел! – Кощей ударил меня по плечу. – Я же разговаривал с Радой!

– Она вернулась?

Да нет ещё. Но до царицы дошла. И, не поверишь, скоро на арене будет биться!

– Как это – биться будет? С воинами?

– Есть бои такие на потеху публике. В городах больших ареной называются. Народ собирается посмотреть, как бьются воины. Часто бьются насмерть. Рад узнала, что где-то там её муж, и тоже записалась. У них сейчас ночь, а завтра утром она на бой выходит.

– Она не спятила ли?

– Да мне откуда знать? Но я помочь вызвался. Буду изда- лека наблюдать за ней и подсказывать. Через амулет и меч мой можно связь держать. Буду видеть её глазами и управ- лять её оружием.

– Ну что сказать... Быстрее бы она уже нашла мужа.

А то так и будем с ней водиться.

Мы посмеялись. Рада, конечно, нашла снова себе приключеньице не по зубам. Но ввязалась. Хорошо, что Кощей смог услышать.

А через время какое-то, когда Тишка снова был у меня, и мы как раз обедали, Кощей ворвался, с глазами круглыми, сам горящий весь, чуть дом весь не спалил мне.

– Алеша! – взвыл он. – Быстро скажи мне, ты дарил что-нибудь Раде? Есть у неё какая вещь твоя? Лучше оружие?

Как оказалось, Рада прямо сейчас на арене бьётся и, видимо, она осталась без меча. А значит, и без поддержки Кощея...

Глава 43

– Нож дарил ей охотничий, – ответил я, наблюдая, как Кощей вытаскивает большое блюдо, гремя посудой, что тут же полетела на пол. Достал он блюдо медное, то самое, на котором голову мы вражьей нечисти допрашивали.

– Нож это хорошо, это сработать может! – он блюдо взгромоздил на стол передо мною. – Лапу дай, нужна твоя кровь.

– А по-другому никак, наш ты кровожадный? – я уже лапу ножом порезал и приложил к блюду.

– Никак... никак! – прорычал Кощей громче. – Не могу пробиться, нож не у Рады!

– Ну свяжись с тем, у кого нож! – прорычал я в ответ.

– Не могу... там душа чистая... Ребёнок... – Кощей вздохнул. – Даже если есть немного крови тёмной в нём, не свяжется он с нечистью. Слишком светлый дух, мне не закрепиться.

– Радогор наверное, Рады сын, – понял я. – То правда, это души чистые, их род охраняет белый волк.

– Ну так и что мне делать? – Кощей по сторонам посмотрел, развёл руками. – Где я возьму чистую душу, да ещё твоей крови, чтобы через твой нож связаться?

– Так вот же... – вдруг я додумался. – Ребёнок сидит перед тобой. Тишка! Сюда иди!

– Я не ребёнок, – промычал он, забираясь на лавку с моей

стороны. – Что нужно делать?

Кажется, про кровь мою он не понял.

– Там где-то далеко, за многие земли отсюда, есть мальчик, примерно твоих лет, с ним связаться надо. У него в руках мой ножик охотничий. Так что мальчишка может тебя услышать.

Не спрашивая больше, что надо, Тишка сам чиркнул себе по ладони ножом и приложил ладонь к блюду. Я чуть не поперхнулся, но промолчал.

– Что-то надо говорить? – спросил малец, вглядываясь в блюдо.

– Нет, не надо, – Кощей тоже над блюдом наклонился. – Точнее, когда надо будет, ты поймёшь. Если ещё получится.

Кажется, у нас получилось. Мы увидели народу много, чьи-то ноги и спины. И забор высокий каменный, через щель в котором кто-то смотрел на... арену.

– Получилось, – Кощей вздрогнул и картина, что нам открылась в блюде, пошла рябью. – Тишка, мальчика кличут Радогором. Попробуй у него спросить про матушку. Только не испугай. Ты сейчас видишь его глазами и нам показываешь. Сам не боишься?

– Нет, – прошептал Тишка, не отнимая ладонь от блюда. – Я... не уверен, но, кажется, он хочет перебраться через стену.

– На арену, что ли? – мы оба наклонились над блюдом.

– На арену... – Тишка замер, задержав дыхание. Потом

зашептал. – Нет, не сюда, там, где выпускают из ворот, там можно выйти, там не следит никто.

– Ты что творишь? – Кощей зашептал тоже. – Ты ему подсказываешь?

– Он хочет выйти и не знает как, – Тишка оттолкнул Кощей свободной рукой. Кощей не сдвинулся, замер.

– Пробрался, кажись. Вон, картинка движется. Это Рада лежит на земле? – спросил я, вглядываясь. – Никак её сейчас зарубят.

– Малец к ней бежит, зарубят обоих, – выдохнул Кощей, по столу ударив. Снова рябь пошла.

– Ну-ка не маши руками, ты связь поддерживаешь. Я так понимаю, не один же Тишка?

– Твоя правда, – Кощей прикоснулся к блюду.

– Тишка, что он делает?

– К мамке бежит. Не мешайте мне, – шепнул Тишка. – Он меня слышит.

– Вы что разговариваете? – не понял я.

– Вроде того... Я смогу! – вдруг выкрикнул он. – Надо вниз падать. Падай! – крикнул он снова, вытягивая руку.

– Под меч! – Кощей взвыл.

– У него нож в руке. Кощей, бей! – я зарычал, схватив обоих. Кощей же схватил Тишку за руку, придавив её к блюду.

– Держи крепче, – не знаю, кому сказал он, а Тишка кивнул. Я ощутил волну от сильной отдачи.

– Он нож не выпустил, – ответил Тишка, выдохнув. Мы

только что увидели, как от удара ножом по мечу, воина, который тот меч держал, далеко отбросило и доспехи его оплавило.

– Малец, у которого нож в руках, жив? – спросил Кощей у Тишки.

– Да, – кивнул мой сын. – Только... темнота теперь. Он больше не видит.

– Сознание потерял наверное, – объяснил Кощей. – Главное, живой? Боль в теле есть?

– Да, живой. Болит вот здесь, – Тишка показал на запястье. – И он не испугался.

– А ты испугался? – спросил я.

– Я нет. Мы оба не боялись, – ответил малец. – А что с дядей случилось, который отлетел?

– Вопрос хороший... – Кощей потёр руки.

– Этот дядя свой меч остановил. Насколько смог, – Тишка продолжал держаться за запястье.

Кощей посмотрел на меня.

– Леший, ты хоть представить можешь, сколько в нас в троих силы?

– Ну и что? – не понял я.

– Убили мы наверное его. Воина этого. Мужа твоей Рады убили.

Глава 44

– Ну а что бы мы сделали? Он зарубил бы сына на глазах у матери, а потом и её зарубил, – продолжил Кощей.

– Или нет, вон Тишка говорит, что воин остановил меч. Узнал, значит, семью свою.

– Может и узнал, а что ты предлагал делать?

– Да... всё правильно... – вздохнул я. – Хорошо хоть, что получилось вообще через такое расстояние ударить, да рукою ребёнка.

Тишка снова насупился. Не любит, когда его ребёнком называют.

Все трое долго сидели мы понурые. Я даже и забыл, что Тишке домой пора, к матери. Вот так оставишь его, а она там с ума начнёт сходить.

Тишка, может, из интереса больше, или как почувствовал что, прикоснулся к блюду снова. Замер над ним.

– Слышишь что? – спросил я.

Он только кивнул. Потом зашептал. Слух у нас с Кощеем хороший, и мы поняли, про что он разговаривает.

– С Радой? С матерью того мальчонки говоришь? – спросил я.

– С ней, – ответил за Тишку Кощей, он, колдовская морда, видимо, разговор контролировал.

– Ну, значит, оба живы, – я успокоился. Рада и сын живы,

а за Родьку я не скажу, что сильно переживал.

Оставил Тишку ночевать у себя. Можно было, конечно, со стаей волков его домой отправить. Но не хотелось по ночи, всё ж таки лес, сплошь колдовское место, жадное до новой нечисти. И была небольшая вероятность, что опять с сыном Рады связаться получится.

Кощей улетел по своим царским делам, а среди ночи вернулся. Ворвался снова в дом ко мне, кость поганая, весь полыхая, и сообщил, что Рада живая – связалась с ним сама через амулет. И вся семья её жива-здоровая. Богатырь, видать, пришёл в себя, а как именно они все освободились от плена далёкой царицы, то Кощей так сам толком и не понял.

– Я вот так рассуждаю, Леший, – сидел он за столом, отчитываясь. – Кто на ней женат, тот пусть её домой и провожает. Они теперь всей семьёй соединились – совет и любовь, дойдут как-нибудь. А мне к царице Барсе соваться нечего. Чужие земли, чего границы нарушать почём зря?

– Дак ты вспомнил, как её зовут, царицу эту?

– Я бы сам не вспомнил, Рада имя сказала. Алёша, знал бы ты, какая там царица!

– Даже не начинай, – я кивнул на Тишку, сопящего на лавке.

– Повезло Раде, что у тебя сын есть. Ещё и такой сообразительный, – Кощей посидел ещё, задумчивый, спросил дежурно про здоровье Кикиморы и улетел восвояси.

Тишку я утром отправил домой. Он потом долго не прихо-

дил, наверное, Гостята отругала, что ночевал непонятно где. Но если снова явился, видать, под замок посадить не смогла.

С Горяном его как раз познакомил. А в другой раз, когда Тишка был у меня, пришлось знакомить с Марой.

Она явилась, и нет бы хоть мне сказать слово приветственное, да где там... Начала сразу с вопроса:

– Алёшенька, а где? Вижу! – она рванула к Тишке.

– Ну-ка, стой! – я остановил её своею лапой. Оттолкнул.

Она принялась сопротивляться.

– Ну Лешенька, ну дай хоть посмотреть на твоего сына!

Ну я чуть-чуть поиграть с дитятей! – она хищно пощёлкала когтями. – Тебе что, жалко?

– Мара, помилуй, ты же смерть. Куда тебе к ребёнку?

– Ну я аккуратненько. Он же почти нежить? Переживёт знакомство. Жадным не будь!

– Буду жадным! Лети отсюда.

– Алёша! Знаешь, что скажу тебе? Вот ты как был скотиной, так ею и остался. Только больше твоё лицо красивое никого в заблуждение не вводит. Вот эта морда лешачья тебе подходит больше!

– Соответствую снаружи тому, что внутри? – я ей пастью своей зубастой улыбнулся. – А сама тогда чего?

– А чего я? – она показала на своё красивое лицо, откинула назад густые волосы. – Я уже всё, обратно замаскировалась. Так и не скажешь, что я Смерть, да?

– С ребёнком всё равно поиграть не дам.

– О, смотри! Сам бежит сюда! Ну здравствуй! – Мара шагнула вперёд, наклонилась и помахала ручкой.

– Тишка, это Мара, – представил я своему сыну смерть.

– Мара? – Тишка бегло взглянул на неё. – Красивая тётя, – и убежал.

– Ну что, довольна, красивая тетя? – поинтересовался я.

– Вот скажи мне, это что же, тоже как-то по крови передаётся? Такая наглость? – Мара на меня взглянула.

– Он тебе комплимент сделал. Хорошо выглядишь. А тебе лет тысяча, – успокоил я её.

– Женщинам не напоминают про возраст, – огрызнулась Мара. Что ей напоминать, как будто она сама не помнит?

Была ещё одна причина, почему мне не нравилось, что Тишка бегает по лесу. Ту тварь, что нападает на зверьё, калечит и убивает без разбора и без надобности, я так и не изловил. И как раз так получилось, что когда ждал Тишку в гости, почувствовал что-то неладное.

Погрузился в лес, начал пробираться сквозь дебри густые и чащи, увидел всё ж таки глазами звериными, что Тишка в беде. Та тварь как раз его выслеживает, идёт по пятам, охотится. А он, кажется, понял. Или лес подсказал – какой-нибудь зверь.

Я туда рванулся, себя не помня. Обдирая свою волчью шкуру в клочья. Успел вовремя. Вся жизнь пронеслась перед глазами, а она у меня долгая. В один момент увидел тварь в

прыжке и своего сына. Я тварь топором запущенным сбил, умудрившись перевернуться в Лешего, а потом зарубил её. На глазах у Тишки.

Не хотел я, чтоб ему открылось такое зрелище, но выбора не было. Тварь пришлось мне порубить на части, вытащить на поляну и прикрыть ветками. Хоронить нельзя, как бы не переродилась тварь и не встала. Объяснил Тишке, что надо, чтоб её ветрами на солнце высушило, развеяло или просто чтоб стала она пеплом и просочилась в землю, смешавшись, но не растворившись. Не примет её земля, но задержит.

Тишка начал спрашивать, почему так? И зачем вообще напала такая гадина? И что поделом ей. Я ему ответил, что он не прав. Не виновата та тварь, что по земле нашей пришлось слоняться ей.

Привели её сюда силой, на привязи. Выпустили, заставили убивать. Пережила она большую битву. В огне выжила. Домой ей ходу нет и здесь ей места нет. И даже сейчас она не упокоилась. Ну разве только что отмаялась.

Спросил Тишку – понял ли он что-нибудь? Он ответил, что понял. Про ту пору и битву в селении до сих пор говорят много, мальчишки, до рассказов охочие, многому верят – и правде и выдумке.

Я бы не хотел, чтоб он был как я.

В тот раз мне надо было успокоить зверьё в лесу и заодно свои нервы. Обход я делал, обернувшись в волка, и Тишку на спине катал. Снова оставил его на ночь, чтоб по тьме не

паштал. Кикимора уж как любила его ночёвки. Сказки садилась ему рассказывать и кормила сладким. А утром, когда Тишка уходил, он внезапно спросил у меня.

– Батюшка Леший, а ты ведь отец мне?

– Да, – проскрипел я, сгибая лапы непослушные, чтоб присесть и сравняться ростом. – Я тебе отец.

– А как я появился на свет? – так сосредоточенно, пожалуйста, от меня никто и никогда не ждал ответа.

– Ты же знаешь, что Кощей и Горыныч людьми обращаются. И я когда-то мог. В ту пору мы с твоей мамой познакомились.

– Вы вместе жили?

– Да. Недолго. Три дня.

– А теперь не живёте, потому что ты не можешь быть человеком?

Всё ж таки дети умнее женщин. Рада донимала меня расспросами, пока её кое-как не выгнал, Тишка сам додумался.

– Так и есть.

Он как будто кивнул и собрался уходить, а потом повернулся и спросил:

– А мама об этом знает?

И точно дети умнее меня. По крайней мере, вот этот.

– С твоей мамой... нам в любом случае надо поговорить. Как только выпадет случай.

– Ты из леса не можешь выходить, батюшка?

– Нет, не могу. Дождусь, когда твоя матушка сама за чем-

нибудь в лес сподобится.

Тишка кивнул понимающе.

– Она скоро пойдёт в лес – травы заготавливать на Купалу. Раньше она боялась в лес ходить, а потом как-то привыкла, и теперь иногда ходит. Когда надо очень. Мне предупредить, когда она пойдёт?

– Не надо, я знаю, когда у людей праздник Купалы, – я потрепал лапой Тишку по лохматой голове и усадил на волка. – Езжай домой, с матерью твоей мы свидимся.

И, может, не надо было этого ему говорить, как бы не вышло, что я его матушку любимую обвиняю, но, видать, наболело у меня.

– Я про тебя узнал только когда у источника мёртвой воды увидел, в который ты чуть не свалился.

Больше ничего говорить не стал. Тишка понятливый.

В моей постели чужая женщина с чужим ребёнком нянчилась, я видел, как чужой сын начал ходить. А своего не видел. Гостиата меня этого лишила.

Какой с меня в то время был прок, правда? Что я делал? Как раз пьянствовал и буйствовал, или обустроивал дом для Кикиморы? А потом ушёл в дальний лес. Но я не знал.

Отправил Тишку восвояси, раздумывая, что скажу Гостиате. Нам с ней теперь не ругаться надо и не поминать былое, а решать про Тишку.

А вышло так, что свидеться пришлось нам раньше, чем перед Купалой.

Глава 45. Здесь будет лес

Тишка прибежал внезапно. Испуганный и разозлённый. С криками, что один ничего не может сделать, а никого из мужиков в селении нет. Все на своих покосах. Семья мельника пришла к Гостяте и обвиняет её в убийстве мельниковой старухи, а теперь ещё и в травле младшего сына мельника жены.

– Мамка не травила никого! – нервничал Тишка. – Старуха эта померла от старости. Если б не мама, она и столько, сколько прожила, не протянула б! Мама её лечила долго. Всё сокрушалась, что мельниковы снохи ухаживать, как надо, не умеют! Это не мамка её свела со свету!

– А что с женою сына мельника? – спросил я, уже понимая, что надо как-то вмешиваться. Хотя пока не сообразил, как.

– Она от неудачных родов мается. Детей раз за разом скидывает, и вот теперь мамку обвинили, что та из ревности её опаивает.

– Зачем ей из ревности? – не понял я.

– Так это жена Дарёна, – злился моей непонятливости сын. Я первым делом решил, что надо вызвать Горяна или Кощея. Они могут людьми хоть куда зайти. И там или откупятся, или силой всех разгонят и заберут знахарку. Но как с ними связаться быстро? Нужно в дом мне возвращаться,

в сердце леса, в самую чащу, а мы почти на краю, вот так быстро с Тишкой потому и встретились, что я его почувал.

Можно через реку, по водной глади позвать Кикимору, объяснить ей, что мне нужен Кощей. Но ей может колдовских способностей не хватить пробудить заговоренное блюдо, чтоб с Кощеем связаться. Раздумывать долго некогда, уж больно Тишка переживал. Мало ли что может сделать люд разгневанный, если обвиняют знахарку в убийстве.

– Главное, маму выведи в подлесок. Он близко подступает к селению. Там уже её никто не тронет, – сказал. Перекинулся в волка, дождался, пока Тишка заберётся мне на спину и побежал к селению Гостяты.

У самого края остановился. Различать, где избушка знахарки, мне не понадобилось. Несколько мужчин и отроков постарше вывели знахарку на поляну перед лесом, привязали к столбу и разводили костёр. Про то, что хотят сжечь ведьму за убийство мельниковской старухи и травлю молодой снохи, услышал в обрывках фраз.

– Тишка, стой! – едва успел крикнуть, а схватить не успел. Скатившись с моей волчьей спины, Тишка побежал к матери. Ничего он один не сделает против стольких взрослых мужиков.

Я из леса прыгнул, не думая. Дёрнуло меня со страшной силой обратно. Как удавкой затянуло, помутилось в глазах. Обернулся в Лешего, смотрел, как мой маленький сын полз драться.

– На костёр его. Сжечь вместе с ведьмой ведьминское отродье! – подвывал самый мерзкий из их сборища. Тишку потащили на костёр. Гостиата, до этого сыпавшая проклятиями, вдруг взмолилась, чтоб отпустили сына. Я больше ждать не мог.

Не знаю как, мне то неведомо, но я в человека перекинул-ся. Боль в теле резанула так, что чуть сознания не лишился. В огне тогда было хуже, но это тело слабее. И всё оно калечное. Тут же и понял, почему не могу обращаться. Не в одной моей голове дело, да сейчас важно не это. Нащупал рога, оба на месте. Повалил деревце ближайшее, наклонил голову, отрубил себе рога топором.

Кое-как поднялся, кровь моя нечеловеческая, а всё одно тёплая, заливала за шиворот. Делал всё быстро, думать некогда. Выбрал, как ближе подойти – по подлеску. Почти к полянке самой подберусь. Пошёл. Как понял, что видно меня, крикнул этому их карательному сборищу.

– Зачем обижаете ребёнка и женщину?

– Тебе какое дело? – ответил тот, кто постарше выглядел. Видать, зрение у него похуже, он начал подходить и приглядываться.

– Иди своей дорогой, – ответил другой мужик. – Тут дела этого селения вершатся.

– Вы женщину на костре решили сжечь, – не согласился я, высматривая, можно ли ещё подойти. Тело начинало гудеть, привязь моя меня душила.

– Иди по добру по здорову, как сказано, – повторил самый старший из них. А какой-то отрок запустил в меня камнем. Я уклонился. Повторил им ещё раз.

– Лучше бы вам отпустить их обоих, не накликаете на себя беду.

– В лес ушла и пропала пропадом, коли так, – кивнул мужик помладше на Гостяту. – А даже если и сожгли ведьму – так очистили селение, благое дело сделали.

– Один ещё раз повторю: отпускайте их.

– Ты, что ли, доложишь на нас? – спросил тот, что мне сразу не понравился.

– Посмотрите, он в крови весь, он раненый! – разглядел один из отроков.

– И то правда, разбойник, кажись, – повторил старший из них.

– Зря ты пришёл сюда. Если сказать больше нечего, уходи, – самый рослый из мужчин сделал шаг вперёд, доставая нож. – Ты человек пришлый, это дело не твоё.

– Уж так вышло что моё.

– Он сам упадёт скоро, братцы, – крикнул вертлявый доставучий мужик, – давайте быстро порешаем его!

– И куда его?

– В лес. Звери съедят.

Стало мне смешно. Смог сделать ещё несколько шагов. Больше тянуть нечего. Граница леса закончилась, сдавило страшной болью меня. Тело начало разрушаться. Видать, по-

качнулся я, что местных больно обрадовало.

– Хочешь что сказать, подойди, скажи, – мужик с ножом сам ко мне приближаться начал. Осторожно, присматриваясь.

– Здесь лес когда-то был, – начал я. – Чую грибницу под ногами. И корни оставшиеся деревьев выкорчеванных.

– И что с того? Везде был лес. Теперь тут людское поселение.

– Людское ли? Собаки вас лучше, – я подошёл ещё. Тело высыхало, как дерево без долгого полива.

– Не заговаривался бы, – ответил их старший. Они, не понимая, что происходит, начали меня окружать. Вертлявый бросил тлеющие угли в сухую траву и ветки, сложенные для костра под ногами Гостиаты. Быстро начал заниматься огонь. Я прислушался к ощущениям, призывая к себе силу природную. Под ногами появились побеги зелёные, это молодые деревца проклюнулись.

– Здесь был когда-то лес и будет снова. Такое моё слово, – сказал я и побеги поползли выше. Собравшиеся вокруг меня люди пока ничего не понимали, но большого страха, видать, не испытывали. Кого испугает сильно раненый, хоть и происходит странное?

– Да режь его, что думать? – вертлявый, что помладше, толкнул в бок того мужика, что с ножом. А он, подошедши, боялся первый, да ещё и один, нападать. Я его и в этом обличии и здоровее, и выше.

– Я предупреждал, – посмотрев в сторону костра, я ветер вызвал и потушил огонь. А после всё вокруг Гостяты и Тишки густым кустарником затянуло – с шипами длинными, торчащими наружу. Из леса моего повыходили волки. Если б не белый день, и нечисть повыходила бы. Хотя чего бы не позвать – под моей защитой пройдут и днём.

Топор, чтоб сразу не пугать, я в подлеске оставил, теперь же, руку вытянув вдоль тела, чувствовал, как вверх по ней, обвиваясь, ползут цепи. Скоро и топор в руку лёг удобно.

Я не знаю, кто из них Дарён. Никогда не видел, не сообщил и сейчас тоже. Но мне вертлявый настолько сразу не понравился, что я уже знал, кого первым зарублю.

Они теперь все с ножами, и страх в глазах проклюнулся. Но мне ножи не помеха, а бояться надо было раньше – за шкуру свою.

Лес вокруг быстро разрастался, уже по домам лез, валил заборы и постройки начал задавливать. Выбежала скотина. Будет моему зверью что покушать.

Сам я почувствовал, как по ногам моим и рукам поднимается лесная силушка, и как будто не одним разом, а постепенно в зверя превращая меня. И рога мои снова выросли, и морда селян оскалом порадовала, все раны затянуло и закрыло толстой шкурой – оделся как в броню.

Второй топор мне волк принёс. Но чтобы начать, мне одного топора хватило, потом уже подхватил второй. Взглянул мельком на Гостяту, среди густых ветвей её видно было. На

белом бескровном лице искусанные до крови губы и глаза большие, от страха или удивления так широко раскрытые. Она на меня смотрела. На то, как я обращаюсь в зверя. Ну пусть смотрит, коли любопытно.

Не то ты в лесу бревно выбрала, девица, чтобы прилечь вздремнуть.

Я зарубил всё семейство мельника – мужскую его часть. И, видать, всех друзей его. По крайней мере, тех, кто вместе с ним пришёл Гостяту на костре жечь. Молодняк их – отроков неразумных, моя волчья стая, погоняв и покусав изрядно – выгнала. Пусть идут в соседнее селение или куда хотят. Не доверяя неразумной нежити, сам прошёл по всем домам, проверяя, не осталось ли где малых детей. Нашёл только пару старых бабок и одну девку – все по домам сидели – их тоже выгнал, здесь ничего не останется. Может, и не виноваты все люди, что здесь жили, но места этого, где сына моего хотели на костре сжечь вместе с его матерью, больше не будет.

Лес задавил всё. Все дома разрушило, все хлевы, овины и амбары. Всё поломало, везде всё проросло травой. Если смогут забрать своё добро люди, пусть забирают, но здесь больше никогда не будет ничего.

Мельницу – одну на два селения, тоже разрушил. Настолько впал я в буйство, меня уже было не остановить. Хорошо, что крепко окружил кустарником знахарку с сыном и оставил их привязанными. Не надо им на всё, что мы тут делаем,

смотреть.

Я не помню, как освобождал их. Вроде бы сам. Когда я пришёл, Тишка уже развязался и развязывал мать. Наверное я их сгрёб и вынес на лапах, потому как не помню, чтобы обращался в кого.

Глава 46

– Алёша, Алёша... – голос неуверенный меня звал. Охрипший слегка. Женский. Глаза открыл, увидел Гостяту. Подумал, что снится мне она. Собрался дальше спать, почувствовал, как легко она прикоснулась к моей лапе. Позвала ещё раз.

– Алёша!

Нехотя я проснулся. С мгновение посидел, соображая, что я сплю на полянке перед домом.

– Где Тишка? – спросил самое для меня важное.

– В доме. С... матушкой Кикиморой, – замялась женщина, как будто сообразить не могла, как со мной разговаривать.

– Утро сейчас? – спросил я, оглядываясь.

– Да, ты спал долго. А я не знаю, что делать мне. Может, нам уходить пора?

– Куда ещё ты собралась уходить? – я её чуть не схватил лапой за руку, да вовремя остановился. – Побудете пока тут. Селения вашего нет больше.

– Как это: нет селения? – испугалась Гостята.

– Так. Совсем больше нет. Там теперь лес. Женщин и детей я не трогал, ушли в соседнее селение, где Рада живёт. Ну туда наверное – я не проверял.

– А мужей и отцов их? – осторожно спросила Гостята.

– Если они тебя на костре сжечь не собирались, значит, где-то живы-здоровы.

Ещё мне не хватало людишек по их покосам вылавливать и выяснять, обижены ли они за погром их селения. Если бы у них там всё в порядке было, никто б и никогда знахарку жечь на костре не додумался, решив, что будет безнаказанным.

– А где ж мне теперь жить? – испугалась Гостята.

– У меня, – ответил ей я.

– Как это у тебя? – не поняла она.

– Пока здесь Тишка и идти тебе некуда, ты побудешь у меня, потом сама решишь.

– Тишке надо к людям, – быстро высказала Гостята и замолчала, потупившись.

– Надо. Только не к твоим селянам. А, может, и не к людям. А куда в хорошее место мастерству учиться нужному.

– Так и чувствовала, что ты сына захочешь забрать, – Гостята покачала головой. – Я не отдам.

– А что плохого в этом? – спросил её. Голова моя гудела, в теле всё ныло. Я только после вчерашнего глаза открыл, а Гостята уже тут как тут, и сразу с важным разговором.

– Я боялась, что он родится зверем и ты его в лес утащишь.

– Я тебе скотина неразумная? – понял я, что разговор у нас не клеится. Ну Гостята хоть от меня вроде не шарахается. Посмотрел на неё, сообразил, что у неё самой, видать, ступор от случившегося. Вся она бледная и измождённая.

– Тебе бы поесть чего, – предложил я. – А где нашего сына

всё-таки носит?

Гостята вострепелась при слове “нашего”. Мне было неприятно замечать, как она меня украдкой рассматривает.

– Я ж сказала, что в доме он.

Ну да, она говорила... Как раз выбежал Тишка. Чтобы не тянуть, я его спросил сразу.

– Тишка, дом ваш разрушен и пока не решено, что вам дальше делать, согласен пожить с матерью у меня в доме?

– Я да! – он пробежал дальше. – Мне здесь нравится. А где Баюн?

– От тебя наверное прячется. Зачем ему шерсть стриг?

– Она была свалывшаяся! – быстро оправдался Тишка и начал звать. – Баюн-ка! Ау!

Кот, потягиваясь, вышел. Спал где-то в тенёчке. Увидел Гостяту и сразу ленивой походкой пошёл к ней и принялся тереться об ноги.

– Баюн-ка! – протянула Гостята и сразу принялась наглаживать кота.

– Мам, это Баюн, не бойся, он смирный!

Это кто, Баюн-то смирный?

– Здравствуй, котик, – приговаривала Гостята, почёсывая кота за ушком. Шерстистая бочка замурчала.

– Баюн-ка, что у тебя с лапой? – Гостята лапу железную, кошачью, наконец, заметила.

– Мам, а ты что, знаешь этого кота? – спросил Тишка.

– Знает, – ответил я за Гостяту. – Матушка Кикимора обе-

щала завтрак нам?

– Да, готовит, – кивнул Тишка. – А потом звала меня на речку купаться. Сегодня вода будет тёплая.

А потом добавил.

– Странно что я в прошлый раз чуть не утоп. Зацепился за корягу, кое-как выплыл. Но я хорошо плаваю! – тут же заверил он испугавшуюся мать. – И дыхание надолго задерживаю под водой. Кикимора меня нырять учит.

– Так, пойду-ка я в дом, поговорю с матушкой. Посидите здесь, – а сам я поднялся. Начали закрадываться нехорошие мысли мне в голову.

Кикимору застал хлопочущей за столом.

– Матушка, а ну-ка, скажи мне: не собралась ли ты из Тишки делать Водяного?

– Батюшка, ты только не подумай... – она смешалась вся. – Лет через несколько Тишка будет совсем взрослым. Ты не подумай, – повторила, – что я решила вырастить из Тихомира Водяного, не сказав тебе! Нет! Не такие мои мысли. Я хотела поговорить с тобой сперва. Тишка хорошо очень плавает, как рыбка. И кровушка у него подходящая. А что я ему про реку рассказываю, так это ему интересно. А ежели захочет он быть речным владыкою, я ему уступлю своё пригретое место. Он будет мне вместо сына названного. Я буду ему как любимая матушка! Наставница буду. Сам подумай: когда он ещё сможет занять твоё место? Ты, поди, завтра на покой не собираешься? Ты можешь Лешим быть несколько

сотен лет, что же Тихомиру всё это время делать?

Я глаза закрыл, чтоб гнев, только что улегшийся, снова во мне не вскипел, переждал. Придвинул к стенке Кикимору, подошёл вплотную к ней.

– Матушка, такие решения без меня не принимаются, даже если ты решила, что подходящего Водяного нашла. Это мой сын и я буду очень злиться, если ты решишь его раньше времени сделать нечистью. Человеком вряд ли он весь свой век проживёт – слишком кровь моя сильная и способности к колдовству большие. У него и мать – ведьма непробужденная, ну а про меня ты сама всё знаешь. Но я не хочу Тишку видеть ни Лешим, ни Водяным здесь. Не будет он в этом лесу сиднем сидеть, пусть мир сперва посмотрит и узнает людей.

– Мы б зажили так славно одной семьёю, – проплакала Кикимора. – Я по-другому не знаю, как ему ближе стать, а так была бы на реке его наставницей! – она пустила-таки слезу, вытерла перепончатой лапой зелёную щёку. – А теперь наверное мать Тишки будет тебе женою и здесь Хозяйкою? – она заглядывать принялась мне в глаза.

Всё ж таки и они сходят с ума по-своему. Мара, она хоть может идти головы рубить направо и налево, а этой тяжело сидеть со своими думами в болоте.

– Нет. Ты моя жена и ты здесь Хозяйка, – ответил ей. – А про Тишку мы с его матерью решим. Тем более, он смышлённый, может за себя сам выбор сделать.

Последние слова слышали тихонько вошедшие Гостиата с

Тишкой.

– Ты просил подождать снаружи, зря мы вошли? – Гостиата неуверенно попятилась, смотря на меня с Кикиморой. – Мы сейчас уйдём.

– Зачем уходить? Проходите! – Кикимора встрепенулась, проскользнула между мной и стенкой и прошлёпала к ним, устраивая перепончатую лапу на плече Тишки. – Идёмте за стол, вам подкрепиться надо! Вы теперь будете здесь жить. Только я пока не знаю, где мы вас разместим? – она снова повернулась ко мне. – Как думаешь, Алёша?

– Кошечья пристройка до сих пор пустует. Я так и не снёс её. Там можно спальню обустроить. Или две. Тишка, хочешь свою комнату?

– Я могу где угодно спать, на любой лавке, – он прошёл к столу. – Мне не надо отдельного места.

– Мне стеснять вас неудобно, – промолвила Гостиата, боком пробираясь за стол.

– Помилуй, какое стеснять, дом огромный, – развела лапами Кикимора. – Устраивайся где хочешь. У меня своя опочевальня и купальня, мне вы не мешаете. А пристройка каменная, правда что, пустует. Алёши почти никогда дома нет – он всё время в лесу. Мне хоть будет веселее. Ну я, правда, тоже много времени на реке провожу, – быстро добавила она, поглядывая на меня. Я принялся есть. Оголодал страшно. Наблюдавшая за исчезающей едой Кикимора подскочила.

– Наверное ещё добавки надо? Я мало приготовила. Не привыкла к гостям.

– Я помогу, матушка, – Гостята тоже вскочила. Они столкнулись у печи.

– Я не мешаюсь? – спросила знахарка.

– Я совсем не ревнивая, – Кикимора сложила лапы на щёки Гостяты, а я подумал, что сила у речной нечисти такая, что она может одним махом оторвать знахарке голову.

– Я про дом и про хозяйство говорю, – Кикимора улыбнулась. – Распоряжайся всем, что видишь, смело. У меня не спрашивай.

– Вроде всё как раньше было, на том же месте, – огляделась Гостята, освободившись. Мне показалось, что намёк это на то, что она здесь была прежде Кикиморы. Я отвлёкся, за ними двумя наблюдая. А в голове промелькнула шальная мысль. Вот у меня две женщины в доме, стоят у печи и уже выясняют, кому и как хозяйничать, а Горян со своей сотней в юбках что делает? Они у него все вместе живут или по отдельности? Сколько к нему на самом деле ещё любопытных вопросов.

Ещё раз уверившись у Кикиморы, что она не собирается топить моего сына, я отправил их вдвоём купаться. Гостята, видно, чуть дара речи не лишилась. Попробовала Тишку остановить, но тот ответил, что уже не раз купался, а с речки их наверное заберёт Горян, так что они к обеду вернутся обратно. Гостята пообещала приготовить обед.

Мы остались вдвоём.

– Тебе бы поспать, – предложил ей.

– Как мне спать, когда белый день, – не согласилась она.

– А где вы ночевали сегодня? – я ж не помню ничего, вот спать свалился на улице.

– В спальне твоей, Алёша. Там тоже мало что изменилось, – спустя мгновение знахарка добавила.

– А что мне менять и зачем? – я уселся на крыльцо, дожидаясь, чтобы Гостята присела рядом.

– Тишка с твоей женою дружен? – спросила Гостята аккуратно.

– Вроде ладят, – ответил я.

– Я сказать тебе хотела, про себя и про сына... нашего, почему вышло так и что я думала, что так будет луч...

– Что ты думала и почему когда-то так решила и поступила, мне не важно, – остановил я её, – ты сейчас здесь и наш сын тоже.

Женщины одним моментом чувствуют. Что сейчас она в голове и сердце держит, то для неё правда. Завтра она будет чувствовать и думать другое и себя и меня уверять в том, что это и есть настоящее, а вчера было не то. Я решил, что мне без разницы. Через столько лет она уже сто раз заново придумала, почему так поступила и почему так правильно. Ещё и меня в этом убеждать ни к чему.

– Ты не хочешь меня выслушать?

– Нет, – я поднялся и открыл двери. – Дом тебе хочу по-

казать. Всё же изменился он немного, расскажу тебе, что где.

Она послушно зашла, я за ней последовал. Показал ей все комнаты, кладовые и ледник. Показал, как идти в покои к Кикиморе, и что её тут есть личная купальня.

– Сюда лучше не входить, – кивнула Гостята.

– Не то чтобы... Но всё ж таки она речная нежить, вряд ли тебе в её купальне понравится. Я туда не лезу, по крайней мере, – рыкнул я, надеясь, что похоже будет на смех.

А сам себе отметил, что Гостяте надо срубить обещанную когда-то баньку. Тишка, конечно, скажет, что может вымыться в любом корыте, но всё же они люди, им не подойдёт всё время мыться в реке.

В кладовой, где хранились припасы съестные, Гостята сразу схватила банку гороха.

– А вот это, Алёша, тебе пригодилось бы.

– Горох перекидывать из кучки в кучку? Тишка мне уже показывал.

– И ты, конечно же, не делаешь. А это очень занятие полезное, – она внезапно схватила мою лапу, прошлась своими сухими пальцами по моим пальцам, каждый прощупав, посмотрела на когти.

– Что поняла? – спросил я, забирая лапу.

– Держи, – она вручила мне банку с горохом. Пробежала взглядом по полкам, нашла пустой туюсок. – Вот из этой банки в этот туюс по одной горошине. А когти тебе подстричь нельзя?

– Нельзя. Ты, значит, Тишку учишь лекарскому ремеслу?

– Не то чтобы учу. Он любопытный, всё запоминает. А вдруг пригодится? – она вышла из кладовой, добавила. – Мы заснуть сегодня не смогли. Тишка про тебя всю ночь рассказывал.

– И что говорил?

– Всё больше про то, какой ты хороший.

Не знаю, можно ли понять по моей звериной роже, когда она, рожа, довольная.

– Быстро же он к тебе привязался, – продолжила Гостята. – А Кикимора тебе, значит, нынче жена?

И как с Гостятой разговаривать? Если она скачет с одного на другое. Я её повернул к себе.

– Могла и ты быть моей женою. Если б не сбежала.

– Но я ведь...

– Наверное не приняла мой лесной облик или, пораздумав, не приняла жизнь в лесу затворническую. В любом случае хорошо, что нас развела судьба.

– У вас так запросто тут женятся? – теперь она схватила меня за лапу.

– Вообще-то я сто лет прожил и ещё двести бы прожил и не женился. Но ты пришла, и если бы вернулась, стала здесь Хозяйкою. Но ты не пришла. И скрыла сына. А с Кикиморой у нас договор. Мне нужна Речная владычица, а ей поддержка в этом статусе. Водяной умер, нового нет, так что мы с ней одни следим за порядком в лесу, на реке и на болоте.

Как я уже и сказал – хорошо, что судьба нас с тобой развела вовремя.

– Я уйду, Алёша, – вздохнула Гостята, выпустив мою лапу и принявшись теревить свой рукав. – Немного передохнём, и уйду.

– Никуда ты не уйдёшь, – сообщил ей я.

– Так я здесь пленница?

– Ты здесь уважаемая гостья. Мать моего сына. И поку- да Тишка свою судьбу не выбрал и не ушёл от нас, ты будешь здесь со мной. Он тебя никогда не оставит, если не будет знать, что ты в безопасности. Со мной ты в безопасности.

– Я уйду в соседнее селение. У Тишки там много друзей. Там старейшина живёт и воевода, и...

– И я не могу быть уверен, что тебя там тоже не потащат на костёр. Туда людей уйдёт много, чьи дома разрушены и быт разорён. Вряд ли они тебе будут больно рады.

– Люди рассудят верно, кто прав, а кто нет! – начала горячиться знахарка, сверкнула гневно глазами.

– Или не рассудят. А мне ещё одно селение разорять не прельщает, – я её усадил за стол в горнице. – Гостята, даже если тебе поперёк горла мысль рядом со мной жить, ты ради Тишки сделай вид, что тебя устраивает.

– А ты решил, мало того, что у меня его забрать, так и ещё отослать куда-то!

– Ну не рядом же с твоей юбкой ему всю жизнь сидеть.

– Ему пять лет! – она попробовала вскочить с лавки. Я

усадила знахарку обратно.

– Не пять. Он не человек, так что, можешь считать, что он старше. Растёт быстрее. Среди людей так бывает, так что за это вряд ли бы тебя подняли на вилы, но другие навыки скрывать будет сложнее. Он колдовать способен, он слышит голос зверей и всего леса. Его надо учить.

– Ты не можешь? – наконец, тихо прошептала знахарка.

– Чему-то могу научить, а вообще мы с Горяном думали уже заслать Тишку вместе с его горынычами младшими на обучение в одно подходящее место. Да не навсегда же, женщина, – поймал я взгляд Гостяты. – Будет домой возвращаться. Если так захочет, может выбрать жизнь селянина себе. Я препятствовать не буду.

– Мне всё это не нравится, – она покачала головой.

– Гостята, – я подсел ближе. – Я не хочу чтобы он стал Водяным здесь или следующим Лешим. А если он останется, ему в нежить одна дорога. А эта привязь навсегда.

– Не хочешь ему судьбы своей? – Гостята встрепенулась, изучая меня взглядом.

– Не хочу. Но и я сколько-то прожил человеком и наверное мог найти себе другую судьбу, но не нашёл. Сгинул в лесу, да так, что в образину обратился. Хорошо, хватило способностей оставить человеческий лик. И тот вон потерян.

Больше я говорить не стал. Гостята упрямая, она может смолчать и попытаться убежать, но я всё как мог, объяснил ей.

Так и стали мы жить здесь вчетвером.

Глава 47

Гостята, в свойственной ей манере, рьяно принялась на всех готовить еды и прибираться в доме. Я не уверен, что у нас настолько грязно, сколько она всё намывает здесь.

Проходил мимо, поймал её за руку.

– Да не скреби ты, хватит уже. Сотрёшь до дыр эту столешницу.

– Тебе не нравится, как я убираюсь? – спросила меня, откладывая тряпку.

– Ты здесь не уборщица.

– Что же мне здесь делать? – она смотрела с вызовом. Я когтями щёлкнул, ветерком прошлось по дому, пыль смахнуло.

– Жил же я как-то здесь до того, как тут появились женщины, – чуть не ляпнул “жёны”.

– И куда же, Алёша, вся эта пыль девалась? По углам собралась и под кроватями? – нахмурилась Гостята.

– Если так нравится, то прибирайся, – ответил я. – Лишь бы ты была довольна.

С знахаркой мы не ладили. Кикимора с ней общалась лучше, чем я. Они как-то между собой отношения наладили. Может, меня ругают, может, говорят о чём-то ещё.

А я жду в гости Горяна, он змеище опытный. Две не сто, может, подскажет чего.

Горян прилетел, Гостиата его уважила. Наготовила полный стол разной снеди, змей сидел, пил ел и знахарку хвалил.

– Ой, вкусно наготовила ты, девица!

– Какая же я девица? – ответила Гостиата, стоя у печи.

– Всё вкусно, – проигнорировал Горян, – а вот перепёлочку готовишь ты неправильно. Дай-ка я покажу!

Он прошёл до знахарки к печи и начал что-то объяснять. Они заспорили.

– Я тебе говорю – сначала на огне поддержи, для корочки! Потом уже в печь! – горячился Горян.

– Как ты, батюшка, делаешь корочку, ни один зуб не разгрызёт! – не соглашалась Гостиата.

– А ты попробуй сначала, попробуй! – он запихнул Гостиате в рот кусок перепёлки. – Хрустит, а? Тает во рту? А теперь скажи, что не понравилось?

– Понравилось, – кивнула Гостиата, дожёвывая. – Но всё же таки такая корочка и в печи появится. А так быстрее.

– Нет, так выйдет из мяса весь сок!

– Ну попробуй мою готовку, – Гостиата тоже ему кусок перепёлки подала. Змеище сожрал прямо с её пальцев. Я уж раздумывал, чем бы в него запустить, да вроде за столом в доме. Неприлично.

– Хорошо, красавица! Очень хорошо! Но недостаточно! – он схватил её за руки и поцеловал её пальцы. – Вот скажи мне, девица, при таких талантах к готовке разве не обид-

но жить всего один век человеческий? Надо тебе быть бессмертной женщиной и учиться готовки у Горяна. Ох, мы вместе развернёмся! – он приобнял Гостяту за плечи. – Я так понимаю, ты не Хозяйка Леса? – он ноздрями потянул, знахарку обнюхивая.

– Нет, – ответила Гостята запросто. – Не знаю, про что ты, батюшка.

– Какой же я батюшка? Зови меня Горяном. Можно Горянушкой, – змеище подмигнул.

Гостята, которая видела, как Тишка на этом трёхглавом Горяне сегодня прилетел, пока ещё не совсем свыклась с нами всеми. Но привыкала быстро. Горящего Кощея больше не пугалась и каждый раз не вскрикивала. К Горяну, кажется, ещё быстрее проникнется.

– А пойдёшь ли в жёны к Горяну, красавица? – продолжил ящерица крылатая.

– Как же это в жёны? – знахарка не поняла.

– Будешь со мной жить, сделаешься бессмертной. Дети наши будут расти вместе – получится ватага крепкая. У меня детей много, а если выйдет ещё больше, я буду только счастливее. Ты станешь колдовать, будешь ведьма сильная. А если не захочешь: сиди на хозяйстве, занимайся дальше знахарством, – ворковал ей змеюка ласково.

– Горян, сядь уже на место, – не выдержал я. – И тащите сюда вашу перепёлку. Я тоже есть хочу.

– Подожди, – остановил меня Горян, вытянув ладонь и

снова взглянул на Гостяту. – Я жду ответа от красавицы.

– Спасибо за твоё предложение, уважаемый Змей Горыныч, – ответила знахарка, занимаясь птицей, чтобы на нас не смотреть. – Но я когда-то обещала отцу своего сына, что у меня мужчин больше не будет, кроме него. Так что я замуж не пойду ни за кого. Проживу, как есть, – она быстро подхватила блюдо и принесла на стол, показывая, что разговор окончен.

Потом Горян меня расспрашивал, что со мной? Почему не хочу перекинуться в человека? Ведь если нужен мне повод – то вот он: сын под окнами бегаёт и женщина любимая по дому ходит.

– Умру я, – ответил сердобольному нашему Горяну. – Перекидывался недавно и понял, что дело не в одной моей голове. Много внутри инородного моё тело носит. Туша лешего всё это обрастила мясом, переплела и как-то приспособилась, хотя тоже болит. А тело человеческое это носить в себе неспособно. Ну и... я уже снова пробовал, но не получилось.

– А как получилось в последний раз?

– Надо было выйти к людям. За Тишкой вышел. Перекинулся, рога отрубил и пошёл. А сейчас никак не выходит.

Горян покачал головой. Тут подсказать ничего не вышло. Я бы и рад, вот она, семья, рядом, а не выходит справиться ни со своей больной башкой, ни со своей покалеченной натурой. Так же ночами вою, так же накатывает. Так же плохо слушаются лапы.

Кощей прилетал как раз когда Горян был. Посокрушался, что сейчас и у меня две жены, а у него, Кощейки, до сих пор одна.

– Это что, я только начал, подожди, во вкус войду, – подначивал я его.

– Мара тут про тебя узнала, и мне выдала, что раз у Горяна сто жен, у тебя, Лешего, две жены, то и у неё должно быть больше одного мужа. Что она, хуже Лешего со Змеем, что ли?

– Интересная она у тебя женщина, – признался я.

– А ты что? – спросил Горян.

– Сказал, чтобы со мной посоветовалась – мне с ним сидеть, пока она будет по своим иномирям скакать – головы рубить. Может, на рыбалку сходим с ним. Так-то неплохо...

– Кощей почесал голову.

– А она что? – Горян всё любопытствовал.

– Да ничего, – вздохнул Кощей. – Сказала, что я не люблю её и она уйдёт к Алёше четвёртою женою.

Я начал считать жён.

– Обсчиталась она. Куда четвёртою-то? Третьею же, выходит.

– Она Раду, наверное, посчитала, – посмеялся Горян. – Алёша, вместе с Радой четыре будет.

– А Раду мне куда?

– А что? – Горян облокотился на Костейшество. – Ты раз-

ве не привык к ней? Я, например, привык. Жалко девицу, если бессмертной она не станет. Что же, человеческий век проживёт и сгинет?

– Ну она шустрая. Может, и сама как-нибудь в нечисть перекинется.

– Эта перекинется. В образину какую-нибудь окаянную. С неё станется. Будет в шерсти, с лапами и хвостом девица. А глазу приятнее смотреть на нормальную. Не в обиду сказано будет Кикиморе.

– А мужа её куда?

– Так она переживёт его.

– Ждать, как он помрёт? Так к тому времени и Рада станет старухой, – размышлял я.

– Не станет. Больно сильно не состарится, раз богатырка. И много дольше проживёт человеческого мужа. Да и когда будет в жёнах нечисти, внешность поправится. А ты, Алёшенька, сам не больно привередливый для того, у кого морда звериная и человеческой ипостаси нету? – посмеивался Горян.

– Братцы, я не понимаю, как это у Лешего уже четыре жены, у тебя, Горян, сто, а у меня, у царя, стало быть, ни одной? – Кощей развёл руками.

– Меня больше тревожит, что у Алёшеньки уже четыре на уме, и он только во вкус входит, а у меня до сих пор, как было, так и есть – всего сотня! – сокрушался Горян.

Друзья мои прилетали часто. Стало в моём доме весело. Правда, не знаю, как оно будет, когда Тишка из дома вылетит. Горян его вместе со своими устроить решил куда-то в школу лётную к какому-то колдуну змею. Я не против, это дело интересное, тем более – я к лесу и земле привязан, а Тишка будет словно птица вольная.

– А там, гляди, научится и змеем обращаться, – шутит Горыныч.

– Если нет этого в природе – как же научится? – не верю я.

– Пока он человек, сам знаешь, может принять любую сущность. Вот выберет быть змеем!

– Это ящером летающим? Как ты?

– А чем я плох? Из вас я самый живучий и самый по жизни запасливый. До сих пор жизнь не потратил, это вы – мертвечина ходячая! – так он нас и дразнил с Кощеем на пару.

Зубоскалили мы много по прежнему.

С Гостятой после одного случая стало повеселее.

Всё больше ходила она смурная, как-будто злилась на меня. Отвечала односложно, на глаза не показывалась. Как вдруг попросила новое платье.

– Моё совсем износилось, а я вещей не захватила как-то, – пожаловалась она.

Оно и понятно, с костра-то за вещами заскакивать несподручно.

– Договорись с Мокошью, спроси у неё всего, что тебе надо. Или сама сшей, – я подвёл Гостяту к сундукам и большому чулану, открыл дверцы. Материи там много всякой разной. – Вот, выбирай.

– Мне бы на сейчас, после бани что-нибудь, – Гостята начала всматриваться в ткань. Ничего не было на неё готового. – Ты же колдовать умеешь, Алёша, – Гостята мне напомнила. Неужто я при ней много колдовал? Вытащил из сундука ткань потоньше, повесил знахарке на плечи. Приноровился. Поколдовал. Осталась знахарка не то чтобы совсем раздетая, но одета мало. И по дому в этом, я бы лично был не против, если бы она ходила, но не при гостях.

Глаза у знахарки округлились, она закрылась руками.

– Я старался, сделал как мог, – сообщил я. – Ещё будем пробовать?

– Алёша, это ж стыд какой! – ту ткань, что на ней держалась на честном слове, она придерживала обеими руками.

– По мне так миленько, – не согласился я, её разглядывая.

– Какое миленько? Я для такого старая. И молодой бы не оделась в такое!

Ну я, конечно, не пойму, что ей не нравится?

– Ты не старая, – сказал ей, разглядывая её волосы. Там пряди седые, и много. С чего бы так её седина разобрала?

– На костре, видать, в один миг я поседела, – Гостята поняла, на что я смотрю. – Я бы сама не узнала, мне Тишка про голову сказал, что раньше у меня белых волос не было.

Она поспешила прикрыть голову, я ей не дал, здесь она может ходить как ведьма. Я помню, что ей косы плести не нравится. Тянуло меня к ней сильно. Хорошо, что я услышал, что бежит сюда Тишка. Гостята тоже поняла и перепугалась. Пока она ловила то, что осталось от платка, одежду тоже уронила. Так я её почти голую и запихнул в чулан.

– А мамка где? – сразу спросил Тишка, забегая. – Что-то нигде нету!

– В чулане сидит. Не совсем одетая, – ответил я, прислонившись спиной к дверцам.

– Да? – Тишка на мгновение задумался. – Ну я потом зайду! – и он так же шустро, как забежал, вылетел из комнаты.

– Гостята, – я постучал в дверцы чулана, – ты там будешь сидеть или выйдешь?

– Посижу, – тихо ответили из чулана.

– Ну как знаешь, – усмехнулся я. – Я колдовать больше не буду, лучше сама себе наряды сшей.

– Угу, – раздалось глухо из-за двери. Я ушёл. Чего зазря искушать судьбу?

С тех пор прошло немного времени, Гостята с Кикиморой всю поладили. Вместе шили наряды и наперебой мне показывали. То есть, показывала, в основном, Кикимора, а Гостята шила.

А я всё раздумывал о четырёх жёнах. Вот у меня в доме две женщины, и с обеими я не живу. А будет их здесь таких четыре – совсем же смешно.

Как вдруг та, что мне единственная женою, как-никак, считается, сказала, что уходит.

Был вечер, ко мне подошла Кикимора, когда я стоял себе на улице у дома. Гостята с Тишкой ушли за ароматной травой для самовара, я ждал их. Кикимора ко мне прильнула ласково и сказала, что решила уходить из моего дома.

– Чего ты, матушка? – я, признаться, не ожидал.

– Удивила разве? – Кикимора прищурилась.

– Удивила, – признался я. – Али что не ладно?

– Всё как раз налаживается, Лешенька. В доме появилась женщина, что тебе родила ребёнка, ведьма сильная неразбу-

женная, и тебе мила, это ведь видно всем. Я меж тобой и матерью твоего сына стоять не буду. Сделаешь ты её Лесной Хозяйкой рано или поздно, а я тогда куда? Лучше я сама уйду – пора в дом возвращаться речной владычицы. Полностью давно вступила я в владения, реки все исследовала, и не брошу боле. К этому я прикипела, слилась с рекой, – она взяла меня за руку. – Если бы не ты, этого бы не было. А теперь я привыкла и не боюсь. Нет у нас на реке Водяного – разве правда это? А я тогда кто?

– Ты Владычица Речная, матушка, – подтвердил я ей.

– Вот и я решилась, что она самая, – кивнула Кикимора. – Не надо нам нового Водяного, он давно есть, это я. Ухожу я на реку, Алёша. В собственный дом.

“Дом Водяного займёт” – про себя подумал. Но имеет право, если согласна река.

– Неволить не стану, держать подле себя не имею права, – наконец, высказался я, – обещал, если захочешь, сам отпустить.

Она прислонилась ко мне, прижав к моей груди свою косматую голову.

– Скучать по тебе буду сильно, Алёша. Привыкла к тебе. Никто меня раньше женою не называл, так что я тебе первая жена. Уж запомни.

– Да уж запомню, – я её погладил по волосам спутанным. – Ты мне никогда чужой не будешь.

Она вздохнула, вытирая об мою шкуру мокрый нос. Я

продолжил.

– Если что случится, сразу мне сообщай. Пару раз пострашаю несогласных, чтобы поняли, что между нами в этом смысле не изменилось ничего.

– Спасибо, – Кикимора кивнула, отстраняясь, а потом добавила. – Знаешь, Алёшенька, всё ж таки кроме тебя в лесу мужчины нету, а так как я решила сама Водяной Владычицей полновластно стать, то не скоро и появится.

– Ты это к чему, Кикимора?

– А к тому, что если больно уж по мне соскучишься и решишь всё-таки жить одной семьёй, ты мне знать дай, – она мне хищно улыбнулась. – Я приду к тебе женою обратно. Только ты учти – я первая тут была хозяйка и буду первой женою. А твоя Гостятушка – второй. Ну и остальные все уже после неё! – вдруг она добавила. Слушала она, что ли, разговоры с Горяном и Кощеём наши?

Я спорить не стал, кивнул ей и в ответ тоже оскалил морду, как теперь умею. Со всем лешачьим почтением. Дескать, согласен. Существование наше непредсказуемое. Может, умрём завтра. А, может, проживём тысячу лет. Нельзя зарекаться и от жены Кикиморы.

Глава 48

Гостяте я сказал просто, что Кикимора ушла. Знахарка также в ответ просто кивнула. Ничего не стала спрашивать. Мы остались в доме втроём.

Как-то ночью снова сны я видел иль видения, буйствовал. Потом показалось сквозь дрему, что голос знахарки слышу. Потом как будто её крик. Но так и не проснулся. Наутро увидел знахарку с перевязанной рукой.

– Ты чего это, откуда рана такая? – я схватил знахарку, особо разрешения не спрашивая, на руку посмотрел. Под повязкой след от когтей.

– Это кто так? Не должно быть, чтоб Баюнка.

– Не он, – быстро знахарка ответила, кота выгораживая. – Поцарапалась в лесу.

– Это зверь сделал, – не поверил я. – Уж не ветка точно. А по виду...

Лапу я свою поднёс и дошло вдруг, что это я.

– Ты ночью приходила ко мне? – спросил. Сам разозлился сразу. Тут же решил, что сегодня её запрю. Да Тишка не поймёт.

– Ты очень спишь плохо. Воешь сильно. Пока в доме была Кикимора, я не решалась заходить в спальню к чужому мужу. А вчера заглянула.

– Зачем полезла ко мне? Не видела, что не надо?

– Когда я стала разговаривать с тобою, ты начал успокаиваться. Мой голос слушал. А потом случайно дёрнулся. Это я виновата.

– Дура ты, – в словах сдерживаться не стал. – Ты хоть понимаешь, что я тебя случайно и убить так смогу? Не просто поцарапать – голову сорвать. Мало ли мне снится что.

– Не пугай меня, Алёша. Я много видела раненых.

– Да откуда много? – сердился я. – Из дружины Велимира пришли живые все.

– Живые-то живые, но они не нежить, им увиденное ещё страшнее и тяжелее далось, чем вам. Многие маются.

– Ну и что решила ты? Песенки петь мне? – я всё думал, как её отвадить так, чтоб даже носа не показывала. – Подумай про меня, – тише сказал ей. Подсел ближе. – Что со мной будет, если я мать своего сына убью?

– Я осторожно, Алёша, – она взяла меня за лапу. Рука у неё по сравнению с моей махонькая.

– Не надо. Не приходи больше, – сказал ей и ушёл. Решил, что если будет приходить, уйду ночевать в лес.

Она всё ж таки и на другую ночь пришла. Слышал я ласковое нашептывание и пение. А когда проснулся, она спала рядом, положив руку свою мне на грудь.

– Гостиата, – позвал её тихонько. Спросил, когда она открыла глаза. – Ты что здесь делаешь?

– Спала с тобой рядом, – ответила она просто. – Всю ночь почти пела песенку. Вон, голос охрип, – она рассмеялась.

Как я давно не слышал, как она смеётся. Нет, смеялась пару раз, рядом с Тишкой. Он что-то вытворил, а потом её смешил. А теперь она рядом со мной смеётся. И приятно и больно.

– Расплела косы, молодец, – я ей провёл по волосам, когтями запутался.

– Может, срезать их? – она спросила.

– Нет, тебе нельзя. Ты ведьма. Не трогай волос, – сказал ей, любуясь. Седых прядей и впрямь много. Ну так а я и вовсе образина лохматая.

Мне не хотелось, чтобы она спала рядом. Было за неё страшно. Но и прогнать её не мог.

Гостята решила приводить меня в порядок. Чем, как обычно, сильно озадачила. Она взялась меня лечить.

– Тебе нужно вернуть облик человеческий, – сказала мне, нагрев воды и решившись меня отмыть.

– Гостята, это не поможет, – объясняю ей, а она мне решила ещё и шерсть состричь и снова наварила своих мазей. Я пару раз знахарку от себя откинул, а потом ещё и окунул в бочку с нагретой водой. Вынырнув, Гостята хохотала в голос. Странная она, казалась мне счастливой. И я её сколько уже швырял и толкал – ни разу не поцарапал. Она хваталась за меня и визжала, а мне очень хотелось как-нибудь внезапно облик принять человеческий, чтоб она поняла, что допрыгалась. Но не получалось.

– Хочу с тобою жить, – она сказала, собирая влажные во-

лосы. На улице жарко, Гостиата сидит в мокром платье, припекает солнце.

– Кто тебя гонит? – спросил у неё. Я одновременно и хотел, чтобы она ушла, тяжело смотреть на неё, но вместе с тем я этого боялся.

– Ты разве не гонишь? – она посерьёзней стала.

– Нет.

– А как Тишка с Горяна детьми улетит?

– Если не хочешь уходить, живи здесь, – если можно только смотреть на неё, я бы, наверное, смотрел вечность, так, наверно, тогда сожрал бы взглядом.

– Хочу чтобы ты человеком стал, – она села рядом. Я смотрел на её голые ноги, острые коленки и думал о том, что эту проклятушую бабу надо запихать обратно в бочку.

– Больше никаких желаний нет у тебя? Чтоб реки вспять пошли, чтоб пошёл снег летом?

– Реки вы разворачивать умеете, на земле обширной нашей есть наверняка места, где и летом снег идёт, а ты, Алёша, при мне обращался, значит, ещё раз сможешь.

– Убьёт это меня, – сказал ей. Не хотелось в такой хороший солнечный день говорить про это. Но раз зашёл разговор. – Хочешь, чтобы я попытался?

Она долго молчала. Снова схватила мою лапу. Сжимала мои пальцы своими долго, насколько у неё сил хватало. Вздохнула глубоко и подняла на меня глаза.

– Я хочу попробовать вылечить тебя. Но не знаю, дове-

ришься мне или нет. Может, Кощей с Горяном тебе лучше лекаря смогут доставить, если сам ты не можешь из лесу уйти.

Нечисть живёт долго и медленно. Заходил у нас разговор, а потом как-то забылось. Я сам сказал, что человеком быть мне ни к чему. А теперь вот Гостиата рядом, и её век недолог.

– И как ты будешь лечить? – стало мне интересно.

– Нужно, чтобы ты обратился человеком. Из-под этой шкуры осколки не вытащить, шкура толстая, тело твоё всё в себя приняло и не отдаёт. А из человеческого достать попробовать можно.

– А если я помру, пока ты достаёшь?

– Я больше чем ты, боюсь. А всё же думаю, что сделаю. Источник с мёртвой водой появился. Принесу воды в бочку. Будем ей твоё тело заживлять. Как совсем немоготу будет – обернёшься обратно в Лешего. И так попробуем через время какое-то раз несколько, пока лето ясное. Осенью долечим, зимой на покой в спячку уйдёшь. Если всё затянется, весной встречу здорового Алёшу своего.

– Ты уже и всё продумала, – я уже знал, что соглашусь. Хотелось к ней прикоснуться.

– Я только боюсь, что ты не захочешь. Но даже если тебе человеческий облик не нужен, ведь и тело звериное тоже болит. Долго ли ты так протянешь?

– Протяну достаточно, пока у меня сын растёт, и я ему нужен. А Тишке вроде без разницы, есть или нет у меня ипо-

стась человеческая.

– Тебе всё хуже и хуже будет, чем дольше тянешь, тем больше тело приспособливается. Не сможешь скоро человеком быть.

– Это как ты решила?

– Говорила и с Кощеем, и с Горяном, делилась соображениями. Если не веришь мне, они найдут тебе лекаря.

Она только что радовалась, смеялась, светила вся. А теперь снова сидела понурая. Мне не хотелось умирать, когда есть жена и сын. Быть ближе к ним – желание человеческое. Но ведь заботиться о них могу и образиной страшной.

Внезапно оказалось, что мне есть для чего жить.

Глава 49

– Если у тебя получится, будешь мне женой.

– Что получится? – Гостята стала сонная. Разморило её на солнышке.

– Вернуть мне человеческий облик. Тогда будешь мне женой и Хозяйкой Леса.

– Это ты мне предлагаешь? – она потянулась.

– Нет, предупреждаю.

– И моего согласия не спросишь? – она тихо усмехнулась.

– Конечно нет.

Мы ещё долго сидели на солнце. Гостята задремала, я тоже заснул. Её платье сохло, пахло мокрой тканью. Волосы знахарки щекотали мне шею.

Проснувшись, не открывая глаз, я понял, что так быть не должно. Почувствовал сначала солнце на коже, и то, что Гостята как будто ближе. Она меня обнимала, прильнув, и сладко сопела. От дыхания равномерно поднималась её грудь, я слышал, как стучит её сердце. Она крепко спала, а я нет.

Я обратился, пока дремал. И проснулся, держа на руках любимую. Мысли, что я сейчас сделаю, взбудоражили быстро.

Я уже собрался дать себе волю, как услышал рядом:

– Мужик, а ты кто?

Поднял глаза, поодаль стоял Тишка, раздумывая, подхо-

дить или нет.

– Леший я. Не признал?

– Вот сейчас признал, батюшка, – сын подошёл ближе. –

А что с мамкой?

– Не видишь, спит, – я попробовал перехватить Гостяту, чтобы поднять на руки. – Тишка, давай маму будить не будем. Перенесём в тенёчек?

– Хорошо, – быстро согласился сын.

– Постели что-нибудь у крыльца, устроим туда маму, пусть поспит ещё.

Тишка было метнулся в дом, за одеялом, но Гостята проснулась. Распахнула глаза, быстро скользнула по моему лицу и шее пальцами.

– Алёша! Ты давно обратился?

– Не знаю. Я спал.

Она хотела сказать ещё что-то, но заметила Тишку и рванулась с моих рук, я её не выпустил.

– Тишка... Это отец твой, – быстро начала объяснять Гостята. Она почему-то испугалась и смутилась сильно.

– Я знаю, мам.

– Знаешь? – она стушеввалась ещё больше. Потом начала искать на небе солнце. – Сколько я спала? Долго?

– Да нет, ещё даже не вечер, – Я её спустил на землю, но из объятий не выпустил. Она поправила на себе платье и принялась прибирать волосы.

– Красивая у нас мама, правда? – спросил я Тишку.

– Да, – он подошёл и погладил локон её волос. – Очень красивая.

– Надо маму поцеловать и попросить у неё обед для нас. Я не дядя Горян, готовить не умею.

Я сел на брёвнышко, с которого недавно поднялся, усадил Гостяту на колени. Тишка подошёл и поцеловал маму в щеку. Заглядывая в глаза ей, сказал.

– Мама, я голодный.

– Я тоже голодный, – признался я, целуя знахарку в другую щеку. Меня, конечно, мучил другой голод. Хорошо, что сын рано вернулся. А то бы я в своих желаниях себя быстро угробил. От вкуса её солоноватой от пота кожи мешались мысли. Гостята, кажется, хотела нас обоих обнять одновременно, но мы оба быстро высвободились. Я потрепал Тишку по волосам. Волосы густые, мамины.

– Пойдёмте в дом? – спросил у сына и знахарки.

– А ты обратно в Лешего обратишься? – спросил у меня Тишка, рассматривая.

– Обращусь, конечно. И, наверное, скоро. Может быть, сейчас.

– Хорошо, оно так интереснее! – выдал сын.

– А мне больше твой отец таким нравится! – испугалась знахарка, кидаясь мне на шею.

– Разберёмся как-нибудь, – ответил я.

Мы прошли в дом. Знахарка зашла вслед за Тишкой, а я задержался на крыльце. Впитать в себя хотелось этот день,

жару послеполуденную, запах травы дурманящий и ветра освежающую прохладу. Сегодня в ночь в лесу расцветёт папоротник. Будет манить кого-то снова и наполнять надеждою. Верят некоторые, что исполняет он желания. У меня есть одно, да вряд ли исполниться ему поможет цветок.

Я уже получил много, чего, быть может, не заслуживаю. И вот, сам уже мёртвый, чего-то от жизни хочу. Я слышу, как смеются в моём доме. И как зовут меня. У Гостяты голос звонкий, и она спрашивает.

– Алёша, ну ты идёшь? – говорит она ласково. – Или ты там заснул?

Летом я в спячку не впадаю. Но если всё сном окажется, тогда не хочу просыпаться. Она что-то ещё говорит, с Тишкой спорит, смеётся. А я дверь притворяю и думаю, что если это всё снится мне, тогда остался я в той берлоге, в которую меня огнём бушующим закинуло. И никакая Мара не пришла, чтобы меня откопать. Но если всё так, тогда, кто б ты ни был, друг или враг, если ты заметил меня – лучше пройди мимо. Судьбу не испытывай и нечисть лихую не зли.

Натворили мы много, и кто виноват – не знаем. Поэтому сказано будет:

“Лучше меня не буди”.